

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2022 / № 3

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. – Domestic history (historical sciences); 5.6.2. – Global history (historical sciences); 5.6.5. – Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. – International relations (political sciences).

ISSN 2072-8360 (print)

2022 / № 3

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала

«Вестник Московского государственного областного университета:

Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. – д-р ист. наук, проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. – д-р ист. наук, проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. – д-р полит. наук, доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. – д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. – д-р ист. наук, проф., МГОУ;

Журавлев В. В. – д-р ист. наук, проф., МГОУ;

Захаров В. Н. – д-р ист. наук, проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. – д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. – д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. – д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. – д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. – д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. – доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. – д-р ист. наук, проф., МГОУ (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. – д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. – д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. – д-р ист. наук, проф., МГОУ

Штоль В. В. – д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» – печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

Индекс серии «История и политические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2022. – № 3. – 158 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal "Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences"**
Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Political Science, Assoc. Prof., MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Political Science, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K. A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of the Moscow Region State University" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2022. – no. 3. – 158 p.

© MRSU, 2022.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 6

ТЕМА НОМЕРА:

ДЕНАЦИФИКАЦИЯ 2.0 И ГЛОБАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

- Якунин В. И.* Цивилизационные основания современного мирового политического кризиса . . . 7
- Федорченко С. Н.* Наступление метавселенной: возможности и ограничения цифровых технологий в купировании рисков нацизма 21
- Белов С. И.* Видеоигры как ресурс противодействия реабилитации нацизма, национал-шовинизма и милитаризма: нераскрытый потенциал 39

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Фанталов А. Н., Малязина М. А.* Историко-культурные предпосылки исторической динамики изменения высшего образования в Санкт-Петербурге в XVIII веке 50
- Могилевский Н. А.* «Смело рекомендую Вашему Высокопревосходительству этого достойного чиновника»: роль протекции в губернаторских назначениях накануне отмены крепостного права (1855–1861 гг.) 60
- Печерский В. А.* Военный трибунал Енисейского бассейна в первые послевоенные годы (1945–1948) 73

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Ометюх М. Н.* Неудавшееся умиротворение Боснии: план Вэнса-Оуэна 86
- Шелудченко Н. П., Андреева А. Ю.* Миграционная политика IV правительства А. Меркель (2018–2021 гг.) 93

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- Миловский Н. М.* «Северная система» как вектор внешней политики России в 1764–1774 гг. в трудах отечественных исследователей 104
- Ильин А. А.* Идейные истоки теории официальной народности: историографический аспект 113
- Тетерин П. В., Киселёв М. А.* Политика маккартизма в российской историографии. 121
- Шагун Г. Е.* Положение русского и русскоязычного населения в постсоветских странах: современная историография вопроса (2017–2021 гг.) 133

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Абдулазизов К. М.* Особенности современного парламентаризма в государствах Закавказья: сравнительный анализ 140
- Гришина Т. М.* Эволюция Евразийского экономического союза: особенности и тенденции развития 148

CONTENT

Editor's Column 6

THEME OF THE ISSUE: DENAZIFICATION 2.0 AND GLOBAL AGENDA OF WORLD DEVELOPMENT

V. Yakunin. Civilizational Foundations of the Modern World Political Crisis 7
S. Fedorchenko. Arrival of the Metauniverse: Possibilities and Limitations of Digital Technologies
 in Reducing the Risks of Nazism 21
S. Belov. Video Games as a Resource to Counter the Rehabilitation of Nazism, National-Chauvinism
 and Militarism: Unrevealed Potential 39

DOMESTIC HISTORY

A. Fantalov, M. Malyazina. Historical and Cultural Prerequisites of the Historical Dynamics
 of Changes in Higher Education in St. Petersburg in the 18th Century 50
N. Mogilevsky. «I Boldly Recommend Your High Excellence of This Decent Officer»:
 The Role of Protection in Governor's Appointments on the Preview of the Abolition
 of Serfdom (1855–1861) 60
V. Pechersky. Military Tribunal of the Yenisey Basin in the First Post-War Years (1945–1948) ... 73

WORLD HISTORY

M. Ometiukh. Failed Appeasement of Bosnia: Vance-Owen Plan 86
N. Sheludchenko, A. Andreeva. Migration Policy of the 4th Government of A. Merkel (2018–2021) .. 93

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

N. Milovsky. The «Northern System» as a Vector of Russia's Foreign Policy in 1764–1774
 in the Works of Domestic Researchers 104
A. Ilyin. Ideological Origins of the Theory of Official Nationality: Historiographical Aspect ... 113
P. Teterin, M. Kiselev. The Policy of McCarthyism in Russian Historiography 121
G. Shagun. Situation of the Russian and Russian-Speaking Population in the Post-Soviet Countries:
 Modern Historiography of the Issue (2017–2021) 133

POLITICAL SCIENCE

K. Abdulazizov. Features of Modern Parliamentarism in the Transcaucasian States:
 Comparative Analysis 140
T. Grishina. The Evolution of the Eurasian Economic Union: Features and Development Trends .. 148

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

2022 год явился временем перелома мирового исторического развития. Монотонный процесс оказался заменён процессом революционным. Прежняя система мироустройства окончательно рухнула. Новая мироустроительная модель станет развилкой возможностей. Соответствующие симптомы, приведшие человечество к кризису 2022 г., обнаруживались и ранее. История на интервале 2014–2022 гг. проявилась в следующих ведущих к глобальным трансформациям тенденциях:

- военная эскалация;
- пересменка экономического лидера, борьба за передел рынков;
- кризисные процессы в мировой экономике;
- рост центр-периферийных противоречий;
- усугубление ценностных противоречий;
- рост ксенофобии, новая фашизация;
- максимизация социальной поляризации;
- управленческие тупики периода пандемии.

В. И. Ленин в своё время писал о Российской империи как о слабом звене в цепи империализма. Сегодня таким слабым звеном стала Украина. Украинская воронка затягивает в себя фактически всё человечество. С одной стороны находится Россия, отстаивающая принципы многополярного мироустройства, с другой –

Запад, ведущий борьбу за сохранение системы однополярности. За украинским режимом стоит консолидированный Запад, ведущий прокси-войну против России, в котором украинцам отведена роль «пушечного мяса». «Украинский проект», собственно, и создавался в качестве «тарана» против России. Также в своё время глобальные силы мирового капитала построили военную машину гитлеровской Германии с целью канализировать наступления европейского фашизма и нацизма на СССР.

Возникают исторические аналогии с ситуацией 1914 и 1939 гг. Ещё один шаг, и катастрофа станет необратимой.

Есть ли выход из сложившегося положения? Этот выход также подсказывает история. По итогам Победы 1945 г. были инициированы процессы денацификации и демилитаризации государств-агрессоров. Необходимо было вытравить нацизм с корнем, ликвидировав источник угроз для человечества. И это удалось. На десятилетия был обеспечен мир, и «холодная война» 1.0 так и не переросла в «горячую». Именно эту рецептуру и предложила Россия применительно к Украине.

Что такое современная денацификация? Что представляет собой нацизм в его новых модификациях? Каковы источники современного мирового кризиса? На эти и другие вопросы дают ответы авторы публикуемых в «Вестнике» статей.

ДЕНАЦИФИКАЦИЯ 2.0 И ГЛОБАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-7-20

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Якунин В. И.

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Нахождение объяснений природы современного глобального политического кризиса через призму теории цивилизационного развития.

Процедуры и методы. Методология исследования опирается на цивилизационный подход в анализе мировых общественных процессов. Ход истории отдельных цивилизаций и мира в целом рассматривается на основе модели «цивилизационного маятника». Ключевым методом явился приём исторических аналогий как уроков истории для актуальной политики.

Результаты. Нашла подтверждение гипотеза о продуцировании кризисных процессов в сложных социальных системах и на уровне человечества в целом при игнорировании цивилизационных факторов развития. Отрицание цивилизационно-ценностной вариативности мира в глобальной политике явилось фундаментальным основанием современного мирового политического кризиса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представленное исследование может быть использовано в качестве теоретического основания в выработке подходов соотнесения глобальной политики и политики национальных государств с фактом существования мировых цивилизаций.

Ключевые слова: цивилизации, кризис, «цивилизационный маятник», конфликт, глобальная политика, Россия, Украина, США

CIVILIZATIONAL FOUNDATIONS OF THE MODERN WORLD POLITICAL CRISIS

V. Yakunin

*Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To find explanations of the nature of the modern global political crisis through the prism of the theory of civilizational development.

© СС ВУ Якунин В. И., 2022.

Methodology. The research methodology is based on the civilizational approach in the analysis of world social processes. The course of the history of individual civilizations and the world as a whole is considered on the basis of the “civilizational pendulum” model. The key method was the use of historical analogies as history lessons for current politics.

Results. The study has confirmed the hypothesis about the production of crisis processes in complex social systems and at the level of humanity as a whole while ignoring civilizational factors of development. The denial of the civilizational and value variability of the world in global politics is the fundamental basis of the current global political crisis.

Research implications. The present study can be used as a theoretical basis in developing approaches to correlating global politics and the policies of nation states considering the fact of the existence of world civilizations.

Keywords: civilizations, crisis, “civilizational pendulum”, conflict, global politics, Russia, Ukraine, USA

Введение

Мир оказался в состоянии глобально-го кризиса. Первым симптомом его проявления явился кризис экономический, поразивший в 2008 г. мировую экономику. Его удалось притупить за счёт масштабной эмиссии, но причины, его породившие, не были устранены. Причины же эти имели неэкономическую природу. Уже тогда стало очевидным, что кризис является системным, а в основе его лежит поражение базовых ценностей человечества. Выявление аксиологической основы кризиса обуславливает обращение к феномену цивилизаций как сложных социальных систем, формируемых на единой ценностной платформе.

Сегодня применительно к актуальной политической повестке обнаруживается дефицит такого рода исследований. И дело не в том, что теория цивилизаций выведена из дискурсивного пространства. Она включена в учебники и образовательные программы как классическая компонента развития мировой общественной мысли. Проблема состоит в её операционном использовании. Тема цивилизаций применяется чаще всего для описания прошлого, но не анализа актуальных политических вызовов и формирования управленческих рецептов. Приходится констатировать, что соединения цивилизационной теории с политической практикой до настоящего времени на системном уровне не произошло. Игнорирование же цивилизационных фак-

торов в политике приводит к повторяемым провалам и катастрофам.

Гипотезой представляемого исследования является выдвижение положения о цивилизационно-ценностной природе современного глобального кризиса, максимально проявленного, в частности, в повестке конфликта 2022 г. Невнимание к цивилизационным факторам развития человечества оборачивается к провалам во внутренней политике государств и войнам во внешней политике.

Методологической основой представляемого исследования является применение теории цивилизаций в качестве объяснительной модели актуальных политических вызовов. Ключевым исследовательским методом выступает в данном случае приём исторических аналогий, определяемых в качестве уроков истории.

Метафора «цивилизационного маятника»

В древнекитайской традиции «Дао дэ цзин» формулировалась такая мысль, что, если безоглядно двигаться в одном направлении, можешь не заметить, как оно сменится на противоположное [9]. Если разрушать равновесие в пользу одной из сторон, то завтра неизбежно проявят себя силы противодействия. И чем больше будет приложена сила, тем сильнее окажется и реакция. За движением маятника в одну из сторон непременно последует на следующей фазе обратный его ход с возрастающей амплитудой [5].

И было бы наивно надеяться, что обратного хода не будет. Можно полагать, что Третий закон Ньютона действует и применительно к процессам, происходящим в социальных системах. И в этой связи представление политиков, что маятник будет всегда двигаться только в одном направлении с запада на восток, является не только не стратегичным, но и лишённым элементарного здравого смысла.

Напомним некоторые из общеизвестных проявлений закона маятника в истории. Цивилизационным ответом вторжения персов в Грецию стало через столетие сокрушение Персидской империи в результате походов А. Македонского. Ответом на арабскую средневековую экспансию стала организация крестовых походов на Ближний Восток. Пожар в Москве в 1812 г. – и вот уже в 1814 г. русские войска во главе с императором вступают в Париж. Победа стран «Антанты» в Первой мировой войне была закреплена Версальской системой, построенной таким образом, что фактически провоцировала новую мировую войну. Одни оказались национально унижены (Германия), другие – изолированы (Советский Союз), и как итог – глобальная трагедия [18]. А разве ничему не учит судьба Османской империи? Масштабная экспансия и этноконфессиональные преследования породили ответные удары – внешние и внутренние, приведшие её к геополитическому краху.

Широко обсуждаемой темой является сегодня проблема последствий колониализма и расизма: ответом на идеологию расового превосходства колонизаторов оказываются фобии потомков рабов к потомкам своих угнетателей. Эта историческая связь наиболее ярко проявилась в современных США. Гражданская война 1861–1865 гг. положила конец рабству, однако отнюдь не уравнила чернокожее население в правах с белым населением. Именно это неравенство в доступе к образованию, культуре, в уровне жизни большинства потомков афроамерикан-

цев в сравнении с белым населением и запустило своеобразный часовой механизм взрыва современного социального кризиса в этой стране, несмотря на очевидные усилия и успехи американского общества в устранении этого неравенства. По сути, фундаментальные противоречия сохранились, о чём свидетельствует то, что «оплаты» за страдания рабов требуют те, кто никогда рабами не был, от тех, кто никогда не был рабовладельцами и всегда, в своём большинстве, выступал против рабства. Таким образом, обратный ход «маятника» задавался в этом случае не только наследием былых веков.

Существует и более короткая временная связь. Наряду с историческими противоречиями ход маятника цивилизационных конфликтов задаётся и современной политической игрой. Разве не было предупреждений политикам Запада, что попытки свержения властных режимов в странах Ближнего Востока (Ираке, Ливии, Сирии) могут обернуться кризисными последствиями, прежде всего для Европы? К таким последствиям относятся:

1. возрастание динамики миграционных потоков со слабо адаптируемыми к европейским реалиям аллохтонами, а соответственно, ростом криминалитета, криминализацией повседневных коммуникаций;

2. возрастание террористических угроз и джихадизма, рассматриваемых террористами как справедливое возмездие странам-агрессорам.

В Китае с XIX столетия не восстанавливают разрушенный европейцами во время Опиумной войны, инициированной для защиты интересов наркоторговцев, Летний императорский дворец. Руины дворца служат назиданием китайской нации о том, какая участь ожидает слабого. Сейчас Китай обрёл силу и экономически теснит Запад. Как будут действовать китайцы в отношении проигравших в конкурентной борьбе западных стран, имея перед собой напоминание об их действиях в период слабости Китая?

Имея этот опыт исторического маятника, стоит посмотреть и на современные отношения России и Запада. В России ещё с Петра I, юбилей которого широко отмечается в этом году, существовала всегда значительная группа «русских европейцев», принимающих европейские ценности и считающих Россию европейской страной. Но и находившийся в лагере их оппонентов великий русский писатель и гуманист Ф. М. Достоевский отзывался о Европе как о «стране чудес» для русского человека, нашей «второй духовной матери» [10].

Это Россия (тогда Советский Союз) первой открыла объятия для Запада на исходе холодной войны. Никогда, наверное, Россия (вначале СССР, а потом и РФ) так системно не двигалась навстречу Западу, как в конце 1980-х – 1990-е гг., когда М. С. Горбачёв провозглашал политику «нового мышления», а Р. Рейган обличал СССР как империю зла и призывал к «крестовому походу» против коммунизма и Голливуд снимал фильмы вроде «Рокки IV» и «Рэмбо в Афганистане». Когда уже, казалось бы, компромисс между сверхдержавами на самом высоком уровне был достигнут (Рейкьявикский саммит состоялся ещё в 1986 г., Мальтийский – в 1989 г.), со стороны Запада приветствовались и поддерживались дезинтеграционные процессы в СССР (что, кстати говоря, противоречило принципам нерушимости границ в Европе).

Сам Дж. Буш старший во время выступления в Верховной Раде в Киеве 1 августа 1991 г., т. е. за 17 дней до путча, признавал, что американский политический истеблишмент находится перед дилеммой «между поддержкой Президента Горбачёва и поддержкой стремящихся к независимости лидеров по всему СССР», хотя само по себе рассмотрение такого выбора означало вмешательство во внутренние дела Советского Союза. Трудно представить, чтобы кто-то из лидеров СССР или РФ заявил бы, что стоит перед дилеммой поддерживать целостность

США или, к примеру, сепаратизм Техаса. Через полгода после своей киевской речи и 1 месяца после ликвидации СССР Буш 28 января 1992 г. докладывал в выступлении перед Конгрессом о победе Америки в холодной войне, признавая тем самым, что война, несмотря на заверения о партнерстве, продолжалась вплоть до ликвидации Советского Союза.

Западные СМИ поддерживали уже в 1990-е гг. сепаратистское движение на Северном Кавказе, закрывая глаза на факты атаки России международными террористами. Романтическое же отношение в России к Западу пошатнулось только в 1999 г. В этом году не только состоялось первое включение ряда государств – бывших членов Организации Варшавского договора в НАТО (Польша, Венгрия, Чехия), но и была проведена бомбардировка странами альянса без каких-либо санкций ООН территории Югославии. Интервал между этими событиями составлял 2 недели, и связь одного с другим была очевидной. Тогда Запад в коллизии между центром и автономным этническим анклавом занимал прямо противоположную позицию, чем ту, которую он занял впоследствии по Украине или по Грузии. Летевший с визитом в США российский премьер-министр Е. М. Примаков, получив сообщение о начавшейся бомбардировке, развернул свой самолет над Атлантикой. И это был не разворот премьера, а начало разворота России. Маятник начал свой обратный ход [7].

Тот же маятниковый эффект проявляет себя и в современной истории Украины. В книге «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон приводил, как известно, 2 примера цивилизационно расколотых стран – Югославии и Украины [22]. Каждый выборы на Украине демонстрировали региональное размежевание цивилизационных идентичностей. Для предотвращения гражданской войны и территориального распада страны принципиально важно было поддержание равновесия сил, условного консенсуса. Государственный

переворот 2014 г. этот консенсус перечеркнул, вызвав естественное отторжение на юге и востоке страны. И в этой маятниковой амплитуде 2022 г. стал проявлением действия сил цивилизационного отторжения в ответ на попытки европеизации и украинизации.

Последствия игнорирования цивилизационных факторов в политике и государственном управлении

Цивилизационное государство основывалось на поиске оптимальных форм жизнеобеспечения социума, проявляемых в каждой из ниш онтологии соответствующего сообщества. Цивилизации исторически образовывались и развивались как адаптация людских популяций к условиям месторазвития. Уникальный тип цивилизаций формировался на основе 3 составляющих: расовых и этнопсихологических особенностей сообщества, особенностей природной среды и особенностей внешнего окружения. Культурные нарративы представляли в своей основе результат соотнесения этих 3 компонент. Цивилизационногенез осуществлялся на длительных временных интервалах. Выработанные в его развёртке механизмы жизнеобеспечения вошли за столетия, а то и тысячелетия, в природу человека. Сформировался особый антропологический тип человека цивилизационного. Были выстроены системы цивилизационных кодов.

Однако с течением времени под влиянием новомодных идей традиционные институты стали восприниматься как пережиток, проявление архаики. Возникают политические теории, обосновывавшие необходимость модернизации. Модернизация зачастую была действительно необходима. Но проведённая в разрыве с цивилизационным фундаментом она приводила в определенной временной перспективе к кризису. Реформаторы руководствовались в стратегии и практике преобразований не условиями

цивилизационного существования социума, а той или иной идеологией – либеральной, коммунистической, нацистской. Фактически имел место социальный инжиниринг. Результатом его являлось создание общества-гибрида.

Фактически каждая страна мира имеет в своей истории опыт такого рода социально-антропологических деформаций. Для Англии и Франции это был, в частности, период, наступивший после великих национальных революций. Французский революционный террор опирался на фундамент идеологии эпохи Просвещения. Конечно, обвинять в терроре Вольтера, Монтескье или Дидро было бы абсурдно. Но попытка перестроить французское государство по лекалам идеологии Просвещения привела к применению насильственных методов. Вандейское восстание («Вандея»), традиционно трактуемое как мятеж контрреволюционных сил, явилось наиболее ярким примером отторжения, сохранявшим приверженность цивилизационным константам французского крестьянства, попыткам радикальной модернизации [15].

К человеконенавистнической практике приводили попытки реализации политики на основании идеологии расизма. Начиналось всё с утверждения особой миссии белого человека по распространению образования и культуры на цветных континентах. Закончилось массовыми жертвами среди народов «низших рас», попранием человеческого достоинства, рабовладением. Страной «отрубленных рук» называли, например, Бельгийское Конго, т. к. колонизаторы применяли широкую практику нанесения увечий конголезцам, подозреваемых в преступлениях или проявлявших непокорность. Посредством идеологии расового превосходства белых и богоизбранности американской нации обосновывалось уничтожение индейцев и рабство негритянского населения в Соединённых Штатах Америки. Перенос управленческих моделей европейских монополий в колонии и полуко-

лонии, будучи неадаптивными к реалиям существования цивилизаций, превращал цветущие прежде регионы в пустыни и зоны перманентного голода. К. Маркс в «Британском владычестве в Индии» блестяще в своё время показал, как разрушение европейцами системы ирригационного земледелия на Востоке, связанного с властной централизацией и общинным земледелием, приводило к гуманитарной катастрофе [14].

Германский гитлеровский монстр был создан на основе идеологии нацизма, опиравшегося на арийскую теорию, неоязыческий миф, геостратегию расширения жизненного пространства, расовую евгенику [6; 16]. Созданная система стала историческим апофеозом проявления сил человеконенавистничества в мире. Нацизм апеллировал к традициям прошлого, но с цивилизационным подходом он не имел ничего общего. Не случайно О. Шпенглер, один из основоположников методологии рассмотрения общественных процессов через призму историко-культурных типов, отвергал все предложения нацистов о сотрудничестве [24]. Почти все цивилизации, за исключением тех, которые формировались в определённой географической изоляции (например, японская), представляют собой этнически гетерогенные системы. Существование этносов есть выработанный столетиями, а то и тысячелетиями механизм цивилизационного функционирования. Нацизм разрушал этот механизм, подменяя реальное прошлое историческим мифом.

К деформациям социального развития приводил разрыв с цивилизационным фундаментом при реализации коммунистического эксперимента построения государства нового типа. Через такого рода периоды цивилизационных потрясений прошли и Россия в период борьбы со старорежимным прошлым, и Китай в период «культурной революции». В. И. Ленин в «Государстве и революции» обосновывал формирование но-

вой модели советской государственности по образцу Парижской коммуны [13]. То, что управлять Россией нельзя по образцу управления Парижем пришлось убедиться достаточно скоро. Шаг за шагом советская система от модели революционного гибрида возвращалась на цивилизационные рельсы государствовоительства. Сложившуюся в результате адаптации революционной идеи к российской цивилизационной среде систему Н. А. Бердяев определил как «русский коммунизм». Коммунизм в России, по оценке философа, был не столько марксистским проектом, сколько модификацией Русского царства с её идеократией и общинными ценностями [1].

Нечто подобное произошло и в истории Китая. Во время «культурной революции» подвергалась, в частности, гонениям китайская конфуцианская традиция. Прошло время, и конфуцианство признаётся сегодня в КНР важнейшей составляющей китайского духовного наследия.

Неолиберализм уже на современной стадии исторического развития явился фактически идеологическим прикрытием децивилизации. Представление об универсальности неолиберальной рецептуры было положено в основу реформ, отбросивших направившихся по пути реформирования государства далеко назад. Одной из жертв такого реформирования стала в 1990-е гг. Россия. Один из советников российского правительства в те годы, теоретик курса «шоковой терапии» Дж. Сакс сделал по прошествии лет признание: «Мы положили больно-го на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия» [23]. Признание наличия у России другой анатомии означало фиксацию провала универсалистских идеологий и неоправданность игнорирования цивилизационной теории в управлении сложными социальными системами.

Национализм на Украине также стал проявлением последствий децивилизаци-

вания. Этнозация прошлого украинского народа создавала ложное видение основ государственного и общественного жизнеустройства. Украина является важнейшей составной частью российской цивилизации. Это не означает отрицание её права на самостоятельное от России политическое существование. Цивилизационный ареал может распространяться на ряд государств, имеющих близкие ценности. То, что Украина входит в российскую цивилизацию, признают как самоочевидное положение все ведущие разработчики цивилизационной теории. Однако вопреки этому политика Киева выстраивалась в логике цивилизационного разрыва с Россией. Внутри страны подавлялось всё, связанное с русскими и советскими культурными традициями. Такая политика не могла не привести к кризису.

Проведённый обзор показывает, что игнорирование цивилизационных факторов и приверженность универсалистским идеологиям раз за разом оборачивалась общественным кризисом. Выходом из него становилась адаптация соответствующей идеологии к цивилизационному контексту. Полученные выводы вовсе не означают запрета на идеологическое строительство. Идеология как аккумуляция высших государственных ценностей и смыслов имеет принципиальное значение. Речь идёт о содержании идеологии. Идеология универсализма оказывается путём конструирования социальных гибридов. Нужна, соответственно, идеология, в фокусе которой находилась бы цивилизационная специфика страны, её самобытность и идентичность.

Классическая политика и политика постмодерна

Современная эпоха в политике состоит в атрофированности видения будущего. Утраченным оказался методологический инструментарий его постижения. Гегелевская диалектическая методика, оказавшая принципиальное влияние

на развитие общественной мысли XIX–XX вв., была заменена постмодернистским мозаичным мировосприятием. Вместе с классической методологией из политики ушла логика. Пришло поколение политиков-постмодернистов, и это, возможно, становится для человечества главной угрозой. Современные политики-постмодернисты не способны подняться до уровня стратегического лидерства, будучи ограничены в своих когнитивных способностях только электоральными циклами. Они принципиально не готовы думать о последствиях совершаемых ими действий. Для них есть только настоящее, сводящееся к сиюминутному.

Для иллюстрации произошедших изменений целесообразно в рамках современного украинского контекста обратиться к содержанию упоминаемой выше речи Дж. Буша ст. в Киеве в год крушения Советского Союза. Речь американского президента была посвящена свободе. Сегодня очевидно, что идея свободы использовалась тогда как инструмент государственной дезинтеграции СССР. Но в фокусе современных событий важен другой фрагмент речи Буша: «Позже сегодня я побываю у монумента в Бабьем Яре, который служит печальными напоминанием о том, что происходит, когда люди не могут сдерживать ужасную волну нетерпимости и тирании. И вместе с тем свобода – это не то же самое, что независимость. Американцы не будут поддерживать тех, кто стремится к независимости для того, чтобы сменить тиранию, навязываемую издавна, местным деспотизмом. Они не будут помогать тем, кто поощряет самоубийственный национализм, порождаемый на межнациональной ненависти». Буш, в отличие от современных политиков, предупреждает, что США не будут поддерживать национализм. Говорит он это именно на Украине, где уже тогда обнаруживались националистические тенденции. Национализм называется Бушем самоубийственным, и

эти слова о самоубийственности национализма на Украине были произнесены более 30 лет назад.

Говорил Буш в Киеве и о губительности торговых войн: «Вы не можете что-то улучшать, если вы не имеете права общаться. И, наконец, свободная экономика требует подключения к основному экономическому процессу. А. Смит заметил два столетия назад: “Торговля обогащает всех, кто в ней участвует”. Изоляция и протекционизм обрекают тех, кто их практикует, на деградацию и нужду». Кто практикует политику экономической изоляции в отношении кого-либо, сам будет обречён на изоляцию и нужду – это ещё одно назидание, даваемое современным политикам из прошлого.

События на Украине в фокусе теории «цивилизационных столкновений»

Анализируя происходящее сегодня на Украине в логике причинно-следственных связей, хотел бы обратиться к двум, обладающим, как представляется, когнитивным потенциалам концептам – «теории цивилизаций» и «теории домино».

Понятие «цивилизационные войны» или «цивилизационные столкновения» были впервые использованы в американской политологии. И именно в дискурсе американской политологии впервые было заявлено, что Украина является потенциальным пространством цивилизационного столкновения. Как примеры цивилизационно расколотых стран, напомним, рассматривал Украину и Югославию С. Хантингтон в своём классическом труде «Столкновение цивилизаций». Отсылка к американской политологии важна в данном случае как предупреждение о распространении представлений о том, что посредством темы цивилизационного столкновения закладывается целевым образом российская политическая матрица освещения конфликта на Украине [22].

Опираясь на теорию цивилизаций, следует, во-первых, констатировать, что, будучи суверенными государства-

ми, Российская Федерация и Украина, по определению западных и российских авторов, входят в единую цивилизационную систему. Мониторинг разработанного по методологии Р. Инглхарта проекта «Всемирный обзор ценностей («World Values Survey»)» [12] показал, что Россия и Украина обнаруживают предельную ценностную близость друг к другу, что подтверждает принадлежность их к одной цивилизации. Н. Я. Данилевский («Россия и Европа») [8] определял её как славянскую, О. Шпенглер («Закат Европы») – русско-сибирскую [25], А. Дж. Тойнби («Постижение истории») [19] и С. Хантингтон («Столкновение цивилизаций») – как православную [22]. Причём территория Украины не являлась цивилизационной периферией, изначально входя в ядро этой цивилизации. Киев с отсылкой к «Повести временных лет» называли «матерью городов русских» [17]. Русский философ Г. Федотов, фиксируя искусственный характер противопоставления русских и украинцев, предлагал в качестве разрешения противоречий, перенести столицу единого государства в Киев [21]. Логика метрополия 4– колония, хорошо известная по опыту европоцентричных колониальных империй, в данном случае совершенно не работает.

Есть, впрочем, в составе современной Украины так называемые западные регионы, исторически отпавшие от православного мира с принятием Брест-Литовской унии. Эти регионы долгое время находились под властью Польши и Австрии, и по отношению к ним можно говорить об особом случае на цивилизационной карте. Греко-католики на современной Украине доминируют только в 3 областях – Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской; и их удельный вес составляет 11% украинского населения. При таком конфессиональном соотношении речь корректнее вести не о расколе страны, как считал С. Хантингтон, а о наличии особого греко-католического анклава. Православная компонента

в структуре населения Украины даже больше, чем её удельный вес в населении Российской Федерации. Да и к цивилизации Запада греко-католиков Западной Украины отнести нельзя. Дистантность западноукраинской общности от доминантных групп при нахождении в составе Речи Посполитой и Австрийской империи была значительной, имели место и прецеденты этнической дискриминации. В этом отношении было более корректно говорить о западноукраинской группе как цивилизационном фронтире, нежели о её принадлежности к цивилизации Запада [20].

Итак, если принять положение, что Россия и Украина – единая цивилизация, то нынешний конфликт должен быть охарактеризован как конфликт внутрицивилизационный. Внутрицивилизационные конфликты могут быть вызваны 2 группами причин:

– *первая группа* определяется соперничеством двух или более цивилизационных акторов за положение цивилизационного центра. Череда таких войн хорошо известна по истории Европы: борьба шла за то, кто выступит в качестве европейского цивилизационного центра. В итоге таким центром, но применимо уже не к Европе, а цивилизации Запада в целом, стали Соединённые Штаты Америки. Вероятно, конфликт на Украине не относится к этой группе причин. Объективно Украина на положение интеграционного ядра евразийской по масштабу, православной цивилизации претендовать не может, и в повестке украинской проблемы этого вопроса нет;

– *вторая группа* причин внутрицивилизационного конфликта состоит в участии в нём иноцивилизационных акторов с последующим в нём провоцированием. Внешне при такой ситуации конфликт выглядит как внутрицивилизационный, но в сути своей оказывается межцивилизационным. Иноцивилизационный актор напрямую в конфликте может не участвовать, но, стоя за спиной

одной из сторон конфликта (или за обеими сторонами одновременно), он зачастую оказывается его проектировщиком и политическим бенефициаром. Части цивилизационной общности может внушаться мысль о том, что её идентичность иная. Конструируются соответствующие исторические мифы. Та же часть общности, которая не желает менять идентичность и отвергает новую мифологию, становится злейшим врагом. Враждебность к ней не есть ксенофобия в её классическом понимании, т. к. направлена не против «чужих», а против «своих».

Всё это не описание ситуации на Украине, а общая характеристика механизмов внутрицивилизационной войны. И то, что украинская ситуация подпадает под описанную модель, указывает на то, что приводные ремни украинского конфликта были исходно запущены не в России, и даже не в Украине. Урок, который можно извлечь из происходящего для будущих поколений, ещё раз подтверждается тезисом, что любое нарушение баланса между цивилизациями, очерченных веками границ цивилизационных эйкумен, оборачивается трагедиями и катастрофами. «Кто сеет ветер, пожнет бурю».

Цивилизационные границы не устанавливаются и не отменяются политическими решениями. Масштаб цивилизационногенеза – столетия и тысячелетия. Поменять народу цивилизационно-ценностную матрицу за одно поколение не реально. И в этом смысле представить, что украинцы могли бы быть интегрированы в цивилизацию Запада, практически невозможно. Пример Турции, состоящей в НАТО, но не допускаемой при этом к цивилизационной интеграции с Западом, должен быть, как минимум, учтён в Киеве.

Метафора «падающего домино»

«Стоит упасть одной из костяшек для игры в домино, и очень скоро обрушится весь ряд», – так описывал Д. Эйзенхауэр эффект последствий в большой полити-

ке. Тридцать четвёртый президент США, как известно, часто обращался к аналогии падающего домино. Достаточно было сделать первый шаг, подтолкнуть одну фишку, а дальше эффект падающего домино будет проявляться самостоятельно. Так, сообразно с эффектом падающего домино, происходило падение коммунистических режимов в странах Восточной Европы в 1989–1990 гг. Аналогии с падающим домино проводились и по отношению к революции «арабской весны» в 2011 г. [2]. Странно, что популярный когда-то образ оказался игнорируемым в отношении последствий для западного мира, применяемых сегодня Западом мер в отношении России.

Итак, представим себе, что первая фишка домино – «Россия» – повалилась, введённые против неё концентрированные и объединённые санкции, а также иные недружественные шаги оказались действенны. Что дальше?

Надо иметь в виду, что организуется блокада не просто одного из суверенных государств мира, а постоянного члена Совета Безопасности ООН. К тому же Россия блокируется в ООН с другим постоянным членом Совбеза – Китайской Народной Республикой. За всю историю ООН, даже когда во главе СССР стоял И. В. Сталин, такого рода кампания против кого-либо из членов Совбеза никогда не организовывалась. Звучат призывы исключить Россию из Совета Безопасности. Предположим, что так и случится. Россия в ответ покинет и членство в Организации Объединённых Наций. И этот сценарий делает уместным напоминание истории Лиги наций. ООН, скорее всего, повторит судьбу этой международной организации, из которой в своё время вышел ряд ведущих геополитических акторов мира, со всеми вытекающими отсюда последствиями [11].

Ядерное оружие являлось сдерживающим фактором от большой войны, ввиду наличного баланса сил. Противники в холодной войне знали, что любая попыт-

ка его применения вызовет синхронный ответ и попытка уничтожения другого станет самоуничтожением. При получении возможности размещения стратегического ядерного оружия в абсолютной близости от территории потенциального противника баланс сил будет окончательно разрушен. Возникает дьявольское искушение у обладателя соответствующего преимущества: победить, обеспечив одним ударом своё мировое доминирование. Европа в силу пространственной близости будет также сокрушена ответным ударом, тогда как Северная Америка может иллюзорно полагать, что сможет избежать ответного сокрушительного ядерного удара возмездия.

Хочется надеяться, что профессиональные военные, представители сил разведки смогут убедить своих политиков не поддаваться подобному искушению. Но риски войны объективно возрастают. Сомнения в отношении того, что политики все-таки не поддадутся искушению, порождают такие примеры, как свежее ещё в памяти заявление госсекретаря К. Пауэлла в ООН со ссылкой на добытые разведкой США доказательства наличия у С. Хусейна химического оружия в виде некоего белого порошка в пробирке, что и послужило формальным основанием для вторжения в Ирак, стоившего жизни 5 тыс. американских военных и более 500 тыс. иракцев.

При размещении элементов ядерных сил НАТО на территории бывшего СССР Российская Федерация будет искать симметричный или, как свойственно русским, асимметричный ответ. К повышению обеспечения собственной безопасности будет мотивирован и Китай. Очевидно, всё это продуцирует новое военно-политическое блоковое строительство. До настоящего времени военно-политическое блоковое строительство России ограничивалось бывшими республиками СССР. Но никакого запрета для включения в ОДКБ новых групп государств не существует. Между

тем антиамериканские настроения в ряде государств мира хорошо известны, и поступление заявок с разных континентов на вхождение в ОДКБ весьма вероятно.

Важно подчеркнуть ещё один важнейший элемент новой политической реальности. В 2022 г. мировой рынок был уничтожен – так, по всей видимости, будет записано в учебниках истории. В основе выстраиваемой несколько столетий мировой экономической системы лежал принцип свободы торговли. Движение товаров и капитала имело трансграничный характер. В истории Запада известны даже прецеденты принуждения к свободной торговле. С 2022 г. принципу свободной торговли пришёл конец. Действия субъектов рынка определяются теперь политическими установками, что является в сути своей отрицанием рыночной модели организации экономики. И надо думать, что более всего пострадают системно от свёртывания рыночных отношений те страны, экономика которых связана с ними наиболее фундаментально. И если для России отказ от рынка – это частичное возвращение к модели XX столетия, то для Запада он может расцениваться как вызов цивилизационный.

Одни санкции неизбежно породят другие. И, по всей видимости, особо чувствительные последствия для Европы будут иметь разрыв традиционных связей в энергетическом секторе. На Россию в ЕС в целом приходится в настоящее время около 45% импорта газа, 25% нефти, 45% угля. Для отдельных стран эта зависимость от российских поставок ещё выше. Представим, что этот импортный поток одновременно закроется. Самым лёгким последствием такого разрыва окажется взлёт мировых цен на энергоносители, более тяжелым – фактическое отсутствие сырья и социальный кризис.

Поток фейков и ангажированных материалов в отношении России, одномерное освещение событий означает ликвидацию и другого базового принципа мировой общественной жизни – свободы

обмена информацией. О том, что информация заменяется симулякром, предупреждал ещё Ж. Бодрийяр в фокусе войны в Персидском заливе [3; 4]. С тех пор пространство гиперреальности всё более возрастало, перейдя в 2022 г. критический рубеж. Журналистика фактически полностью оказывается заменена пропагандой. Свободе мнения положен конец, и альтернативные взгляды становятся взглядами преступными. Борясь с тоталитаризмом, Западный мир сам оказался погружён в тоталитарное состояние.

Разрушаются мировые культурные коммуникации. Разрыв контрактов с Валерием Гергиевым, дирижёром мирового уровня – такого в истории Запада почти никогда не было, если не считать периода гонений на евреев в Германии 1930-х гг. и периода гонений на коммунистов в США в эпоху маккартизма. Российские спортсмены, лучшие по многим позициям в мире, оказываются оттеснены из мирового спорта и подвергаются обструкции. «Русский» становится маркером врага и изгоя. Реанимируется русофобия. Русские на Западе подвергаются культурной стигматизации. Толерантность в отношении одних совершенно не проявляется по отношению к другим. Фактически речь идёт о новой фашизации.

Предположим, наконец, что политика санкций в отношении России достигнет своих целевых установок и российская экономика окажется, вспоминая слова Б. Обамы, реально «разорвана в клочья». Каково ожидаемое следствие такого обвала: довести до отчаяния российское население, спровоцировать гражданскую войну в России? Но есть ли понимание, что волны такой войны захлестнут весь мир и прежде всего – Европу? «Санитарные кордоны» здесь не помогут. Миллионы мигрантов – с одной стороны, радикальное антизападничество – с другой, непредсказуемые траектории распространения оружия, включая в условиях распада, оружие ядерное. Этого хотят сегодня политики Запада?

Заключение

Уроки истории дают основания для уверенности, что Россия, конечно, выстоит, и описываемый распадный сценарий не состоится. Страна, обладающая самым мощным природным потенциалом в мире, потенциально самодостаточна. Да и блокада объективно не может быть полной. Она даже не может приблизиться к блокаде, организованной против Советской России странами Антанты. Тогда Россия не только справилась с внешним давлением, но и развернула через 10 лет после введения соответствующих санкций форсированный индустриальный позыв, выведший её экономику на второе место в мире. Оба сценария для России – распадный и автаркийно-мобилизационный – оказываются объективно невыгодными для Запада. Более всего западному сообществу было бы выгодно сохранение «status quo» с дальнейшим «втягиванием России в семью «цивилизованных народов», куда она, по воле политических лидеров сравнительно недавнего прошлого,

так стремилась. И в этом случае вопрос «зачем?» в отношении современного цивилизационного конфликта повисает в воздухе. Политологической же констатацией является утрата мировым политическим классом не только способностей просчитать последствия принимаемых политических решений, но и стратегически действовать исходя из собственных же интересов. И эта депрофессионализация вызывает наибольшую тревогу.

Проведённое исследование подтвердило выдвигаемую гипотезу, что природа современного глобального политического кризиса определяется игнорированием цивилизационных факторов в современной политике. Децивилизация, как прежде, так и в настоящее время, приводит к катаклизмам и катастрофам. Полученный вывод обуславливает для научно-экспертного сообщества задачу выведения теории цивилизаций на уровень формирования рецептур принятия политических решений.

Дата поступления в редакцию 31.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Бёрнс У. Невидимая сила. Как работает американская дипломатия / пер. В. Башкировой. М.: Альпина Паблишер, 2020. 688 с.
3. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: Рипол-классик, 2017. 226 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-классик, 2018. 320 с.
5. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества / В. И. Якунин, В. Э. Багдасарян, В. И. Куликов, С. С. Сулакшин. М.: Научный эксперт, 2009. 464 с.
6. Галкин А. А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. 352 с.
7. Гуськова Е. Ю. Агрессия НАТО 1999 года против Югославии и процесс мирного урегулирования. М.: Индрик, 2013. 304 с.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Древнее и современное, 2002. 548 с.
9. Дао дэ цзин: опыт русского перевода / пер. с кит. К. Петросяна. Рига, 2019. 160 с.
10. Достоевский Ф. М. Пушкинская речь // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 129–149.
11. Илюхина Р. М. Лига Наций, 1919–1934. М.: Наука, 1982. 357 с.
12. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–23.
13. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 33: Государство и революция. М.: Госполитиздат, 1969. С. 1–120.
14. Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 9. М.: Госполитиздат, 1957. С. 130–136.
15. Мягкова Е. М. «Непостижимая Вандея»: государство и власть в политическом пространстве сельского общества // Французский ежегодник. 2003. С. 10–33.

16. Пленков О. Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. СПб.: Нева, 2004. 480 с.
17. Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева. СПб.: Вита Нова, 2012. 507 с.
18. Потемкин В. П. История дипломатии. Т. 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.). М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1945. 884 с.
19. Тойнби А. Дж. Постыжение истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Айрис Пресс, 2002. 640 с.
20. Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Центрполиграф, 2017. 319 с.
21. Федотов Г. Три столицы // Вёрсты. 1926. № 1. С. 147–163
22. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 605 с.
23. Шенин С. Ю. Джеффри Сакс и американская помощь постсоветской России: случай «другой анатомии» // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2010. Т. 10. № 1. С. 99–107.
24. Шпенглер О. Годы решений: Германия и всемирно-историческое развитие / пер. с нем. С. Е. Вершинина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 224 с.
25. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. М.: Попурри, 2019. 1360 с.

REFERENCES

1. Berdyayev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 224 p.
2. Burns W. *The Back Channel: A Memoir of American Diplomacy and the Case for Its Renewal* (Rus. ed.: Bashkirova V., transl. *Nevidimaya sila. Kak rabotaet amerikanskaya diplomatiya*). Moscow, Alpina Publisher Publ., 2022. 688 p.).
3. Baudrillard J. *L'esprit du terrorisme. La guerre du golfe n'a pas eu lieu* (Rus. ed.: Kachalov A., transl. *Dukh terrorizma. Voyny v Zalive ne bylo*). Moscow, Ripol-klassik Publ., 2017. 226 p.).
4. Baudrillard J. *Simulacres et simulations* (Rus. ed.: Kachalov A., transl. *Simulyakry i simulyatsiya*). Moscow, Ripol-klassik Publ., 2018. 320 p.).
5. Yakunin V. I., Bagdasaryan V. E., Kulikov V. I., Sulakshin S. S. *Variativnost i tsiklichnost global'nogo sotsialnogo razvitiya chelovechestva* [Variability and cyclicity of the global social development of mankind]. Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 2009. 464 p.
6. Galkin A. A. *Germanskiy fashizm* [German fascism]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 352 p.
7. Guskova E. Yu. *Agressiya NATO 1999 goda protiv Yugoslavii i protsess mirnogo uregulirovaniya* [1999 NATO aggression against Yugoslavia and the peace process]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 304 p.
8. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. Moscow, Drevneye i sovremennoye Publ., 2002. 548 p.
9. Petrosyan K., transl. *Dao de tszin: opyt russkogo perevoda* [Tao Te Ching: Russian translation experience]. Riga, 2019. 160 p.
10. Dostoyevsky F. M. [Pushkin's speech]. In: Dostoyevsky F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 26* [Complete works. Vol. 26]. Leningrad: Nauka Publ., 1984, pp. 129–149.
11. Ilyukhina R. M. *Liga Natsiy, 1919–1934* [League of Nations, 1919–1934]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 357 p.
12. Inglehart R. [Postmodernity: Changing Values and Changing Societies]. In: *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1997, no. 4, pp. 6–23.
13. Lenin V. I. [State and revolution]. In: Lenin V. I. *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 33: Gosudarstvo i revolyutsiya* [Complete works. Vol. 33: State and revolution]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1969, pp. 1–120.
14. Marx K. [The British rule in India]. In: Marks K., Engels F. *Sochineniya. T. 9* [Writings. Vol. 9]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957, pp. 130–136.
15. Myagkova E. M. [«The Incomprehensible Vendée»: state and power in the political space of rural society]. In: *Frantsuzskiy yezhegodnik* [French Yearbook], 2003, pp. 10–33.
16. Plenkov O. Yu. *Tretiy Reykh. Natsistskoye gosudarstvo* [Third Reich. Nazi state]. St. Petersburg, Neva Publ., 2004. 480 p.
17. Lihachev D. S., transl. *Povest vremennykh let* [A tale of bygone years]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2012. 507 p.

18. Potemkin V. P. *Istoriya diplomatii T. 3: Diplomatiya v period podgotovki Vtoroy mirovoy voyny (1919–1939 gg.)* [History of diplomacy. Vol. 3: Diplomacy during the preparation of World War II (1919–1939)]. Moscow, OGIz Publ., Gospolitizdat Publ., 1945. 884 p.
19. Toynbee A. J. A study of history (Rus. ed.: Zharkov E. D., transl. *Postizheniye istorii*. Moscow, Ayris Press Publ., 2002. 640 p.).
20. Ulyanov N. I. *Proiskhozhdeniye ukrainskogo separatizma* [The origin of Ukrainian separatism]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2017. 319 p.
21. Fedotov G. [Three capitals]. In: *Vorsty* [The Versts], 1926, no. 1, pp. 147–163.
22. Huntington S. P. *The clash of civilizations and the remaking of world order* (Rus. ed.: Novikov Yu., transl. *Stolknoveniye tsivilizatsiy*. Moscow, AST Publ., 2003. 605 p.).
23. Shenin S. Yu. [Jeffrey Sachs and American Aid to Post-Soviet Russia: the Case of “Different Anatomy”]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seria: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. New series. Series: History. International relations], 2010, vol. 10, no. 1, pp. 99–107.
24. Spengler O. *Jahre der Entscheidung* (Rus. ed.: Vershinin S. E., transl. *Gody resheniy: Germaniya i vseirno-istoricheskoye razvitiye*. Yekaterinburg: U-Faktoriya Publ., 2007. 224 p.)
25. Shpengler O. *Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte* (Rus. ed.: Garelin N. F., transl. *Zakat Yevropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii: v 2 t.* Moscow, Popurri Publ., 2019. 1360 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Якунин Владимир Иванович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственной политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: gospolitika_msu@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Yakunin – Dr. Sci. (Political Sciences), Department Head, Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: gospolitika_msu@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Якунин В. И. Цивилизационные основания современного мирового политического кризиса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 7–20.

DOI: [10.18384/2310-676X-2022-3-7-20](https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-3-7-20)

FOR CITATION

Yakunin V. I. Civilizational Foundations of the Modern World Political Crisis. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 7–20.

DOI: [10.18384/2310-676X-2022-3-7-20](https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-3-7-20)

УДК 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-21-38

НАСТУПЛЕНИЕ МЕТАВСЕЛЕННОЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КУПИРОВАНИИ РИСКОВ НАЦИЗМА

Федорченко С. Н.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать возможности и ограничения цифровых технологий складывающейся метавселенной в купировании рисков нацизма.

Процедура и методы. В работе применяются принципы методологической оптики SWOT-анализа, позволяющей изучить возможности, угрозы, сильные и слабые стороны современных цифровых технологий. Используются сценарийные техники политического прогнозирования.

Результаты. Определены базовые специфические особенности и компоненты формирующейся метавселенной. Выявлены возможности и ограничения цифровой среды и цифровых технологий в сфере купирования рисков реабилитации нацистских идей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование позволит определить основные приоритеты цифровых систем и технологий для противодействия распространению идей нацизма. Подчёркивается, что ключевую роль в выявлении угроз нацизма начинают играть технологии искусственного интеллекта. Предложено несколько сценариев цифровой эволюции метавселенной, учитывающих геополитическую и внутривнутриполитическую плоскости.

Ключевые слова: метавселенная, цифровые технологии, нацизм, искусственный интеллект, цифровизация политики

ARRIVAL OF THE METAUNIVERSE: POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN REDUCING THE RISKS OF NAZISM

S. Fedorchenko*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the possibilities and limitations of digital technologies of the emerging metaverse in stopping the risks of Nazism.

Methodology. The work uses the principles of methodological optics of SWOT analysis, which allows to study the strengths, weaknesses, opportunities and threats of modern digital technologies. Scenario techniques of political forecasting are applied.

Results. The basic specific features and components of the emerging metaverse are determined. The possibilities and limitations of the digital environment and digital technologies in the field of stopping the risks of rehabilitating Nazi ideas are revealed.

Research implications. The study will allow to determine the main priorities of digital systems and technologies to counter the spread of Nazi ideas. It is emphasized that artificial intelligence technologies begin to play a key role in identifying the threats of Nazism. The theoretical significance

of the article is seen in the fact that several scenarios for the digital evolution of the metaverse are proposed, taking into account the geopolitical and domestic political plane.

Keywords: metaverse, digital technologies, Nazism, artificial intelligence, digitalization of politics.

*...Преступления, если им предоставит полную свободу,
обычно переходят все границы...*

Прокопий Кесарийский, «Тайная история»

Введение

Современный мир уже невозможно представить без интернета и активной цифровизации социальных отношений и процессов. Цифровые технологии, казалось бы, приносят новый ритм и образ жизни, безжалостно перемалывая в киберпространстве ранее общепринятые ценности и традиции. Однако все существующие цифровые технологии на данный момент – всего лишь инструмент, который способен создавать комфортные либо неблагоприятные условия для распространения, воспроизводства идей, составляющих ядро того или иного мировоззрения, идеологии, религии, политико-философского учения. Нарушить это положение вещей может только приход принципиально новой технологически-коммуникационной основы социально-политической и экономической жизни, которая приведёт к тотальной трансформации действующих социальных и политических институтов.

Задача современного исследователя – определять признаки такого рода технологических трендов, создающих не только возможности, но и риски и угрозы для общества и государства. Особенно это актуально звучит на фоне существующих вызовов реабилитации нацизма в цифровом пространстве. В связи с этим принципиально важно заметить, что и научный, и медийный дискурсы тесно пересекаются в том, что актуализируют один и тот же феномен, который может перевернуть всю привычную жизнь человека, – метавселенную.

Термин «метавселенная» появился в романе Н. Стивенсона «Лавина» (1992 г.),

действия которого происходили в особом виртуальном мире. Одним из первых о метавселенной заговорил медиамагнат и соучредитель компании Meta¹ М. Цукерберг, который анонсировал начало работы над проектом «трёхмерного интернета», способного кардинально изменить наше представление о цифровом мире². Но всё же более чёткая картина сущности метавселенной видна из тезисов венчурного инвестора М. Болла. По мнению Болла, метавселенная (metaverse) будет обладать 7 признаками³:

1. никогда не заканчиваться, не перезагружаться, продолжаться до бесконечности;

2. все события в ней будут происходить синхронно, в режиме реального времени, как в обычной жизни;

3. в этом пространстве не будет ограничений по числу участников, каждый из которых получит возможность ощутить эффект присутствия;

4. здесь возникнет полноценно функционирующая экономика для людей и предприятий;

5. можно будет использовать возможности как физического, так и цифрового мира, общедоступные или частные сети, закрытые либо открытые платформы;

¹ Деятельность корпорации Meta, а также её платформ Facebook и Instagram признана экстремистской и запрещена в РФ.

² Mark in the metaverse // The Verge: [сайт]. URL: <https://www.theverge.com/22588022/mark-zuckerberg-facebook-ceo-metaverse-interview> (дата обращения: 22.05.2022).

³ Ball M. The Metaverse: What It Is, Where to Find it, and Who Will Build It [Электронный ресурс]. URL: <https://www.matthewball.vc/all/themetaverse> (дата обращения: 22.05.2022).

6. появится беспрецедентная совместимость цифровых платформ, компонентов, данных и контента;

7. среда наполняется опытом и контентом с помощью широкого круга участников: неформальными группами, коммерческими предприятиями или независимыми людьми.

Из перечисленных признаков не совсем ясно, чем отличается концепция метавселенной от других концепций, посвящённых виртуальной среде (фиджитал-мира, социотехнической реальности, искусственной реальности и др.). Поэтому следует уточнить, что метавселенная – это наметившаяся социотехническая сфера, обеспечивающая посредством алгоритмов и цифровых технологий разрушение чётких границ между физической, виртуальной и дополненной реальностью и дающая человеку возможность существовать в данной трёхмерной и сетевой среде через его цифровой аватар. В такой среде будут максимально реализованы потенциалы трёхмерности, сетевых коммуникаций и алгоритмического управления социальными процессами. Резонно предположить, что метавселенная станет ареной конкуренции разных политических и неполитических акторов. Метавселенная заставит переосмыслить налаженные каналы коммуникации между обществом и властью, в т. ч. и цифровые [4].

Наступление метавселенной закладывает условия для масштабного распространения самых разных идей, в т. ч. и радикального характера, а значит, заставляет пересматривать законодательство, корректировать государственную информационную политику. Наибольшая непредсказуемость и угроза для общества лежат в возникновении в метавселенных сообществ, основанных на идеологии нацизма. С целью выявления возможностей и ограничений цифровых технологий складывающейся метавселенной в купировании рисков нацизма логично обратиться к методологической оптике SWOT-анализа. Данный подход

позволяет чётче выявить возможности, угрозы, сильные и слабые стороны метавселенной. Кроме этого метода будут применяться сценарийные техники политического прогнозирования, нацеленные на обнаружение альтернативных сценариев развития метавселенных в геополитической и внутриполитической плоскости.

Надо сразу оговориться, что в академической среде появились только первые попытки описания механики и сущности метавселенной. Анализ инфраструктуры метавселенных делается через призму рекламных технологий, а не ценностной проблематики. И тем не менее встречаются работы, где атрибутами метавселенной наряду с другими называют преемственность идентичностей реального мира. Также описывают такие признаки метавселенной, как общую сетевую среду, интероперабельность (функциональную совместимость разных систем) и синхронизацию, социальную коммуникацию на новом цифровом уровне [20].

Научных работ, посвящённых социально-политическим и аксиологическим аспектам конструирования метавселенной, к сожалению, также пока чрезвычайно мало. Появились труды, где метавселенная рассматривается с точки зрения рисков замены функциональной системы организма, что может привести к довольно непредсказуемым и опасным результатам [3]. Тогда как в статье А. В. Савченко и А. П. Сегала делается вывод, что ничего принципиально нового концепция метавселенной не приносит, описывая, по сути, один из этапов эволюции виртуальных симуляций (Web 3.0) [12].

Имеется и противоположная позиция: следует обратить внимание на кибер-социо-техно-когнитивный подход, в рамках которого метавселенная соотносится с феноменом Индустрии 5.0, в формате развития которой появляются «умные» киберсоциальные экосистемы гетерогенного характера, допускающие эмерджентное поведение своих же акторов. При таком видении метавселенная объединя-

ет цифровые аватары пользователей (их цифровые двойники, способные копировать поведение хозяина), взаимодействующих между собой благодаря технологиям искусственного интеллекта, блокчейн, интернета вещей, геокодирования и виртуальной реальности [17]. Правда, большинство подобных работ пока не готовы дать ответ на вопросы – как и кем в этой искусственной социальности будут развиваться и распространяться ценности, идеи и идеологии, хотя ещё до актуализации дискурса о метавселенных отдельные авторы начали изучать проблематику той же нацистской символики и атрибутики в интернет-коммуникациях [1], аспекты неявной, скрытой нацистской пропаганды [11]. Работы же, рассматривающие вопросы реабилитации экстремистских идеологий, в частности нацизма [7; 18; 19], в основном оторваны от научной повестки метавселенных. Однако недостаточная аналитическая проработка рисков феномена *metaverse* в возрождении нацистских и других радикальных идей чревата серьёзными социальными потрясениями в будущем.

Среди работ встречаются исследования, анализирующие потенциальные субъекты метавселенной: государство, интернет-пользователей, бизнес-сообщество рекламодателей и цифровые корпорации в ракурсе социальных последствий [10]. В статье О. Н. Гурова тема метавселенной актуализируется через призму идей Паноптикона И. Бентама и М. Фуко; показывается, что важными проблемами этой новой социотехнической среды являются не только технологии манипулирования человеческими слабостями, но и распад идентичности, деградация морали и ценностей. По мнению Гурова, метавселенная, как трёхмерное пространство, станет лишь новой моделью Паноптикона, практикующей инновационные средства наблюдения и контроля над людьми. Паноптическая схема представляет собой инструмент усиления власти любого типа, т. к. предполагает автоматизацию,

экономии человеческих, материально-технических и временных ресурсов [6]. Другими словами, метавселенная, согласно такому видению, – это новая среда для функционирования дисциплинарной власти.

М. Фуко отмечал, что дисциплинарная власть фиксирует, регулирует либо задерживает перемещения, рассредоточивает группы индивидов, чьё поведение классифицируется как непредсказуемое (например, на основании особенностей их ценностей, идей). Сама дисциплинарность уже не выставляет себя напоказ, а трансформируется в совокупность незаметных технических изобретений («паноптизм»), формирующих знание об индивидах, играя на асимметрии власти, временно приостанавливая действие права [16, с. 268–269, 272]. Паноптический режим обеспечивает какому-либо наблюдателю (государству, ведомству) полный обзор наблюдаемых, насильно создавая определённую систему.

Вместе с тем Фуко явно не предполагал, что может произойти с природой политической власти и её ценностными проявлениями в условиях распространения социальных сетей интернета и феномена цифровизации. Возможно, по этой причине имеет смысл не догматизировать идею Паноптикона применительно к проблеме метавселенной, а пристальней присмотреться к современной альтернативной точке зрения. Так, В. А. Дудина в своей статье фокусируется на малозаметном процессе перехода от паноптического режима к панспектральному режиму. Панспектрон (текущее наблюдение), в отличие от Паноптикона, по причине массового внедрения цифровых технологий использует так называемые неструктурированные данные и даёт возможность преобразовать всю систему наблюдения [8]. Фигура одного центрального наблюдателя сменяется сетью датчиков, сенсоров, системой интернета вещей, собирающих информацию, которая затем обрабатывается отдельными интеллекту-

альными системами. Также панспектрональная модель означает практику регулярного наблюдения интернет-пользователей друг за другом. Скорее, в грядущей метавселенной будут присутствовать как элементы Паноптикона, так и элементы Панспектрона.

Возможности цифровых технологий

Перед тем как определить возможности метавселенной, требуется выявить сильные черты конструирующих её цифровых технологий, используя принципы SWOT-анализа. Итак, какие сильные позиции есть у цифровых технологий искусственного интеллекта, нейронных сетей, интернета вещей, социальных сетей, голографических игр и Big Data в плане профилактики реанимации нацизма? Во-первых, цифровые технологии открывают дополнительные горизонты в аналитической обработке различного рода структурированных и неструктурированных данных. Нацистская пропаганда, как и любая другая, может предполагать передачу образно-визуальной информации (символов, фото, мемов, иных графических элементов, видеороликов, голограмм), текстов (лонгридов, коротких пабликов, зашифрованных сообщений, комментариев, хештегов и гипертекста), аудиоинформации (музыкальных треков, речей, рингтонов и др.). Выявление, классификация и визуализация таких данных интеллектуальными системами – насущная необходимость для современного эксперта, работающего в колоссальном информационном шуме¹. Во-вторых, сильной стороной цифровых технологий очевидно стал их широкий функционал,

позволяющий коммуницировать экспертному сообществу в условиях рисков пандемии COVID-19, военных и других конфликтов. Это позволяет создавать внутри формирующихся метавселенных целые экспертные сети, способные комплектовать информационные банки данных фоновых компонентов нацистской пропаганды – исторических фальсификаций, современных фейков, различного типа реанимируемых и обновляемых стереотипов. В-третьих, в отличие от традиционных (аналоговых) технологий, цифровые дают более разнообразные каналы коммуникации, обеспечивая оперативную передачу информации разного формата (например, просветительских проектов, посвящённых сути нацизма и его отличия от других идеологических конструкций). В-четвёртых, цифровизация и её плоды не отделимы от преимуществ автоматизации ряда рутинных (нетворческих) процессов, функций интерактивности, мультимедийности. Но для того, чтобы детальнее разобраться в этом вопросе, следует уточнить роль таких ключевых элементов складывающейся метавселенной, как цифровой аватар и политический интерфейс.

Не так давно цифровые технологии получили своё концентрированное выражение в цифровом аватаре – довольно специфическом феномене. Цифровой аватар является виртуальным расширением индивида, отражающим его специфический образ, черты поведения, характера, предпочтения в сфере ценностей и цифровых ритуалов (проще всего соотносить такого рода аватар с пользовательским аккаунтом в соцсети, портале, форуме и т. п.). Под цифровыми ритуалами (от лат. *ritus* – церемония) понимаются однотипные, схожие действия, реакции индивида на активность иных людей в условиях интернета. Примером цифровых ритуалов выступают лайки, дизлайки, просмотр новостной ленты в смартфоне, комментарии и т. п. Палитра таких ритуалов формирует биометрические

¹ Информационный шум как совокупность помех, искажающих первоначальный сигнал от коммуникатора к адресату, актуализируется в модели политической коммуникации К. Шеннона и У. Уивера, описывающей кодирование, расшифровку и интерпретацию информации. Развивающиеся цифровые технологии искусственного интеллекта в перспективе сделают процедуры кодирования, расшифровки, а также интерпретации контента, в т. ч. и радикального, более качественными.

параметры цифрового аватара, посредством которого человек может общаться с другими людьми, экономя время и не обращая внимание на расстояние, совершать финансовые транзакции, а также получать коммерческие и государственные услуги. Наличие цифрового аватара даёт возможность настраивать фильтры, разделяющие необходимую, ненужную или же недостоверную информацию, что чрезвычайно важно в современных условиях циркуляции больших данных [5] и распространения фейков. Эта особенность имеет принципиальное значение и потому, что помогает ослабить давление, к примеру, пропаганды нацизма (можно не только настраивать фильтрацию контента, но и пользоваться баном¹).

И всё же намного больший потенциал для купирования рисков нацистской пропаганды имеет то, что способно контролировать активность цифровых аватаров и саму аватаризацию² – политический интерфейс, подразумевающий совокупность общих цифровых ритуалов, коллективных ограничений, которые нельзя игнорировать индивиду, если он хочет быть частью определённого политического сообщества. Если рассуждать в рамках модели А. Тойнби, то политическая интерфейсизация³ – это логичный «ответ» любого современного политического режима на «вызов» цифровой аватаризации. Легче всего понять сущность политического интерфейса на примере создания специальных интеллектуальных систем, в задачи которых входит:

– анализ активности цифровых аватаров и создаваемых ими информационных потоков;

– пресечение деструктивной деятельности, в т.ч. пропаганды нацистского толка, вплоть до введения цензуры радикальных идеологий;

– обеспечение и защита цифрового суверенитета государства;

– формирование эффективных контуров обратной связи между обществом и властью.

Цифровизация привела к появлению феномена микроидеологии, когда лозунги, слоганы, политические заявления и требования уплотнились до хештегов, а политические плакаты преобразовались в мемы. Дрейф уровня информационного потребления от чтения лонгридов (длинных текстов) к коротким текстам и мемам отражает процессы виртуализации социальных отношений, контактов и клиповизации массового сознания. Что, в свою очередь, тесно переплетается с возросшей ролью крупных медиа, цифровых корпораций в определении формата, характера и самих рамок сетевой коммуникации.

Зафиксировав эти медиатренды, любопытно обратиться к мнению, согласно которому вброс мемов о Гитлере и нацизме в Рунете происходит не случайно и преследует конкретную цель: повысить узнаваемость нацистских идей среди российской молодёжи [7]. Пропагандистские приёмы, сопровождающие вбросы нацистских идей и образов, продуманы весьма грамотно и включают параллельную дискредитацию символов Победы. Ярким примером этого служат издевательские мемы, умаляющие подвиг советских солдат, оскорбляющие ветеранов Великой Отечественной войны, что фактически ориентировано на оправдание нацизма.

Вероятно, ядром политического интерфейса страны, обеспечивающим её цифровой суверенитет на фоне участвовавших войн нового поколения – информационных, когнитивных, мемориальных, – станут системы на основе искусственного интеллекта. Также разумно предположить, что выживаемость

¹ Бан – один из способов ограничения действий пользователей в интернете, блокировка (*прим. ред.*).

² Цифровая аватаризация – процесс распространения пользовательских цифровых аватаров в интернете, имеющих экономические и социально-политические последствия.

³ Политическая интерфейсизация – процесс создания и распространения политических интерфейсов. Примером такого политического интерфейса можно назвать систему социального рейтинга Китая.

и адаптивность к сетевой среде политического режима значительно повысится, если будет предполагать не сценарий подключения к некоей готовой метавселенной, созданной и подвигаемой какой-либо корпорацией, зарегистрированной, к примеру, в совершенно другом государстве, а если станет учитывать сценарий формирования собственной метавселенной, функционирование которой обеспечат алгоритмы, интеллектуальные агенты и разработки отечественных разработчиков, не зависящих от зарубежных специалистов, приобретения иностранного программного оборудования и софта¹.

Собственная метавселенная должна включать не только политический интерфейс, мониторящий информационные потоки, но и «сетевой полис» – целую систему коммуникационных арен, где будет происходить дискурс граждан и формироваться идентичности, обеспечивающие целостность, воспроизводство единой исторической памяти, созидательное развитие страны и её суверенитет.

Масштабные перспективы есть у технологии искусственного интеллекта на базе так называемых рекурсивных нейронных сетей (RNN) с принципами машинного обучения². С помощью них можно выявлять ту же нацистскую пропаганду путём фиксации синтаксической и семантической композиций контента (в предложениях и отдельных фразах). Такие системы, выявляющие, например, консервативные либо либеральные ценности контента, уже существуют [21]. Нейронная сеть, получившая задачу определения нацистской пропаганды, может работать в 3 этапа (которые описывают в некоторых политологических исследованиях [22]):

¹ Софт – программное обеспечение (*прим. ред.*).

² Машинное обучение – методика, благодаря которой интеллектуальная система проходит обучение посредством получаемого опыта, а именно: освоения каких-либо практик разрешения сходных проблем. С помощью такого приёма и его разновидностей можно обучить интеллектуальную систему к распознаванию радикальной, нацистской символики.

1. преобразование изображения в понятный компьютерной программе формат;

2. дробление изображения на визуальные компоненты с характерными признаками;

3. регулярное обучение системы и последующей более чёткой классификации изображений.

В итоге можно относить выявленные изображения, например, к нацистской, неонацистской или ненацистской символике, пропаганде.

Следует особо подчеркнуть, что любая автоматизация такого формата должна оставлять окончательное решение за специалистом, а не отдавать абсолютно всё на откуп интеллектуальному помощнику. У подобных систем есть как сильные стороны, так и недостатки [2]. Поэтому создание проектов анализа радикальных идей на основе искусственного интеллекта – сложная, но необходимая задача, требующая появления консорциума креативных сетевых лабораторий междисциплинарного типа, где вместе работали бы представители социальных, гуманитарных и естественных наук. Экспертный центр, закладывающий основу для таких интеллектуальных агентов метавселенной, обязан учитывать много параметров: технических, культурно-мировоззренческих, знать полиэтничный характер населения, специфику старых и новых приёмов нацистской пропаганды.

Помимо рекурсивных в профилактике нацистского влияния можно задействовать свёрточные нейронные сети (CCN), построенные на принципах пропуска данных через несколько уровней: слой свёртки, слой пулинга (объединения) и полностью связанный слой. Свёртка – важнейший слой, несущий основную вычислительную нагрузку, включающий ядро – сумму обучаемых параметров. Функция этого слоя – выявить признаки входного, к примеру, неонацистского изображения, а также сформировать карту подобных признаков. Слой

пулинга уменьшает объём полученных признаков, отбирая лишь самые важные сведения о неонацистском дискурсе. Тогда как полностью связанный слой даёт возможность сравнить данные на выходе и входе. Уже описываются подобные системы, которые могут фиксировать, к примеру, факты политического насилия [24]. С помощью свёрточных сетей можно создать инструмент распознавания мемов и других изображений, несущих нацистский смысл.

Системы на основе нейросетей могут помочь специалистам быстрее определить факты, источники и основные коммуникационные каналы нацистской пропаганды, т. к. последняя совершила серьёзные метаморфозы по сравнению с известными геббельсовскими формами манипуляции массовым сознанием. Сложность остаётся в том, что с целью ухода от юридической ответственности и вероятной цифровой стигматизации со стороны противников нацизма, разработчики неонацистского контента путём техник бриколажа создают образы из типично нацистских символов (гитлеровская свастика, Чёрное Солнце, герб рейха в виде орла со свастикой, нацистское приветствие) и адаптированных символов, не имевших ранее нацистского значения (Лунный Человек – Moon Man, лягушонок Пепе) [19]. Встречаются адаптации руны Туг, стилизованные темы превосходства арийской расы. Все эти попытки реанимации нацизма в виртуальном пространстве связаны с муссированием вопросов некрополитики¹ – её тем умирания и смерти, угроз физической расправы, нацеленных на создание постоянного страха в среде определённых этнических, расовых и религиозных групп.

¹ Некрополитика – термин, введённый камерунским политическим теоретиком Ахиллом Мбембе и обозначающий практику политической власти определять, кому из людей жить, а кому умирать. Является очередной попыткой переосмысления теории биополитики и биовласти французского мыслителя М. Фуко.

Нацистские символы в киберсреде тщательно замаскированы, т. к. реанимация нацизма использует иронизирование, прикрытие юмористическим сюжетом, применяя такие нарративы, тропы и образы некрополитики, как «петля для виселицы», мемы о казнях, будущем геноциде, «окончательном решении», расправе с «расовыми предателями», изображении оружия [18] и т. д. Некрополитика и её нарративы не обязательно напрямую заявляют о физическом насилии, скорее, наоборот, используют абстракции, отсылающие к насильственным тематикам и угрозам в замаскированном виде.

Ограничения и угрозы цифровизации

Ограничения цифровых технологий метавселенной невозможно понять без определения её самых слабых сторон. Во-первых, несомненной слабой стороной цифровизации и цифровых технологий является необходимость регулярного поддержания информационной безопасности (политические хакеры, разделяющие радикальные идеи, стараются взломать правительственные интернет-ресурсы, проникнуть в базы данных, получить доступ к переписке). Во-вторых, цифровой контент может быть недоступен той части населения, которая элементарно не имеет доступа к интернету (либо не обладает высокоскоростным интернетом). Соответственно, в этом случае приёмы по купированию рисков нацистской пропаганды должны сочетаться с более традиционными формами работы (конференциями, просветительскими лекциями, мастер-классами, выездными мероприятиями экспертов), пока повышение уровня цифровизации не позволит привлечь более инновационные технологии. В-третьих, цифровая среда включает огромные массивы контента, которые попросту отвлекают как эксперта, так и любого гражданина от необходимой и важной информации. Особенности гипертекстуальной среды виртуальной реальности заставляют че-

ловека часто обращаться к надёжному фактчекингу во избежание столкновения с манипуляциями, фейками и информационными операциями враждебного характера. В-четвёртых, эволюция цифровых технологий привела к проникновению в сетевые коммуникации такого нового вида информационного оружия, как дипфейки (*deepfakes*) – интеллектуальных систем, притворяющихся разными людьми, политиками, государственными деятелями.

За любыми цифровыми технологиями, составляющими суть цифровизации экономической и социально-политической жизни человека, стоят их создатели – цифровые корпорации. На деле именно они являются хозяевами существующих интернет-коммуникаций. Мало того, цифровые корпорации фактически монополизировали само право человека на коммуникацию и общение посредством цифровых технологий. Цифровые корпорации превратились в могущественных соперников такого традиционного политического института, как государство в сфере контроля над информационными потоками.

Корпоративные акторы, по-видимому, будут играть решающую роль в строительстве метавселенных. Поэтому важно осознавать те угрозы конфиденциальности и утечек персональной информации, которые формирует незащищённая цифровая экосистема. Тем более что корпорации могут перепродавать конфиденциальные данные через посредников представителям радикальных идеологических сообществ. Сейчас цифровые корпорации перешли от модели реинвестирования поведенческой стоимости, при которой предоставляли пользователю постоянные обновления приложений за право доступа к его данным, к модели изъятия поведенческого излишка, основанной на тотальной оцифровке любого пользовательского поведения и использования полученного излишка данных в своих узкокорпоративных целях.

Американская исследовательница Ш. Зубофф подчёркивает, что в основе такой корпоративной слежки за людьми лежат идеи бихевиориста Б. Скиннера, надеявшегося, что при правильной технологии знание станет подгонять поведение человека под установленные параметры [9, с. 533–536]. Скиннер заявлял: «Целе-направленное проектирование культуры и контроль за человеческим поведением, который оно предполагает, жизненно необходимы для дальнейшего развития человеческого рода» [14, с. 144]. О подобных вещах, кстати, Скиннер писал в контексте идеи регуляции роста народонаселения, отмечая, что формировать убеждения, мнения можно путём подкрепления того или иного поведения [14, с. 82–83]. Теперь поведенческий излишек (лайки, комментарии, загрузки файлов, репосты, клики, эмодзи) попадает в системы искусственного интеллекта, занимающиеся прогнозом пользовательского поведения. В итоге зарождается инструментальная власть, основанная на разрыве между сильным знанием и властью (в данном смысле власть сконцентрирована у того, кто имеет знание об алгоритмах и пользуется ими для удержания и завоевания этой самой власти) и скрывающаяся за концепцией персонализации клиентских цифровых услуг. Ш. Зубофф описывает сложившуюся систему как «надзорный капитализм» [9, с. 17, 130].

Но если цифровые корпорации станут основными акторами метавселенных, может ли история повториться? Важно помнить, что в своё время крупные западные капиталистические корпорации сыграли не последнюю роль в политическом возвышении Гитлера и его приходе к власти в Веймарской республике. Представители Франкфуртской школы коммуникативистики (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе, Ф. Нойманн и др.) [13] не сомневались в тесной взаимосвязи крупных корпораций и нацистского движения. Так, Ф. Нойманн, принимавший участие в подготовке обвинительных

заявлений для Нюрнбергского процесса, предложил концепцию государства «Бегемота». В отличие от концепции «Левиафана» Т. Гоббса, где корпорации лишь подчиняются государству и не несут ответственности за свои действия, у Нойманна корпорации, нацистская партия и вермахт – равноправные участники военной экспансии и порабощения народов, а значит, несут равную ответственность за преступления против человечества. Проблематика связей корпоративного сектора и нацизма также подробно отражена в работах Дж. Мартина (лично допрашивавшего А. Круппа), А. Швейцера («Крупный бизнес и Третий рейх»), Г. Хальгартена («Гитлер, рейхсвер и промышленники»), У. Манчестера, К. Кобрака, Т. Фергюсона, Г.-И. Вота, Ф. П. Фурса и др. [13].

Получается, что надзорный капитализм, занимающий ключевое положение в глобальных проектах наподобие метавселенной, способен породить ценностные угрозы небывалого до сегодняшней поры уровня: современная цифровая корпорация, разрабатывающая алгоритмы для функционирования метавселенной, станет использовать достижения бихевиоризма и поведенческой отрасли знания для распространения тех идей, которые будут ей выгодны на текущий момент. Если для неё будут представлять интерес нацистские идеи, то в отсутствие государственных и общественных регуляторов она их поддержит и непременно распространит под тем или иным видом. А транснациональный характер цифровой корпорации создаёт угрозы поистине колоссального масштаба – для приобретения дополнительной прибыли она может поддерживать таргетированное внедрение совершенно разных идей в различных странах.

Можно предположить, что часть тенденций и явлений, доминирующих в современном мире социальных сетей, останутся и в новой реальности метавселенной. Достаточно вспомнить, что пре-

слова «культура отмены», посредством которой сторонники одних ценностей стараются уничтожить любые коммуникационные возможности приверженцев иных ценностей, на деле балансирует на грани нацистской логики, выбирающей образ врага для оправдания и легитимации всех своих прошлых, настоящих и будущих действий. Примером такой «отмены» служат не только многочисленные случаи цензуры и блокирования российских медийных ресурсов (Russia Today со стороны YouTube), но и факты «отмены» в отношении конкретных западных политиков (блокирование аккаунтов Д. Трампа и его сторонников) [23].

Цифровой характер метавселенной предполагает совместное существование цифровых аватаров и определённого интерфейса, который задаёт правила для цифровых двойников человека. Технологический гигант, претендующий заменить государство в роли создателя такого политического интерфейса, представляет важные аксиологические и антропологические вызовы. Цифровая корпорация, вершащая судьбы в метавселенной, занимается не просто сугубо утилитарными функциями разработки, внедрения, обновления, адаптации программного обеспечения и совершением финансовых транзакций. Она берёт себе на вооружение поведенческий анализ Скиннера, гибко сочетая его с паноптическими практиками «производства индивидов» [16, с. 274] и заявляет претензии на идеологическую и ценностную цензуру.

Бессмысленно отрицать, что стратегическую роль в коммуникационных связях цифровых аватаров метавселенной приобретут технологии искусственного интеллекта. Здесь недавно наметились новые риски корпоративных экспериментов в области ценностного программирования интеллектуальных систем. Например, американская система искусственного интеллекта Microsoft Tay включала возможности эмоционального

интеллекта и машинного обучения, благодаря чему могла взаимодействовать с пользователями и усваивать от них информацию [15]. После подключения к социальной сети Twitter¹ система Тау была переобучена радикально-ориентированными пользователями и в результате стала поднимать конспирологические темы и цитировать Гитлера. Этот пример показывает, что интернет-коммуникации, которые станут строительными элементами метавселенной, не исключают и угрозы продвижения нацистского дискурса через искусственный интеллект.

Риски интеллектуальных агентов показывают и исследования. Центром социального проектирования в 2019 г. был проведён «опрос» чат-ботов, действующих на основе искусственного интеллекта. Было выяснено, что интеллектуальные системы не исключают своего конфликта с человеком в будущем, из них англоязычные боты испытывали недоверие к России, пренебрежение к Европе². Подмеченные риски ценностного перепрограммирования обладают экзистенциальным характером для всего человечества.

В интернете происходит активная «меметическая нормализация» ультраправой ностальгии, фиксируемая на фактах циркулирующих в сетевых сообществах неонацистских мемов. Можно говорить, что в сообществах современных интернет-коммуникаций происходит ренессанс неонацистской эстетики. Особенно это видно на примере кооптации в интернет-дискурс широкой иконографии мемов с героями из поп-культуры. Такие мемы, как и плакаты во время политической пропаганды Третьего рейха, упаковывают нацистскую идеологию в легко узнаваемые и усваиваемые и, главное, привлекательные нарративы, обладая несколькими функциями:

– многовалентности – способностью соединяться, сочетаться по смыслу с разным визуальным, образно-символическим контентом из комиксов, фильмов, компьютерных игр;

– интертекстуальности – возможностью сочетаться с разными текстами;

– иконографичности – передачей смыслов с помощью изображений, являющихся, по сути, закодированными текстами, требующими знания кода или расшифровки;

– коммеморативности – сохранения истории нацистского движения и его идеологии (от напоминания важных для нацистов дат до нацистской формы и норм поведения) и др.

Метавселенная как раз способна усилить такой меметический функционал, постоянно соединяя виртуальную среду с дополненной реальностью и физическим пространством. Как показывают исследования на примере Швеции [19], нацистские мемы, чтобы привлечь детей и молодёжь, могут использовать популярных персонажей из детских шоу (Альфонса Оберга, Бьорна, Скурта), мультфильмов (Бамси, Тинтин, Симпсоны) или обращаться к растиражированным коммерческим брендам («Звёздные войны», «Лего»).

Как свидетельствуют отдельные исследования, нацистские сетевые сообщества, где генерируются ультраправая символика и нарративы, включают как иерархию (новички, члены, силовики, пропагандисты, лидеры), так и применяют систему обучения нацистским практикам. К примеру, чтобы стать полноценным членом такого сообщества, необходимо приобрести репутацию и сдать экзамен. В подобных сообществах происходит знакомство adeptов с нацистским мировоззрением, литературой, приобретение навыков организации нацистских ячеек на местах, навыков выживания в экстремальных условиях³. Особую опасность эти тренды

¹ Доступ к Twitter в России был ограничен на основании решения Генпрокуратуры РФ от 24 февраля 2022 г.

² О чем говорят роботы? // Платформа: [сайт]. URL: <https://pltf.ru/2019/08/21/o-chem-govorjat-roboty/> (дата обращения: 17.05.2022).

³ Lee B., Knott K. Fascist aspirants: Fascist Forge and ideological learning in the extreme-right online milieu //

приобретают при возникновении в складывающихся метавселенных обособленных сетевых анклавов неонацистского толка, маскирующихся от правоохранительных органов и спецслужб в сегментах наподобие Даркнета.

Заключение

Резюмируем основные итоги SWOT-анализа. Итак, к сильным чертам цифровых технологий можно отнести:

1. открывающиеся перспективы по аналитической обработке различного рода структурированных и неструктурированных данных, помогающих специалисту вычислить реваншистские планы нацистов;

2. широкий коммуникационный функционал для совместной работы сети экспертов в формирующихся метавселенных;

3. использование разнообразных каналов коммуникации для просветительских проектов, объясняющих населению причины, последствия и деструктивную природу нацизма;

4. автоматизацию рутинных, нетворческих процессов, а также интерактивность, мультимедийность при работе с информацией.

Возможности цифровых технологий по купированию угроз нацизма включают:

– цифровые аватары с системой фильтрации, разделяющие необходимую, ненужную или же недостоверную информацию, что помогает ослабить давление пропаганды нацизма;

– политический интерфейс, анализирующий активность цифровых аватаров и создаваемых ими информационных потоков; пресекающий их деструктивную деятельность; обеспечивающий цифровой суверенитет государства; формирующий эффективные контуры обратной связи между обществом и властью;

– конструирование в метавселенной «сетевого полиса» – целой системы коммуникационных арен, где будет происходить дискурс граждан и формироваться идентичности, обеспечивающие целостность, воспроизводство единой исторической памяти, созидательное развитие страны;

– преимущества нейронных сетей, распознающих в условиях информационного шума факты нацистского влияния, неонацистской пропаганды на основе интернет-текстов, креолизованного контента, мемов.

Ограничения, слабые черты цифровых технологий определяются:

1. необходимостью регулярного поддержания информационной безопасности;

2. недоступностью и низким качеством интернета среди определённой части населения;

3. проникновением в сетевые коммуникации такого нового вида информационного оружия, как фейки и дипфейки;

4. накоплением огромных массивов контента, отвлекающих как эксперта, так и любого гражданина от необходимой и важной информации.

Наконец, угрозами цифровых технологий являются:

– распространение цифровыми корпорациями в метавселенных выгодных им идеологий и мировоззрений, вплоть до неонацистских;

– доминирование «культуры отмены», развивающейся в рамках нацистской логики, когда сторонники одних ценностей стараются уничтожить любые коммуникационные возможности приверженцев иных ценностей;

– ценностное перепрограммирование и распространение интеллектуальными системами неонацистских идей и символики;

– формирование в метавселенных скрытых анклавов наподобие Даркнета, включающих сеть неонацистских сообществ.

Помимо выявления возможностей, угроз, сильных и слабых сторон цифровых технологий для человека, логично наметить сценарии развития метавселенных. Сценарные комплексы лучше разделить исходя из существования геополитической и внутривнутриполитической плоскости.

I. Геополитическая плоскость включает, как минимум¹, 3 основных сценария:

1. *Глобальная метавселенная* возможна, если получит дальнейшее развитие тренд гиперконцентрации цифровых разработок в руках одного актора. При таком варианте развития событий существуют 2 развилки: либо одно государство (например, США) использует цифровые корпорации для своего геополитического доминирования, либо одна усилившаяся цифровая корпорация, пользуясь политическим прикрытием и защитой со стороны государства и группы из его союзников, приобретёт монопольное положение в плане предоставления технологических услуг и внедрения форм цифрового контроля в большинстве стран мира. В любом случае может появиться что-то наподобие глобальной цифровой империи, определяющей правила коммуникации, лицензирования цифровых приложений, а значит, формирующей ценностную, экономическую и социально-политическую повестку и среду. Самый драматический вариант данного сценария – захват политического влияния в такой глобальной, планетарной метавселенной со стороны сторонников нацистской идеологии.

2. *Локальные метавселенные* могут возникнуть, если победит тренд сопротивления глобализации. В этом случае станет укрепляться цифровой суверенитет отдельных государств за счёт развития их собственных цифровых корпораций, конкурирующих на мировом рынке коммуникационных и прочих услуг. Тогда как национальным цифро-

вым корпорациям придётся подчиняться государству как основному актору политического процесса и модератору социально-экономических отношений. Локализация метавселенных проявится во внедрении национальных политических интерфейсов и сетевых полисов, позволяющих государственной власти контролировать информационные контакты между разрозненными цифровыми аватарами и их сетевыми сообществами, а также налаживать эффективные контуры обратной связи с обществом. Хотя данный сценарий, конечно, вовсе не исключает и такой специфической развилки, как усиления на основе тотального подчинения всех социальных процессов и отношений в одной стране какой-либо одной значимой в локально-коммуникационном плане цифровой корпорации. Такой подсценарий исключает вариант сильного государства в новых условиях метавселенной и будет означать информационные войны между цифровыми корпорациями, использующими в этих целях государство, население и ресурсы конкретной страны. Одновременное существование локальных метавселенных с разными ценностными, идеологическими основами может привести к периодической аксиоматике – ценностной войне между ними.

3. *Глокальные метавселенные* имеют шанс появиться, если тренд глобализации недостаточно ослабнет, но локальные метавселенные всё же смогут его использовать, адаптировать к своим локальным интересам и реалиям. По сути, такой сценарий обладает прагматичным и промежуточным характером. И всё же одновременное существование разнонаправленных трендов локализации и глобализации может, по сути, стать временным этапом в трансформации метавселенных или даже провоцировать политическую нестабильность. С другой стороны, глокализация может привести к формированию разных союзов метавселенных, которые создадут некое подо-

¹ Перечисленные сценарии не являются исчерпывающими.

бие паритета, баланса в международных отношениях нового типа.

II. Внутривнутриполитическая плоскость также может предполагать сценарный триптих:

1. *Цифровой тоталитаризм.* При этом сценарии монопольное положение в метавселенных захватывают техногиганты – цифровые корпорации. Государственные институты полностью приобретают сервисную составляющую и всецело зависят от функционирования алгоритмов цифровых корпораций. Образование, воспитание, культура, экономика, пропаганда власти начинают полностью подстраиваться под логику существования надзорного, цифрового капитализма. Цифровая корпорация станет способной рейтинговать политическое и любое другое поведение человека. Такое регулярное ранжирование может перезагрузить модель классовых отношений и создать общественную структуру из разных цифровых классов, что станет напоминать нацистский порядок на цифровой основе. Политическая жизнь будет строго регламентирована. Традиционный институт государства, конечно, может также попытаться выстроить цифровой тоталитаризм, подчинив себе цифровой корпоративный сектор, однако цифровые технологии – слишком специфическое направление (требующее определенной касты технических специалистов, а не просто политических управленцев), поэтому, скорее, такой вариант возможен только при попытке конструирования глобальной империи планетарного масштаба, где корпорации будут вынуждены поддерживать институт государства. При локальном же варианте развития геополитики метавселенных основным актором формирования режима цифрового тоталитаризма внутри отдельной страны станут именно цифровые корпорации.

2. *Гибридные политические режимы.* Этот сценарий напоминает геополитический сценарий глокализации, только уже применим к внутривнутриполитической

сфере. Гибридизация проявляется в тесном сближении традиционного института государства с цифровой корпорацией, претендующей на политическую субъектность. Между ними выстраиваются настолько тесные взаимоотношения, что, возможно, они приведут к формированию нового типа политических режимов – «политических цифровых кентавров», в которых произойдет разделение функционала. За технологическую поддержку метавселенной, финансовые транзакции станет отвечать цифровая корпорация (или их группа, консорциум), тогда как часть основных политических функций сохранит за собой государство. При этом, вероятно, модель Паноптикона сместится в сторону Панспектрона – для экономии издержек такие политические цифровые кентавры станут использовать цифровые аватары самих граждан, следящие друг за другом и практикующие в отношении «политически неблагонадежных» индивидов и социальных групп «культуру отмены». Не исключено, что при подобном сценарии граждане, их группы смогут играть на существующих интересах двух частей политического режима – государства и цифровых корпораций, используя их временные противоречия для активизации политической конкуренции.

3. *Сетевой балансир.* Данный сценарий представляет наиболее оптимистичный вариант эволюции метавселенной для гражданина. Он возможен, если произойдет сочетание нескольких факторов: а) в метавселенной будут распространяться сетевые сообщества, обучающие индивидов демократическим практикам в условиях цифровизации и иницирующие проекты политического, исторического просвещения; б) в метавселенной наиболее высокую популярность обретут цифровые платформы с открытыми кодами, позволяющие гражданам обучаться необходимым навыкам программирования, гражданского активизма созидательного характера, внедрять и поддерживать мониторинговые

системы, следящие за эффективностью, работоспособностью и разного рода деятельностью как государства, так и цифровых корпораций; в) все элементы политического интерфейса и сетевого полиса, которые войдут в цифровую экосистему страны, станут влиять на кадровую политику и систему, сочетающей принципы регулярной демократической ротации, профессионализма и традиций страны. При этом сценарии проявится баланс цифровых корпораций, органов государственной власти и гражданских организаций. Принцип балансира как самовоспроизводящейся системы означает, что цифровизация сохраняет в рамках одной страны ценности, культуру её народов, этносов. Режим сетевого балансира, скорее, возможен в условиях локальной метавселенной (при этом нельзя исключать параллельного существования других локальных метавселенных с системой цифрового тоталитаризма), однако при долгосрочной и экспериментальной отработке и повышении демократической

культуры населения в большинстве локальных метавселенных нельзя полностью исключать глобальный вариант такого механизма. В любом случае, принцип открытых кодов подключает к общественным и государственным проектам большее число граждан, преодолевает тёмную сторону алгоритмизации власти, являющейся ключевым фактором в большинстве сценариев развития метавселенной и не позволяет развиваться принципам рейтингования, цифрового контроля, культуры отмены, Паноптикума и Панспектрона в сторону реанимации нацистского режима.

Метавселенная – во многом ещё становящийся феномен, включающий элементы физического мира, дополненной реальности, трёхмерности и цифровых аватаров. Однако в настоящее время уже стратегически важно определяться с теми актёрами, которые станут её создателями и полновластными хозяевами.

Дата поступления в редакцию 27.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина О. Р., Байков Н. М. Экстремистская символика в интернет-пространстве как фактор угрозы социализации молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 3 (80). С. 89–96. DOI: 10.22394/1818-4049-2017-80-3-79-86
2. Алексеев Р. А. Искусственный интеллект на службе государства: аргументы «за» и «против» // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 58–69. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-58-69
3. Ананьев В. Н., Ананьев А. В. Метавселенная Марка Цукерберга с точки зрения теории функциональных систем академика П. К. Анохина // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 80-7. С. 6–10. DOI: 10.18411/trnio-12-2021-308
4. Белов С. И. Проблемы цифровизации политической коммуникации между властью и обществом в современной России // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 3. С. 16–22. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-16-22
5. Володенков С. В. Big Data как инструмент воздействия на современный политический процесс: особенности, потенциал и акторы // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 1. С. 7–13.
6. Гуров О. Н. Метавселенные – из сумерек во тьму перелетая? // Наука телевидения. 2022. Т. 18. № 1. С. 11–46. DOI: 10.30628/1994-9529-2022-18.1-11-46
7. Дамаскин О. В., Красинский В. В. Информационное противодействие фальсификации истории и реабилитации нацизма // Государство и право. 2021. № 6. С. 147–157. DOI: 10.31857/S102694520015034-8
8. Дудина В. И. От паноптикона к панспектрону: цифровые данные и трансформация режимов наблюдения // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 17–26. DOI: 10.31857/S013216250002782-3
9. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева. М.: Изд. Института Гайдара, 2022. 784 с.

10. Метавселенная: перспективы создания и социальные последствия / А. С. Ваторопин, С. А. Ваторопин, И. И. Тепляков, Н. Г. Чевтаева // Теория и практика общественного развития. 2022. № 4 (170). С. 19–25. DOI: 10.24158/tpor.2022.4.2
11. Савельева Е. Н. Художественно-образные формы неявной пропаганды нацизма как предмет культурологической экспертизы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 104–108. DOI: 10.17223/15617793/393/16
12. Савченко А. В., Сегал А. П. Метаверс – как это по-русски? О построении русского сектора метавселенной // Искусственные общества. 2021. Т. 16. Вып. 4. DOI: 10.18254/S207751800017910-0
13. Сергеевкова И. Ф. Проблема взаимоотношений крупного бизнеса и нацизма в Веймарской Республике в историографии США и Великобритании // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5. № 1. С. 100–119. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-1-100-119
14. Скиннер Б. Ф. По ту сторону свободы и достоинства / пер. с англ. А. А. Федорова. М.: Оперант, 2015. 192 с.
15. Федорченко С. Н. Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 34–57. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-34-57
16. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. В. Наумова. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей совр. иск. «Гараж», 2020. 416 с.
17. Шкарупета Е. В., Колесникова В. Б., Белянцева О. М. Метавселенная как пространственный цифровой двойник в Индустрии 5.0 // Экосистемы в цифровой экономике: драйверы устойчивого развития / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС. 2021. С. 96–116.
18. Askanius T. On frogs, monkeys, and execution memes: Exploring the humor-hate nexus at the intersection of neo-Nazi and alt-right movements in Sweden // Television & New Media. 2021. Vol. 22. Iss. 2. P. 147–165. DOI: 10.1177/1527476420982234
19. Askanius T., Keller N. Murder fantasies in memes: fascist aesthetics of death threats and the banalization of white supremacist violence // Information, Communication & Society. 2021. Vol. 24. Iss. 16. P. 2522–2539. DOI: 10.1080/1369118X.2021.1974517
20. Kim J. Advertising in the Metaverse: Research Agenda // Journal of Interactive Advertising. 2021. Vol. 21. Iss. 3. P. 141–144. DOI: 10.1080/15252019.2021.2001273
21. Political Ideology Detection Using Recursive Neural Networks / M. Iyyer, P. Enns, J. Boyd-Graber, Ph. Resnik // Proceedings of the 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2014. Vol. 1. P. 1113–1122. DOI: 10.3115/v1/P14-1105
22. Torres M., Cantu F. Learning to See: Convolutional Neural Networks for the Analysis of Social Science Data // Political Analysis, 2021, vol. 30, no. 1, pp. 113–131. DOI: 10.1017/pan.2021.9
23. Van Dijck J., de Winkel T., Schdfer M. T. Deplatformization and the governance of the platform ecosystem // New Media & Society. 2021. URL: <https://journals.sagepub.com/home/nms> (дата обращения: 19.05.2022).
24. We need to go deeper: Measuring electoral violence using convolutional neural networks and social media / D. Muchlinski, X. Yang, S. Birch, C. Macdonald, I. Ounis // Political Science Research and Methods. 2021. Vol. 9. № 1. P. 122–139. DOI:10.1017/psrm.2020.32

REFERENCES

1. Averina O. R., Baykov N. M. [Extremist symbols in the Internet as a factor of the threat of youth' the socialization]. In: *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], 2017, no. 3 (80), pp. 89–96. DOI: 10.22394/1818-4049-2017-80-3-79-86
2. Alekseev R. A. [Artificial intelligence in the service of the state: pros and cons]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2020, vol. 4, no. 2, pp. 58–69. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-58-69
3. Ananiev V. N., Ananiev A. V. [Metaverse of Mark Zuckerberg from the point of view of the theory of functional systems of Academician P. K. Anokhin]. In: *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education], 2021, no. 80-7, pp. 6–10. DOI: 10.18411/trnio-12-2021-308
4. Belov S. I. [Problems of digitalization of political communication between government and society

- in modern Russia]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, vol. 5, no. 3, pp. 16–22. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-16-22
5. Volodenkov S. V. [Big Data as an instrument of influence on the contemporary political process: features, potential and actors]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2019, vol. 3, no. 1, pp. 7–13.
 6. Gurov O. N. [Metaverse – flight from dusk to darkness?]. In: *Nauka televideniya* [The Art and Science of Television], 2022, vol. 18, no. 1, pp. 11–46. DOI: 10.30628/1994-9529-2022-18.1-11-46
 7. Damaskin O. V., Krasinsky V. V. [Information counteraction to falsification of history and rehabilitation of Nazism]. In: *State and Law* [State and Law], 2021, no. 6, pp. 147–157. DOI: 10.31857/S102694520015034-8
 8. Dudina V. I. [From Panopticon to Panspectron: Digital Data and Transformation of Surveillance Regimes]. In: *Sotsiologicheskoe issledovaniya* [Sociological research], 2018, no. 11, pp. 17–26. DOI: 10.31857/S013216250002782-3
 9. Zuboff Sh. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power* (Rus. ed.: Vasilyev A. F., transl. *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti*. Moscow, Ed. Gaidar Institute Publ., 2022. 784 p.).
 10. Vatoropin A. S., Vatoropin S. A., Teplyakov I. I., Chevtaeva N. G. [Metaverse: Creation Perspectives and Social Consequences]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2022, no. 4 (170), pp. 19–25. DOI: 10.24158/typor.2022.4.2
 11. Savelieva E. N. [Artistically-shaped implicit Propaganda of Nazism as a Subject of Cultural Expert Study]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2015, no. 393, pp. 104–108. DOI: 10.17223/15617793/393/16
 12. Savchenko A. V., Segal A. P. [Metaverse – how is it in Russian? About the construction of the Russian sector of the Metaverse]. In: *Iskusstvennyye obshchestva* [Artificial societies], 2021, vol. 16, no. 4. DOI: 10.18254/S207751800017910-0
 13. Sergeenkova I. F. [The problem of relations between big business and Nazism in the historiography of the United States and Great Britain]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships], 2021, vol. 5, no. 1, pp. 100–119. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-1-100-119
 14. Skinner B. F. *Beyond Freedom and Dignity* (Rus. ed.: Fedorov A. A., transl. *Po tu storonu svobody i dostoinstva*. Moscow, Operant Publ., 2015. 192 p.).
 15. Fedorchenko S. N. [Artificial Intelligence Phenomenon: Citizen Between Digital Avatar and Political Interface]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2020, vol. 4, no. 2, pp. 34–57. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-34-57
 16. Foucault M. *Surveiller et punir: Naissance de la prison* (Rus. ed.: Naumov. V., transl. *Nadzirat i nazyvat: Rozhdenie tyurmy*. Moscow, Ad Marginem Press Publ.; Museum of modern art «Garazh» Publ., 2020. 416 p.).
 17. Shkarupeta E. V., Kolesnikova V. B., Belyantseva O. M. [The Metaverse as a Spatial Digital Twin in Industry 5.0]. In: Babkin A. V., ed. *Ekosistemy v tsifrovoy ekonomike: drayvery ustoychivogo razvitiya* [Ecosystems in the Digital Economy: Drivers of Sustainable Development]. St. Petersburg, POLITEKh-PRESS Publ., 2021, pp. 96–116.
 18. Askanius T. On frogs, monkeys, and execution memes: Exploring the humor-hate nexus at the intersection of neo-Nazi and alt-right movements in Sweden. In: *Television & New Media*, 2021, vol. 22, no. 2, pp. 147–165. DOI: 10.1177/1527476420982234
 19. Askanius T., Keller N. Murder fantasies in memes: fascist aesthetics of death threats and the banalization of white supremacist violence. In: *Information, Communication & Society*, 2021, vol. 24, no. 16, pp. 2522–2539. DOI: 10.1080/1369118X.2021.1974517
 20. Kim J. Advertising in the Metaverse: Research Agenda. In: *Journal of Interactive Advertising*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 141–144. DOI: 10.1080/15252019.2021.2001273
 21. Iyyer M., Enns P., Boyd-Graber J., Resnik Ph. Political Ideology Detection Using Recursive Neural Networks. In: *Proceedings of the 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2014, vol. 1, pp. 1113–1122. DOI: 10.3115/v1/P14-1105
 22. Torres M., Cantu F. Learning to See: Convolutional Neural Networks for the Analysis of Social Science Data. In: *Political Analysis*, 2021, vol. 30, no. 1, pp. 113–131. DOI: 10.1017/pan.2021.9

23. Van Dijck J., de Winkel T., Scholder M. T. Deplatformization and the governance of the platform ecosystem. In: *New Media & Society*, 2021. Available at: <https://journals.sagepub.com/home/nms> (accessed: 19.05.2022).
24. Muchlinski D., Yang X., Birch S., Macdonald C., Ounis I. We need to go deeper: Measuring electoral violence using convolutional neural networks and social media. In: *Political Science Research and Methods*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 122–139. DOI:10.1017/psrm.2020.32

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федорченко Сергей Николаевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета, доцент, главный редактор «Журнала политических исследований»;

e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey N. Fedorchenko – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department of Political Science and Law; Deputy Dean for Research, Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University; Assoc. Prof., Editor-in-Chief, Journal of Political Research;

e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Федорченко С. Н. Наступление метавселенной: возможности и ограничения цифровых технологий в купировании рисков нацизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 21–38.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-21-38

FOR CITATION

Fedorchenko S. N. Arrival of the metauniverse: possibilities and limitations of digital technologies in reducing the risks of Nazism. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 21–38.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-21-38

УДК 323.23

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-39-49

ВИДЕОИГРЫ КАК РЕСУРС ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА, НАЦИОНАЛ-ШОВИНИЗМА И МИЛИТАРИЗМА: НЕРАСКРЫТЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Белов С. И.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выработка игровых алгоритмов, использование которых дискредитировало бы в глазах целевой аудитории – геймеров – идеологию и практику нацизма, национал-шовинизма и милитаризма в ходе прохождения исторической видеоигры (в рамках жанра RPG¹).

Процедуры и методы. В исследовании используются сравнительный и структурный анализ, а также элементы политического моделирования. Автором проведено изучение оригинальных и инновационных механик видеоигр, призванных оказывать масштабное воздействие на модель восприятия геймера и состояние его психоэмоциональной сферы, в т. ч. с целью интеграции либо десакрализации определённых ценностей и детерминируемых ими моделей мышления, поведения и идентичности. Эмпирическую основу исследования образует комбинация кибернарратива и исторических фактов относительно событий Великой отечественной войны.

Результаты. Раскрыт вопрос о неиспользованном потенциале применения видеоигр как ресурса противодействию реабилитации нацизма, национал-шовинизма и милитаризма. Выработана оригинальная модель процесса реабилитации нацизма, национал-шовинизма и милитаризма в рамках формирования культурной памяти. Разработан авторский подход к деконструкции в рамках видеоигры нарративов, используемых в массовой культуре для реабилитации нацизма, национал-шовинизма и милитаризма.

Теоретическая и/или практическая значимость. Разработана концептуальная модель процесса реабилитации нацизма, национал-шовинизма и милитаризма в современных произведениях массовой культуры. Сформулированы практические рекомендации по деконструкции соответствующих нарративов в рамках игр жанра RPG.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, национал-шовинизм, милитаризм, видеоигры, RPG

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

VIDEO GAMES AS A RESOURCE TO COUNTER THE REHABILITATION OF NAZISM, NATIONAL-CHAUVINISM AND MILITARISM: UNREVEALED POTENTIAL

S. Belov

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. Development of game algorithms, the use of which would discredit in the eyes of the target audience (i.e. gamers) the ideology and practice of Nazism, national chauvinism and militarism in a historical video game gameplay (in the RPG genre).

© CC BY Белов С. И., 2022.

¹ Жанр видеоигр, основанный на элементах игрового процесса традиционных настольных ролевых игр.

Methodology. As part of the study, comparative and structural analysis as well as elements of political modeling are used. The author studies original and innovative video game mechanics designed to have a large-scale impact on the gamers' perception model and the state of their psycho-emotional sphere, including the aim of integrating or desacralizing certain values and the models of thinking, behavior and identity determined by them. The empirical basis of the study is a combination of cyber narrative and historical facts about the events of the Great Patriotic War.

Results. Within the framework of the present study, the author reveals the question of the untapped potential of the video games use as a means of counteracting the rehabilitation of Nazism, national chauvinism and militarism. An original model of the process of rehabilitation of Nazism, national chauvinism and militarism has been developed as part of the formation of cultural memory. The author has developed a within-the-gameplay approach to the deconstruction of narratives used in popular culture for the rehabilitation of Nazism, national chauvinism and militarism.

Research implications. A conceptual model of the process of rehabilitation of Nazism, national chauvinism and militarism in modern mass culture works has been developed. Practical recommendations for the deconstruction of the relevant RPG games narratives are formulated.

Keywords: rehabilitation of Nazism, national chauvinism, militarism, video games, RPG

Acknowledgments. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

Введение

Как показывает современная политическая практика, вопрос о борьбе с реабилитацией нацизма, национал-шовинизма и милитаризма приобретает всё большую остроту. Апология соответствующих идеологий и их носителей приводит не просто к легитимации действий их носителей в прошлом. Она также служит основанием для возвращения к соответствующим политическим практикам, что провоцирует возникновение новых внешне- и внутривнутриполитических конфликтов.

Ситуацию усугубляют 2 обстоятельства:

1. неуместное (и зачастую осознанное) использование соответствующих терминов в рамках общественно-политического дискурса способствует их дестигматизации, т. к. они утрачивают первоначальный смысл. Также возникают ложные трактовки термина, позволяющие неонацистам на практике отмежевываться от наследия национал-социализма, несмотря на идентичность идеологических основ;

2. меняется структура медиапотребления и культуры досуга населения, в

первую очередь – в возрастном разрезе. Как следствие, созданные ранее произведения, направленные на борьбу с реабилитацией нацизма, национал-шовинизма и милитаризма, просто в силу своего формата и каналов продвижения перестают оказывать воздействие на молодёжь.

Соответственно, формируется запрос на создание методологической основы в рамках борьбы с реабилитацией нацизма, национал-шовинизма и милитаризма при помощи новых форматов массовой культуры.

Назрела проблема выработки игровых алгоритмов, использование которых дискредитировало бы в глазах целевой аудитории (т. е. геймеров) идеологию и практику нацизма, национал-шовинизма и милитаризма в ходе прохождения исторической видеоигры (в рамках жанра RPG).

Исторический миф и реабилитация нацизма

Противодействие реабилитации нацизма, национал-шовинизма и милитаризма в обязательном порядке предполагает необходимость осознания сущности

и закономерностей работы механизмов, используемых в целях апологии соответствующих политических учений и практик. Их реабилитация представляет собой сложный многоступенчатый процесс, понимание которого открывает широкий спектр возможностей в рамках купирования его последствий и профилактики распространения соответствующих идей.

Необходимо учитывать, что в массовом сознании представления о прошлом существуют преимущественно в форме мифа – заведомо упрощённой и непротиворечивой объяснительной модели. Простота мифа обуславливает возможность его дихотомии: субъекты и события прошлого, как правило, подвергаются поляризации в соответствии с конкретной системой ценностных координат. За счёт этого восприятие одних макросубъектов (партий, движений, социальных групп и т. д.) приобретает сугубо положительное значение, других – исключительно отрицательное [1, с. 72; 4, с. 53; 7, с. 31].

Поэтому одним из главных ресурсов реабилитации нацизма, национал-шовинизма и милитаризма является деконструкция его простоты и непротиворечивости, в первую очередь – с ценностных позиций. При этом речь идёт о фактически **зеркальных мерах**, поскольку реабилитация нацизма автоматически предполагает необходимость синхронного разрушения системы позитивных представлений о борьбе с ним.

Обратимся к конкретным примерам создания условий для продвижения апологетики нацизма и коллаборационизма посредством ресурсов символической политики и политики памяти. В одних случаях это достигается посредством дегероизации образов ключевых исторических деятелей, выступающих в качестве символических фигур. Наиболее характерным примером в данном случае могут служить попытки десакрализации образов общеизвестных героев, совершивших тот или иной подвиг (это чётко фиксируется в случае А. Матросова, З. Космодемьянской

и прочих исторических деятелей, воплощающих собой борьбу с нацизмом). Также дегероизация может осуществляться посредством прямых исторических фальсификаций, направленных на отрицание самого факта совершения подвига. В качестве ресурса дегероизации могут выступать и достоверные факты из биографии героя, разрушающие его идеализированный образ (упоминания о наличии судимости, эпизодах злоупотребления алкоголем, проблемах во взаимоотношениях с членами семьи и т. д.).

В других случаях речь идёт о системной фальсификации истории с целью, например, уравнивать агрессора и жертву или вовсе поменять их местами. Последнее достигается, например, за счёт акцентуации внимания на объективно обусловленных мотивах агрессора и замалчивании положения жертвы. Например, зачастую ревизионистами фокусируется внимание на страданиях населения Германии в результате реализации условий Версальского мира и фактах нарушения прав немецкого населения в Польше и Чехословакии, при этом замалчиваются или оправдываются факты планирования руководством Третьего рейха агрессивной войны, экономического ограбления и массового истребления гражданского населения иных стран. Также активно продвигается исторический миф о нацизме как «зле, направленном лишь вовне». Конструируется образ гитлеровского режима как источника благ для народа Германии и бедствий для её соседей, что предполагает замалчивание информации о системных репрессиях нацистов против этнических немцев, относящихся к числу их политических противников (коммунистов, социал-демократов и т. д.), практике эвтаназии душевнобольных и т. д. Равным образом игнорируется то обстоятельство, что евреи, первыми ставшие жертвами нацистов, являлись гражданами Германии, зачастую имели ещё и немецкие корни. Более того, в соответствии с нюрнбергскими расовыми законами «полуевреями» признава-

лись немцы, вступившие в брак с евреем, рождённые от связи с евреем либо принявшие иудаизм. При этом особо активно замалчивается тема уничтожения евреев-ветеранов Первой мировой войны, в защиту которых выступали даже многие участники Холокоста (например, гауляйтер Белоруссии В. Кубе) [2, с. 98; 3, с. 60; 6, с. 118].

Структура процесса реабилитации

Однако процесс реабилитации не сводится только лишь к обозначенным элементам и не производится одномоментно. Он включает в себя несколько этапов, предполагая постепенное расширение рамок допустимого в пределах интерпретации образа противника.

В рамках первого осуществляется гуманизация образа врага через его рутинизацию. Акцентируется внимание на том, что повседневный быт и поведение врага организованы точно так же, как и в случае представителей воспринимающей стороны. Также демонстрируется наличие столь важных элементов повседневного быта, как дружеские и семейные связи, хобби и увлечения и т. д. У него появляется рациональная мотивация действий, в т. ч. обстоятельства, извиняющие его действия. За счёт этого враг продолжает восприниматься как противник и источник угрозы. Однако в то же время он перестаёт играть роль «воплощения зла», экзистенциального врага, сосуществование с которым невозможно. За счёт этого возникают представления о принципиальной возможности достижения компромисса с ним. Победа над противником в данном случае уже не предполагает необходимости его тотального разгрома и ликвидации. Но, что более важно, формируются предпосылки для возможного отождествления себя с противником со стороны носителя системы представлений о враге.

Проводя аналогии с конкретными носителями культурной памяти, можно привести в качестве примера подобной

первичной гуманизации образы большинства представителей руководства РСХА в киносериале «17 мгновений весны». Речь идёт именно о демонстрации «банального зла», т. е. вместо сотрудников концлагерей, лично убивающих заключённых, аудитории демонстрируется деятельность бюрократического аппарата, обеспечивающего, например, подсчёт ценностей, изъятых у прибывающих жертв. Важно отметить, что данный этап процесса проще всего реализовать, поскольку масштабы коррекции социальной памяти в целом не нарушают границы дискурсивных рамок, выстроенных с целью обеспечения мемориального конформизма внутри общества [6, с. 120; 17, с. 62].

На втором этапе происходит дифференциация образа врага. Среди его представителей выделяются позитивные либо условно позитивные фигуры (способные сослаться на извиняющие их обстоятельства, порождённые действиями иной стороны). В качестве наглядного примера здесь можно привести эстонский кинофильм «1944» (2015 г., Э. Нюганен). Его создатели отображают бойцов 20-й добровольческой пехотной дивизии СС, укомплектованной этническими эстонцами, как людей, активно отрицавших нацистскую идеологию и с неприязнью относящихся к немецкой оккупации. Факт их участия в войне на стороне «третьего рейха», согласно исторической мифологии фильма, обуславливается исключительно нежеланием мириться с репрессиями советской власти. В сходном ключе демонстрируется фигура немецкого диверсанта В. Кречетова в сериале «Ликвидация» (2007 г., С. Урсуляк) и лётчика-коллаборациониста Н. Ларина в фильме «Девятаев» (2021 г., Т. Бекмамбетов, С. Трофимов). Данный подход в позиционировании призван обеспечить как принципиальную возможность выражения эмпатии по отношению к врагу или его союзникам, так и расширения представлений о рамках допустимого поведения (например, перехода на сто-

рону ведущего «войну на уничтожение» противника под страхом смерти, по идеологическим мотивам и т. д.). На данном этапе также происходит размывание представлений целевой аудитории о «своих» в качестве консолидированной массы, движимой едиными целями, интересами и ценностями [15, с. 79].

Реализация стратегии реабилитации на данном этапе, как правило, вызывает активное сопротивление со стороны широких слоёв общественности, выступающих в качестве носителей сложившейся модели мемориального конформизма. Причины этого заключаются в том, что разрушение привычного образа прошлого сопровождается разрушением позитивной символики, выступающей в качестве одного из главных ресурсов генерации ингруппового фаворитизма. Как следствие, отрицание достоверности образа «священного прошлого» минимизирует возможность консолидации общества на основе общей идентичности, престижность которой автоматически снижается радикальным образом. Важно отметить, что отрицаемая историческая символика включает в себя декларацию определённых ценностей и детерминированных ими моделей поведения, в силу чего попытка десакрализации ключевых событий национальной истории становится равнозначной отрицанию образа жизни и модели мировосприятия данной макросоциальной группы [11, с. 92].

В силу данных обстоятельств реализация реабилитационных мероприятий на данном этапе даёт наибольший эффект в период кризиса существующей социально-экономической системы и продуцируемых ею ценностей. Данные обстоятельства способствуют маргинализации широких масс и тем самым создают благоприятную среду трансформации их социальной памяти. Большую роль играет также динамика развития массовой культуры (главного ресурса генерации представлений масс о коллективном прошлом) и уровень её заимствования за рубежом.

Данное обстоятельство имеет большое значение в силу того, что произведения массовой культуры во многом формируют стереотипные представления о «правильных» и осуждаемых формах мышления и восприятия, а также связанных с ними ценностных ориентирах. За счёт этого произведения массовой культуры могут оказать воздействие не на представления о прошлом, а о допустимости и обоснованности тех или иных форм поведения или мышления в тех или иных условиях. Например, в фильме «Правила боя» (2000 г., У. Фридкин) создатели однозначно декларируют, что в ходе боевых действий военнослужащие могут вести огонь по малолетним детям (поскольку те – потенциальные комбатанты), брать заложников и угрожать убийством военнопленным. Во многом сходные установки мы обнаруживаем и в фильме «Снайпер» (2014 г., К. Иствуд), по сюжету которого главный герой убивает мать и её ребёнка (поскольку их отображают как опасных комбатантов).

В случае нацизма, национал-шовинизма и милитаризма задачу реабилитации также заметно облегчает увеличение временной дистанции между событиями Второй мировой войны и текущим моментом. Ранее соответствующие события во многом воспринимались сквозь призму личного опыта очевидцев соответствующих событий – старших родственников. Эмпатия по отношению к ним автоматически придавала восприятию истории войны личностное значение. Однако по мере смены поколений влияние данного фактора естественным образом нивелируется [12, с. 2015; 18, с. 3].

Третий этап предполагает не только полную реабилитацию, но и героизацию врага. При этом его противники автоматически подвергаются дегуманизации и демонизации. Случаи общественно порицаемого поведения с их стороны отрицаются, описываются как сугубо эпизодические или мотивированные. Реализация данного этапа, как правило,

осуществляется в пределах относительно узкой социальной группы. Развёртывание полноценной реабилитации в национальных масштабах возможно лишь при условии полного краха существовавших ранее политической и социально-экономических систем. В этих обстоятельствах реабилитация врага выступает в качестве инструмента, позволяющего, с одной стороны, легитимизировать приход к власти новых элит, а с другой – разрушить мемориальную основу прежде существовавшей макросоциальной идентичности и выстроить новую систему самоопределения масс через смену позиционирования «друзей и врагов» [13, с. 428].

При этом механизм процесса реабилитации содержит в себе целый ряд уязвимостей, проистекающий из самой его природы. Продуктом данного процесса является эмоционально насыщенный исторический миф, продвигаемый преимущественно в сегменте массовой культуры в формате деконструкции общераспространённого образа коллективного прошлого. Таким образом, его можно прервать посредством использования тех же методов.

Потенциал видеоигр жанра RPG

Как уже было отмечено выше, успеху процесса реабилитации нацизма, национал-шовинизма и милитаризма во многом способствуют, с одной стороны, увеличение временной дистанции от Второй мировой войны, а с другой – трансформация наполнения массовой культуры и привычек её потребителей. За счёт этого становится понятно, что основным полем борьбы против реабилитации нацизма, национал-шовинизма и милитаризма становится сфера культурной памяти, т. е. представления о событиях прошлого, формируемые профильными специалистами, не относящимися к непосредственным очевидцам и современникам избранного исторического периода. При этом главной формой трансляции образа прошлого становится не изустная переда-

ча информации в рамках семьи, а моделирование исторических событий в рамках произведений массовой культуры. Приоритетное значение приобретают её жанры, наиболее популярные среди представителей молодёжи – возрастной группы, наделённой иными привычками в сфере медиапотребления и культурного досуга и зачастую придерживающейся иных ценностных ориентаций (и потому особенно уязвимых с позиции воздействия технологии реабилитации) [10, с. 297; 16, с. 1055].

Последнее даёт основание предположить, что одним из главных ресурсов борьбы с реабилитацией нацизма, национал-шовинизма в обозримой перспективе должны стать видеоигры. Их главным преимуществом по отношению к прочим жанрам массовой культуры является глубокий эффект погружения, обеспечивающий высокий уровень отождествления с игровым персонажем у геймера. Игры достаточно легко локализируются, благодаря чему любой игровой проект легко может быть растиражирован на глобальном уровне.

Видеоигры уже активно используются в рамках реализации политики памяти России. Однако их функционал сводится преимущественно к информированию и поддержанию ингруппового фаворитизма. Последнее обусловлено, в первую очередь, невысоким жанровым разнообразием отечественных игровых проектов. Речь идёт преимущественно о шутерах, стратегиях и симуляторах военной техники [8, с. 108; 14, с. 145].

Почти незатронутым оказался игровой жанр, обеспечивающий наибольший эффект погружения в виртуальную реальность – RPG (выход первой российской исторической игры данного типа анонсирован на 2024 г.). Он предполагает необходимость активного ведения диалогов с неигровыми персонажами, причём от выбора конкретных вариантов развития беседы и в целом от модели поведения геймера зависят характер про-

хождения и взаимоотношения с NPC¹, их персональная судьба и ход развития истории игрового мира. За счёт этого игрок придаёт особое значение своим поступкам, поскольку его выбор каждый раз может серьёзнейшим образом отразиться на сюжете. При этом ключевые персонажи обладают хорошо прописанными биографиями и характерами (включая возможность развития «дуги характера» в зависимости от действий геймера). Игрок получает возможность развивать с персонажами романтические отношения и даже вступать в брак, усыновлять детей, заводить питомцев, приобретать и обустривать жильё и т. д. Также жанр RPG предполагает возможность встраивать в прохождение элементы иных жанров. Например, прохождение отдельных квестов может предусматривать использование симуляторов гонок или азартных игр, головоломок, элементов файтинга, детектива и т. д. [5, с. 189; 9, с. 137].

По нашему мнению, именно обращение к этому жанру может существенным образом расширить потенциал российской мемориальной политики в плане борьбы с реабилитацией нацизма, национал-шовинизма и милитаризма.

Перспективные игровые алгоритмы

В качестве условной базовой модели игр данного типа можно использовать следующий сценарий. Главным героем игры должен выступить солдат вермахта, в соответствии с главной сюжетной линией и развитием дуги характера меняющий свои убеждения от идеализированного восприятия национал-социализма до борьбы с ним в составе сопротивления.

В начале игры персонаж должен быть погружён ещё на этапе обучающих миссий в обстановку, соответствующую ключевым элементам дискурса реабилитации. Солдаты вермахта (в лице неигровых персонажей) должны демонстрировать рутинные формы бытового

поведения (в т. ч. в рамках развлечений) либо условные «человеческие качества» (например, привязанность к оставшимся в Германии членам семьи). Также должны демонстрироваться примеры пропаганды, обосновывающие рациональность и моральность действий Германии. Данные установки в дальнейшем должны будут использоваться для создания контраста. Например, сослуживец главного героя, грустивший о разлуке с семьёй, может по сюжету убить такую же по составу семью жителей оккупированной территории, после чего в разговоре выразить радость от того, что в рамках скорого отпуска сможет увидеть близких. Персонаж «ротный юморист» может прибегнуть к насмешкам во время истязаний местного жителя, относящегося к особо опекаемым обществом категориям населения (например, пожилого еврея или ребёнка из семьи отступившего красноармейца).

Равным образом сюжет может включать в себя изменение отношения окружающих к одному из сослуживцев после того, как вскроется факт его «неарийского происхождения». Герою можно предложить на выбор несколько вариантов развития романтических отношений с персонажами, сюжетные линии которых будут предполагать либо репрессивные меры со стороны нацистского режима, либо проявления произвола со стороны его представителей. Например, одна из линий может предполагать необходимость спасения «возлюбленной» из гестапо или из поезда, следующего в «лагерь смерти».

При этом также необходимо по максимуму использовать ресурс влияния выбора на сюжет игры. Например, герою можно предоставить на выбор: казнить или отпустить захваченного коллаборациониста из отряда карателей. Последний может просить о пощаде, ссылаясь на то, что у него есть семья, а самого его вынудили вступить в ряды карателей. В случае, если герой решится его пощадить, в дальнейшем выяснится, что каратель причастен к череде особо жестоких убийств.

¹ NPC (англ. *Non-Player Character*) – неигровой персонаж.

Также в рамках игры можно сменить интерпретацию мотивов, якобы оправдывающих отрицательных персонажей. Например, один из солдат вермахта может объяснять свою ненависть к красноармейцам тем, что когда-то немецкие коммунисты убили его отца. Однако затем выяснится, что погибший отец состоял в рядах штурмовиков нацистской партии и умер при нападении на дом профсоюзного активиста.

Значимым ресурсом эмоционального воздействия может служить и концовка игры. Например, успешное выполнение финальной миссии может предполагать самопожертвование героя. Например, после выполнения квеста его отправляют на казнь. Далее запускается внутриигровое видео (кат-сцена), в рамках которого игрок сможет понять, что сюжет игры уже в наши дни пересказывается внукам и правнукам постаревшим главным антагонистом. В этом качестве может выступать офицер СС или, например, доносчик из числа военнослужащих вермахта. При этом визуально должно быть подчёркнуто, что антагонист проживает в условиях высокого материального достатка. Однако в рамках диалогов в кат-сцене геймеру должны дать понять, что антагонист искажил свою реальную роль в описанных событиях и избежал ответственности за совершённые преступления. Более того, он сумел представить события таким образом, словно он якобы помогал герою-антифашисту. Последнее позволит подчеркнуть, что далеко не всем свидетелям очевидцев событий Второй мировой войны можно верить и не все преступники были наказаны.

В завершении внутриигрового видео можно продемонстрировать (например, в рамках разговора по телефону), что антагонист продолжает общаться с рядом отрицательных персонажей, которые выжили, обзавелись семьями и стали в глазах общественности, например, жертвами «советских репрессий».

Заключение

Итак, купирование и профилактика реабилитации нацизма, национал-шовинизма и милитаризма предполагают необходимость деконструкции соответствующих исторических мифов, продвигаемых в сфере массовой культуры. При этом речь идёт об уничтожении не только апологетики соответствующих идеологий и практик, но и моделей позиционирования, призванных постепенно расширять допустимые рамки интерпретации действий и мотивов их носителей. Соответственно, необходимо вырабатывать собственную эмоционально насыщенную модель мифа, структурные элементы которой блокировали бы воздействие наиболее распространённых форм гуманизации и апологии образов носителей идей нацизма, национал-шовинизма и милитаризма. Последнее также позволит обеспечить большую устойчивость образа «сакрального прошлого», построенного на основе системы символов, созданных в порядке героизации борцов с нацизмом, национал-шовинизмом и милитаризмом.

Увеличение временной дистанции по отношению к периоду Первой мировой войны, изменение структуры медиапотребления и культуры досуга вынуждает нас искать новые форматы продвижения нарратива, направленного на борьбу с ревизионистами. Одной из наиболее перспективных площадок для противодействия реабилитации нацизма, национал-шовинизма и милитаризма представляются видеоигры, в первую очередь, такой их жанр, как RPG. Однако обращение к нему должно в обязательном порядке, во-первых, наглядно демонстрировать ничтожность доводов и оснований для гуманизации образов нацистов и коллаборационистов, и, во-вторых, показывать сохранение актуальности угрозы со стороны носителей соответствующих идеологий, отсутствие у них «обречённости на поражение».

Дата поступления в редакцию 30.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
2. Белов С. И. Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 1. С. 96–104.
3. Белов С. И., Кретова А. А. Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Великой Отечественной войны) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 54–63.
4. Варбург А. Великое переселение образов / пер. с нем. Е. Козиной. М.: Азбука-классика, 2008. 381 с.
5. Ветушинский А. Игровые платформы воображают за нас: конец воображения в видеоиграх // Новое литературное обозрение. 2019. № 4 (158). С. 186–199.
6. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11 (415). С. 117–123.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. А. Б. Гофман. М.: Наука, 1991. 572 с.
8. Ефремов В. Г., Сломинская Е. В. Обучение истории с помощью компьютерных игр // Современная наука: теоретический и практический взгляд: сб. ст. междуна. науч.-практ. конф. Уфа, 1 июня 2015 г. / отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа: ООО «Аэтерна», 2015. С. 107–110.
9. Иванов А. Г. Компьютерные игры в обучении истории // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3 (59). С. 134–138.
10. Калмыков В. А. Видеоигры и патриотизм: виртуальные экстрасоциальные практики в формировании образа России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 1. С. 296–301.
11. Некоторые итоги социологического исследования «Компьютерные игры и политика памяти» / С. Н. Федорченко, Е. В. Карлявина, Д. О. Тедиков, Р. А. Маркарян, К. В. Теслюк // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 90–105.
12. Приборович А. А. Компьютерная игра в латентном обучении истории // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2008. № 35. С. 214–215.
13. Федорченко С. Н. Интерпретация событий Великой Отечественной войны в компьютерных играх: риски и перспективы легитимации режима через политику памяти // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 5. С. 427–438.
14. Царегородцева А. А., Сафронова А. И. Формирование интереса к мировой истории с помощью компьютерных игр (на примере серии игр Assassin`S Creed) // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее: сб. ст. X Междуна. науч.-практ. конф. Пенза, 10 июня 2017 г. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 144–146.
15. Чёрный С. Ю. Конструирование прошлого в видеоиграх: игрок как потребитель и соавтор исторического нарратива (проект «Europa Universalis IV») // Шаги/Steps. 2017. Т. 3. № 2. С. 77–97.
16. Шашков В. А., Миронычева В. Ф. Потенциал компьютерной игры как одного из средств повышения мотивации к изучению истории // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 12 (29). С. 1055–1056.
17. Юл Й. Рассказывают ли игры истории? Краткая заметка об играх и нарративах // Философско-литературный журнал Логос. 2015. Т. 25. № 1 (103). С. 61–78.
18. Bronnikov I. A., Gorbachev M. V. Grassroots and hybrid civic initiatives: features of politicization // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2021. Vol. 24. № 2. P. 1–8.

REFERENCES

1. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung u. polit. Identität in frühen Hochkulturen (Rus. ed.: Sokolskaya M. M., transl. *Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 2004. 363 p.).

2. Belov S. I. [Computer games as a tool for implementation of memory policy (on the example of displaying events of the Great Patriotic War in video games)]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya «Politologiya»* [RUDN Journal of Political Science], 2018, vol. 20, no. 1, pp. 96–104.
3. Belov S. I., Kretova A. A. [Computer games as a resource of the politics of memory: practical experience and hidden opportunities (based on games representing World War II events)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences.], 2020, no. 1, pp. 54–63.
4. Warburg A. Große Umsiedlung von Bildern (Rus. ed.: Kozina E., transl. *Velikoe pereselenie obrazov*. Moscow, Azbuka-klassika Publ., 2008. 381 p.)
5. Vetushinskiy A. [Video game platforms imagine instead of us: the end of imagination in video games]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2019, no. 4 (158), pp. 186–199.
6. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. [Digital stigmata as a tool of manipulating mass consciousness in the conditions of modern state and society]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2018, no. 11 (415), pp. 117–123.
7. Durkheim E. De la division du travail social: etude sur l'organisation des societes superieures (Rus. ed.: Gofman A. B., transl. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii*. Moscow, Nauka Publ., 1991. 572 p.)
8. Efremov V. G., Slominskaya E. V. [Teaching history with the help of computer games]. In: Sukiasyan A. A., ed. *Sovremennaya nauka: teoreticheskii i prakticheskii vzglyad. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ufa, 1 iyunya 2015 g.* [Modern science: theoretical and practical view: collection of articles of the international scientific-practical conference. Ufa, June 1, 2015]. Ufa, ООО «Aeterna» Publ., 2015, pp. 107–110.
9. Ivanov A. G. [Computer games in teaching history]. In: *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy.], 2019, no. 3 (59), pp. 134–138.
10. Kalmykov V. A. [Video games and patriotism: virtual extra social practices in forming the image of Russia]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies], 2014, no. 1, pp. 296–301.
11. Fedorchenko S. N., Karlyavina E. V., Tedikov D. O., Markaryan R. A., Teslyuk K. V. [Some results of the sociological study «Computer games and the politics of memory»]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [The Journal of Policy Studies], 2020, vol. 4, no. 2, pp. 90–105.
12. Priborovich A. A. [Computer game in latent training of history]. In: *Informatsionnyi byulleten assotsiatsii «Istoriya i kompyuter»* [History and Computer Association Newsletter], 2008, no. 35, pp. 214–215.
13. Fedorchenko S. N. [Interpretation of the events of the Great Patriotic War in computer games: risks and prospects of regime legitimization through memory policy]. In: *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], 2020, vol. 3, no. 5, pp. 427–438.
14. Tsaregorodtseva A. A., Safronova A. I. [Formation of interest to world history with computer games (on the example of the Assassin's Creed series)]. In: *Nauka i obrazovanie: sokhranyaya proshloe, sozdaem budushchee: sbornik statei X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Penza, 10 iyunya 2017 g.* [Science and education: preserving the past, creating the future: a collection of articles of the 10th International Scientific and Practical Conference. Penza, June 10, 2017]. Penza, Nauka i prosveschenie Publ., 2017, pp. 144–146.
15. Chernyi S. Yu. [Constructing the past in video games: the player as consumer and co-author of historical narratives in “Europa Universalis IV”)]. In: *Shagi/Steps* [Steps/Steps], 2017, vol. 3, no. 2, pp. 77–97.
16. Shashkov V. A., Mironycheva V. F. [The potential of computer games as a means of increasing the motivation to learn history]. In: *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki* [Modern scientific research and development], 2018, no. 12 (29), pp. 1055–1056.
17. Juul J. [Games telling stories? A brief note on games and narratives]. In: *Filosofsko-literaturnyi zhurnal Logos* [Philosophical and literary journal Logos], 2015, vol. 25, no. 1 (103), pp. 61–78.
18. Bronnikov I. A., Gorbachev M. V. Grassroots and hybrid civic initiatives: features of politicization. In: *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*, 2021, vol. 24, no. 2, pp. 1–8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белов Сергей Игоревич – доктор политических наук, доцент кафедры российской политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: belov2006s@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey I. Belov – Dr. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: belov2006s@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Белов С. И. Видеоигры как ресурс противодействия реабилитации нацизма, национал-шовинизма и милитаризма: нераскрытый потенциал // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 39–49.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-39-49

FOR CITATION

Belov S. I. Video games as a resource to counter the rehabilitation of Nazism, national-chauvinism and militarism: unrevealed potential. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 39–49.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-39-49

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 37.01

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-50-59

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В XVIII ВЕКЕ

Фанталов А. Н.¹, Малязина М. А.²

¹ Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования
191002, г. Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, д. 11/13, Российская Федерация

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть историко-культурные предпосылки и характер траектории исторической динамики изменения высшего образования в социо-культурном пространстве Санкт-Петербурга.

Процедура и методы. При проведении исследования использовались сравнительно-исторический метод (благодаря которому мы можем вычлениить общее и частное в исторических явлениях, этапы и тренды их развития) и системный метод (соответствующий нашим типологическим представлениям о системе высшего образования как подсистеме структуры более высокого порядка – социокультурной системы России и Западной Европы в целом).

Результаты. В работе рассмотрены и охарактеризованы этапы развития системы образования в Санкт-Петербурге и России в XVIII веке. Представлена характеристика данных этапов и их эволюции в течение определённого исторического периода.

Теоретическая и/или практическая значимость. На основании исторических источников были выявлены особенности создания и развития системы образования в России и Санкт-Петербурге в XVIII в.: её включённость в культурно-исторический контекст Западной Европы; англо-французское противостояние в европейской политике данного исторического периода; ключевая роль в процессе создания и развития системы образования в России императорского правительства.

Ключевые слова: российское образование, Санкт-Петербург, XVIII век

HISTORICAL AND CULTURAL PREREQUISITES OF THE HISTORICAL DYNAMICS OF CHANGES IN HIGHER EDUCATION IN ST. PETERSBURG IN THE 18TH CENTURY

A. Fantalov¹, M. Malyazina²

¹ Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education
ul. Lomonosovskaya 11/13, St. Petersburg 191002, Russian Federation

² The Herzen State Pedagogical University
nab. Moiki 48, St. Petersburg 191186, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider historical and cultural prerequisites and the nature of the trajectory of historical dynamics of changes in higher education in the socio-cultural space of St. Petersburg.

Methodology. During the study, the comparative-historical method was used (which allows us to identify by comparison the general and special in historical phenomena, the stages and trends of their development) as well as the systemic method (which corresponds to our ideas about the system of higher education as a subsystem of the structure of a higher order – the socio-cultural system of Russia and Western Europe as a whole).

Results. The paper considers and characterizes the stages of development of the education system in St. Petersburg and Russia in the 18th century. The article contains a description of these stages and their evolution during this historical period.

Research implications. Based on the historical sources, the following factors of creation and development of the education system in Russia and St. Petersburg in the 18th century were revealed: its involvement in the cultural and historical context of Western Europe; the Anglo-French dualism of European politics of this historical period; a decisive role in the creation and development of the education system in Russia of the imperial government.

Keywords: Russian education, St. Petersburg, 18th century

Введение

XVIII в. – основополагающий для российского образования, которое динамично изменялось и прошло траекторию развития от церковного обучения до университетского образования, с одной стороны, и от утилитарного подхода при Петре I до этического подхода в образовании при Екатерине II, с другой. Такова была историческая динамика.

Для упрощения процесса преобразования России Петр I учредил столицу Российской империи в новом городе – Санкт-Петербурге, основанном им в 1703 г. и практически игравшем роль лаборатории развития страны в целом и в создании высшего образования в частности. «Интерпретируя мысли Э. Д. Днепров, источниками любой образовательной реформы являются педагогическая мысль (мировая и отечественная), передовая педагогическая практика, идеологическая ситуация. Поэтому образовательные реформы всегда реализуют социально-политические и собственно образовательные задачи. Новое общество нельзя построить без нового образования, нужно его опережающее развитие, особенно в современном мире» [15].

Следует отметить, что данное высказывание представляется нам совер-

шенно верным. Поэтому в нашей статье прежде всего мы постараемся оценить социально-политическую и культурную обстановку в Европе накануне и во время петровских преобразований, а также то, как она отразилась на создании целого ряда высших учебных заведений в Санкт-Петербурге XVIII в. (и на основании самой северной столицы России).

Общеизвестно, что европейская цивилизация к началу XVIII столетия уже достаточно долгое время пребывала в эпохе Нового времени (в отечественной историографии переход от Средневековья к Новому времени связывают с Нидерландской (конец XVI в.), либо Английской (1642–1645 гг.) буржуазной революциями).

С точки зрения периодизации культуры, научной и общественной мысли, данный период именуется эпохой Просвещения. Обращение к работам методологов в области истории образования позволяет констатировать, что именно в данный исторический период «в теоретическом разуме утвердилось представление о всеилии интеллекта, познающего законы мира и переустраивающего его на рациональной основе. Это обусловило признание особой ценности научного и технического прогресса. Пристальное

внимание к педагогической проблематике объяснялось в XVIII в. уверенностью в возможности преобразования общества в соответствии с умопостигаемой природой человека посредством просвещения народа, выращивания «новой породы людей», способной организовать социальную жизнь на началах разума и справедливости» [7].

Кроме того, этот период характеризуется рядом особенностей, среди которых для нас особенно важны: постепенная секуляризация общества и формирование светского типа культуры, складывание абсолютистских монархий, бурный рост научного знания.

Западная Европа в XVIII в.

В предшествующий исторический период именно к концу XVII в. во Франции периода правления Людовика XIV был создан образец абсолютистского государства (от лат. *absolutus* – безусловный), который потом был заимствован большинством стран Европы (Россией, Испанией, Пруссией, Австрией, Швецией, рядом небольших германских государств). Данный режим управления характеризовался концентрацией в руках монарха исполнительной и законодательной власти, унификацией местного управления, милитаризацией, вмешательством государства в экономику («политика меркантилизма»).

С политической точки зрения, Западная Европа и некоторые другие территории в конце XVIII в. оказались поделены на 2 противостоящих друг другу блока: французский и англо-германский. Как отмечает целый ряд историков¹, это ярко проявилось в двух войнах: войне Аугсбургской лиги (1688–1697) и войне за Испанское наследство (1701–1714). Франции здесь противостояли Англия, Австрия, Голландия, Португалия, Савойя и некоторые немецкие государства. С учётом того, что войны протекали и в

американских колониях, французы сумели привлечь к борьбе со своими противниками Османскую империю, а их оппоненты против турков – Иран, данное противостояние можно считать общевропейским, и даже «мировым» [6].

Следует отметить, что дипломатическая борьба между обеими коалициями велась не менее активно, чем война настоящая, причём не только посредством официальных представителей, но и тайных агентов, которыми де факто являлись многие известные европейские «авантюристы» XVIII в.

Гегемонистская политика Людовика XIV («Короля-Солнце») многими участниками конфликта воспринималась как попытка нарушить принципы Вестфальского мира, установленного по итогам Тридцатилетней войны в 1648 г. и сформировавшейся тогда Вестфальской системы:

«Основные принципы Вестфальской системы международных отношений:

- приоритет национального интереса;
- принцип баланса сил;
- приоритет государств-наций;
- принцип государственного суверенитета;
- право требовать невмешательства в свои дела;
- равенство прав государств;
- обязательство выполнять подписанные договоры;
- принцип действия международного права и применения дипломатии в международных отношениях – соблюдение договоров стало важнейшим элементом такой практики, а международное право и регулярная дипломатическая практика – неотъемлемым атрибутом отношений между государствами»².

В войнах Аугсбургской лиги и за Испанское наследство решалось, станет ли Франция бесспорным гегемоном, или на Европейском континенте сформируются

¹ Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915.

² Вестфальская система международных отношений // Академик: [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/tuwiki/625207> (дата обращения: 03.05.2022).

«равновесие» и «концерт» независимых государств. Для нас особенно важно, что параллельно с Войной за испанское наследство в Восточной и Центральной Европе протекала Великая Северная война (1700–1721). Совпадение начальных дат не случайно. Швеция и Османская империя (Турция) уже были втянуты в орбиту французской политики. Турки на балканском фронте оттягивали немалые силы австрийцев. Появление же первоклассной шведской армии на полях сражений войны за испанское наследство могло бы привести к перелому в её ходе в пользу Людовика XIV. Поэтому и возник проект войны со шведами.

Данная война имела и глубокие региональные причины. Так, в течение всего XVII в. происходило постоянное усиление Шведского королевства, которое жёстко контролировало почти весь северный берег Балтики и значительную часть южного, стремясь к превращению его во «внутреннее шведское озеро» и к монополии на балтийскую торговлю. В этом Швеция ущемляла интересы России, Дании и Польши (с последними двумя она весь XVII в. вела изнурительные кровопролитные войны). Обращает на себя внимание также тот факт, что политико-культурная ситуация в русском государстве – России – сложилась следующая. После Смутного времени (1598–1613 гг.) в стране установилось правление династии Романовых, одной из отличительных черт которого практически с самого начала являлся интерес к техническим и культурным достижениям стран Западной Европы и стремление к упрочению связей с ними.

Культурно-историческое развитие России в XVII–XVIII вв.

Уже при первом царе новой династии Михаиле Федоровиче (1613–1645 гг.) были заведены такие «новшества», как организация полков «нового строя» (рейтарского, драгунского, солдатского), первая русская газета «Вестовые письма»,

Немецкая слобода в Москве – место для поселения иностранных инженеров и военных специалистов.

Эти тенденции были значительно усилены в царствование сына и преемника Михаила Федоровича – царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.). Основными направлениями его внешней политики была борьба с Польшей (Речью Посполитой) за западнорусские земли, конфликты с Турцией (особенно её вассалом Крымским ханством) и Швецией. Таким образом, Россия объективно постепенно втягивалась в антифранцузский блок.

При этом здесь происходило столкновение 2 европейских влияний – католического и протестантского. Культурное воздействие Польши часто недооценивают. Вместе с тем прокатолической и отчасти пропольской ориентации придерживалось правительство царевны Софьи (осуществлявшей регентство при двоецарствии Ивана и Петра в 1682–1689 гг.) и её фаворита Василия Голицына. Кстати, многие представители аристократической семьи Голицыных тайно исповедовали католицизм, в который их привлекли иезуитские патеры¹.

Следствием подобной политико-культурной ориентации явилось создание в Москве в 1687 г. Славяно-греко-латинской академии (в которой успел поучиться знаменитый М. В. Ломоносов). После воцарения Петра I в 1689 г. произошло переключение российской дипломатии на протестантские страны Европы – Англию, Голландию, Северную Германию, и началась борьба за выход к Балтике. Следствием данного курса и было основание Санкт-Петербурга в качестве «окна в Европу».

В то же время развитие образования в России приняло иное направление.

Отметим уникальность правления Петра I: около половины времени своего царствования он провёл за пределами России. Помимо отлучек, вызванных во-

¹ Голицын М. А. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 82 т. Спб., 1893. С. 50.

енными надобностями, Пётр совершил два путешествия в Европу, каждое из которых длилось около 2 лет.

О «великих реформах» Петра написано очень много [2], здесь же нам следует отметить высокую степень их утилитарности и практикоориентированности. В частности, характер реформ диктовался, прежде всего, нуждами войны. Начатки образования, внедряемые или намечаемые при Петре I, были связаны с непосредственной подготовкой морских и сухопутных офицеров, либо с созданием военной промышленности. При этом во все новосозданные сферы деятельности привлекалось изрядное количество иностранных специалистов (хотя ключевые должности в основном оставались за русскими подданными царя). Среди иностранных специалистов преобладали выходцы из протестантского (англо-голландско-немецкого) блока Северной Европы, хотя присутствовали также французы и итальянцы (более в сфере архитектуры и изобразительного искусства).

В ряде случаев нововведения Петра обгоняли организацию соответствующих образовательных институций в других странах Европы.

После смерти Петра I после недолгого правления его супруги Екатерины I, а затем внука, Петра II, к власти пришла племянница Петра I Анна Иоанновна (1730–1740). Её слабо очерченное «правительство», а точнее, конгломерат нескольких элитных групп: двор (оберкамергер Э. Бирон и обергофмаршал Р. Левенвольде), кабинет-министры (А. Остерман, Г. Головкин, А. Черкасский и др.), генерал-фельдмаршал Б. Х. Миних, в целом, продолжало курс Петра I, хотя и не столь энергично и последовательно. «...Основным результатом аннинского царствования стала, прежде всего, стабилизация и упрочение основ политико-административной и социально-экономической системы, созданной Петром I» [12].

Это же отразилось и на учебных заведениях, особенно петербургских. В

период развития «утилитарной» образовательной политики великого реформатора был создан Сухопутный кадетский корпус, оказавшийся одним из самых успешных учебных заведений (и не только военных). В это время правительство Российской империи продолжало сохранять политико-культурную ориентацию на антифранцузский блок, прежде всего, Англию и Австрию с преобладающим протестантским влиянием.

Важен также тот факт, что именно после смерти Анны Иоанновны (1740 г.) произошло короткое междуцарствие. На престол был коронован её внучатый племянник Иоанн Антонович при регентстве сперва Э. Бирона, затем его матери Анны Леопольдовны. В этот год, заполненный борьбой придворных партий, никакой смены курса не произошло [8].

При этом после переворота Елизаветы Петровны (1741 г.) была предпринята попытка сменить направление в политике с англо-австрийского на французское (поскольку дипломатия Людовика XV руками посланника маркиза де ла Шетарди оказала большую организационную и финансовую поддержку в свержении Иоанна Антоновича и Анны Леопольдовны). Однако Франция могла предложить России лишь вернуться к относительно изоляционистской политике XVII в., что было уже абсолютно неприемлемо для российской элиты. Поэтому, несмотря на личные симпатии к Франции и французской культуре, после нескольких лет колебаний Елизавета Петровна под влиянием своего канцлера А. Бестужева-Рюмина вернулась к союзу с Австрией.

Обращение к историческим исследованиям [5] показывает, что канцлер Елизаветы Петровны А. П. Бестужев-Рюмин придерживался своей знаменитой политической «системы», в рамках которой Россия, Австрия (формально Священная римская империя германской нации) и Англия противостоят Турции, Пруссии и Франции (по сути – профранцузскому блоку). Такая политика была обоснована,

однако нарушилась в результате «дипломатической революции» 1756 г., отчасти подготовленной австрийским канцлером Кауницем. «Дипломатическая революция (или переворачивание альянсов), последовавший за Вторым Аахенским миром разрыв старых дипломатических союзов, на протяжении многих десятилетий связывавших Францию с Пруссией, а Англию – с Австрией и создание новых – англо-прусского и австро-французского, была формализована Вестминстерской конвенцией (январь 1756 г.) Англии и Пруссии и двумя версальскими договорами Австрии и Франции, что и определило расклад сил в Европе накануне Семилетней войны» [7].

Таким образом, Россия в период правления Елизаветы Петровны оказалась втянутой в масштабную Семилетнюю войну (1756–1762 гг.) в альянсе с Францией, Австрией, Саксонией и Швецией против Англии и Пруссии. Военные столкновения с лучшей на тот момент в Европе прусской армией короля Фридриха II были достаточно успешными для русских войск (на стороне которых, правда, всегда было численное преимущество), но и показали необходимость улучшения подготовки офицерского состава. Поэтому, по приказанию начальника артиллерии графа П. И. Шувалова 22 августа 1758 г., в разгар Семилетней войны после объединения петербургских Инженерной и Артиллерийских школ, была создана Соединённая артиллерийская и инженерная школа.

Необходимо отметить, что во времена правления Елизаветы Петровны политика в области образования постепенно теряет слишком ярко выраженный петровский утилитаризм и милитаризм и возникают такие учреждения, как Академия художеств и Пажеский корпус. Последний, в сущности, не имел аналогов в Европе, где роль пажей играли обычно те же кадеты. Характерно, что организатором Пажеского корпуса был француз барон де Чуди («Щуди»), что отчасти яв-

лялось следствием не до конца реализованных профранцузских симпатий Елизаветы Петровны (Чуди был секретарем франкофила И. Шувалова) [10].

После кончины императрицы Елизаветы Петровны в 1761 г. в России вновь наступил краткий период нестабильности [4]. К власти пришел её официальный наследник Пётр III, за 182 дня правления которого с необычайной интенсивностью было принято 192 документа (манифесты, указы, резолюции), в т. ч. Манифест о вольности дворянства. Во внешней политике был также произведён резкий переход – из противника Пруссии, Россия превратилась в её союзника.

Интересно, что вскоре Пётр III был свергнут собственной супругой, будущей императрицей Екатериной II, при активном пособничестве английского посла Кейта. Таким образом, в российской политике вновь возобладали английское влияние. Придя к власти в результате переворота 1762 г., фактической смены курса Екатерина не произвела, оставив большинство из основных указов и решений последнего. Не изменила она и внешнеполитический курс, продолжая опираться на союз с Фридрихом II и дружбу с Англией всю первую половину своего царствования.

Несмотря на то, что во вторую половину царствования Екатерины II в её политике произошла определённая переориентация, отношения с Пруссией охладели, и ближайшим союзником стал австрийский император Иосиф II, Россия так и не примкнула к французскому политическому блоку [9]. Таким образом, относительно близкие отношения с Францией, которые установились на короткое время в период царствования Елизаветы Петровны, в конечном счёте остались эпизодом в российской истории XVIII в. Экономические интересы России оказались накрепко связаны с английской экономикой, с продажей в Англию сырья (леса, пеньки и др.) и приобретением промышленного английского ширпотреба.

Тем не менее культурное влияние Франции ощущалось достаточно сильно. Если во времена Петра I оно выразилось в заимствовании определённых институций централизованной милитаристской монархии, а при Елизавете Петровне царило очарование французской роскоши и эстетики, то при Екатерине II в Россию проникли этические воззрения французских просветителей, восприятие которых уже было подготовлено предшествующими царствованиями. В этом аспекте следует рассматривать деятельность И. И. Бецкого на посту президента Императорской академии художеств (1763–1795 гг.) и инициатора Смольного института (созданного по образцу Института Святого Людовика во Франции).

На основании вышеизложенного можно утверждать, что культурно-историческое развитие России протекало в русле основных тенденций развития европейской цивилизации, являвшейся основным субъектом социально-политического и научно-культурного развития в рассматриваемую эпоху. Следует отметить, что Западная Европа конца XVII–XVIII вв. характеризуется в политическом смысле как противостояние «французского» и «английского» блоков. Этот политический дуализм определил основную ось культурного развития на континенте, в т. ч. и в сфере образовательной политики.

С другой стороны, англо-французский дуализм вовлекал в свою орбиту и другие страны Европы, и Россию, т. е. Санкт-Петербург как своеобразное «окно в Европу» (по крылатому выражению Ф. Альгаротти, известного в то время специалиста в сфере коллекционирования предметов искусства) имел 2 стороны [1; 3]. Таким образом, во взаимодействии с макрополитическими событиями в Европе постепенно происходит определённая смена акцентов в образовательной политике в Российской империи, которую можно сформулировать как переход «от утилитарного милитаризма – к эстетизму, а позднее – к этизму».

Заключение

Итак, с большой долей уверенности мы можем говорить о том, что Россия в XVIII в. не только сознательно отбирала элементы европейской цивилизации для внедрения на собственную почву, но и сама становилась объектом целенаправленного воздействия со стороны европейских гегемонов, оспаривающих её друг у друга. В балансировании между данными влияниями состояла специфика существования России в XVIII в. В попытке привести основные социальные, в т. ч. и образовательные, институты Российского государства и общества в соответствие с «европейскими» стандартами беспрецедентно значительная (почти «демиургическая») функция принадлежала российскому самодержцу, а точнее, императорскому «правительству», которым являлась зачастую нечётко оформленная и «текучая» группа лиц и институций.

С учётом того обстоятельства, что данное время в России было эпохой дворцовых переворотов, нас не должно удивлять, что состав данных «правительств» перманентно изменялся. Одновременно трансформировался и состав верховных учреждений Российской империи. В царствование Петра I главным учреждением был Правительствующий Сенат; при Анне Иоанновне – Кабинет министров; при Елизавете Петровне – Конференция при Высочайшем дворе; при Петре III – Императорский Совет; Екатерине II – Совет при Высочайшем дворе [11].

В отсутствии гражданского общества в России того времени от ближнего окружения российских императоров и императриц зависело в очень большой степени развитие высшей школы в Санкт-Петербурге как в столице Российской империи. При этом следует сказать, что особого учреждения, которое отвечало бы за вопросы организации и реформирования высшего образования, в Российской империи в данную эпоху не имелось, а соответствующие учреждения курировались по «отраслевому» принципу.

Так, например, А. И. Остерман, глава Кабинета, сосредотачивающийся в нём на иностранных и «морских» делах, являлся куратором Морской академии, много сделавшим для её развития [13].

Другой член кабинета министров Анны Иоанновны Б. Х. Миних (курировавший военные и инженерные вопросы) сам лично создавал Сухопутный кадетский корпус [14].

Одновременно один из влиятельных членов елизаветинской Конференции – И. И. Шувалов явился основателем Академии художеств и куратором создания Пажеского корпуса [10]. При этом важно отметить, что все рассматриваемые высшие учебные заведения заявленного исторического периода учреждались императорскими указами (только Академия

художеств была учреждена постановлением правящего Сената).

В целом на основании вышеизложенного можно утверждать, что ведущими факторами создания и развития системы образования в России и Санкт-Петербурге в XVIII в. были:

1. вовлечённость политического и культурного развития России в культурно-исторический контекст Западной Европы того времени;

2. англо-французское противостояние, бывшее «осью» европейской политики данного исторического периода;

3. ключевая роль российского императорского правительства, состав которого постоянно менялся.

Дата поступления в редакцию 19.01.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Альгаротти Ф. Русские путешествия. Письма о России / пер. с итал. М. Талалая. Спб.: Крига, 2006. 173 с.
2. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 496 с.
3. Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века: От Ахенского мира до Семилетней войны. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 344 с.
4. Егоров В. И. Голштинские войска и дворцовый переворот 1762 года. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. 120 с.
5. Емелина М. А. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 29–45.
6. Ивонина Л. И. Война за испанское наследство. Смоленск: СмолГУ, 2010. 318 с.
7. Корнетов Г. Б. Реформаторы образования в истории западной педагогики: учеб. пособ. М.: АСОУ, 2007. 119 с.
8. Курукин И. В. Анна Леопольдовна. М.: Молодая гвардия, 2012. 302 с.
9. Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. 742 с.
10. Петрова М. А. Екатерина II и Иосиф II: Формирование российско-австрийского союза: 1780–1790. М.: Наука, 2011. 419 с.
11. Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 1062 с.
12. Ржеуцкий В. В тени Шувалова. Французский культурный посредник в России барон де Чуди [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2010. № 5. URL: <https://www.nlobooks.ru> (дата обращения: 03.05.2022).
13. Семёнов П. Н. Биографические очерки сенаторов. М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1886. 229 с.
14. Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й Кадетский корпус) при графе Минихе: исторический очерк. Вып. 1 / сост. П. Лузанов. Спб.: Книгопечатня Шмидт, 1907. 188 с.
15. Федюкин И. Граф А. И. Остерман и проект реформирования Морской академии // «Регулярная академия учреждена будет...»: образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / сост. И. Федюкин, М. Лавринович. Т. 11. М.: Новое издательство, 2015. С. 176–179.

REFERENCES

1. Algarotti F. *Viaggi di Russia* (Rus. ed.: Talalaya M., transl. *Russkiye puteshestviya. Pisma o Rossii*. St. Petersburg, Kriga Publ., 2006. 173 p.).
2. Anisimov E. V. *Vremya petrovskikh reform* [Time of Peter's reforms]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989. 496 p.
3. Anisimov M. Yu. *Rossiyskaya diplomatiya v Yevrope v seredine XVIII veka: Ot Akhenskogo mira do Semiletney voyny* [Russian diplomacy in Europe in the middle of the 18th century: From the Treaty of Aachen to the Seven Years' War]. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2012. 344 p.
4. Egorov V. I. *Golshtinskiye voyska i dvortsovyy perevorot 1762 goda* [Holstein troops and the palace coup of 1762]. Moscow, Fond «Russkiye Vityazi» Publ., 2016. 120 p.
5. Emelina M. A. [Alexey Petrovich Bestuzhev-Ryumin]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 2007, no. 7, pp. 29–45.
6. Ivonina L. I. *Voyna za ispanskoye nasledstvo* [War of the Spanish Succession]. Smolensk, SmolGU Publ., 2010. 318 p.
7. Kornetov G. B. *Reformatory obrazovaniya v istorii zapadnoy pedagogiki* [Education reformers in the history of Western pedagogy] Moscow, ASOU Publ., 2007. 119 p.
8. Kurukin I. V. *Anna Leopoldovna* [Anna Leopoldovna]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 302 p.
9. Milyukov P. N. *Gosudarstvennoye khozyaystvo Rossii v pervoy chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [The state economy of Russia in the first quarter of the 18th century and the reform of Peter the Great]. St. Petersburg, 1905. 742 p.
10. Petrova M. A. *Ekaterina II i Iosif II: Formirovaniye rossiysko-avstriyskogo soyuza: 1780–1790* [Catherine the Great and Joseph II: Formation of the Russian-Austrian Union: 1780–1790]. Moscow, Nauka Publ., 2011. 419 p.
11. Petrukhintsev N. N. *Vnutrennyaya politika Anny Ioannovny (1730–1740)* [Internal policy of Anna Ioannovna (1730–1740)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014. 1062 p.
12. Rzhetsky V. [In the shadow of Shuvalov. French cultural mediator in Russia Baron de Tschudy]. In: *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review], 2010, no. 5. Available at: <https://www.nlo-books.ru> (accessed: 03.05.2022).
13. Semyonov P. N. *Biograficheskiye ocherki senatorov* [Biographical sketches of senators]. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete Publ., 1886. 229 p.
14. Luzanov P., ed. *Sukhoputnyy shlyakhetnyy kadetskiy korpus (nyne 1-y Kadetskiy korpus) pri grafe Minikhe: istoricheskiy ocherk. Vyp. 1* [Land gentry cadet corps (now the 1st cadet corps) under Count Minich: a historical essay. Issue 1]. St. Petersburg, Knigopечатnya Shmidt Publ., 1907. 188 p.
15. Fedyukin I. [Graf A. I. Osterman and the project of reforming the Naval Academy]. In: Fedyukin I., Lavrinovich M., eds. *«Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...»: obrazovatelnyye proyekty v Rossii v pervoy polovine XVIII veka. T. 11* [«The regular academy will be established ...»: educational projects in Russia in the first half of the 18th century. V. 11]. Moscow, Novoye izdatelstvo Publ., 2015, pp. 176–179.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фанталов Алексей Николаевич – кандидат культурологии, доцент, старший преподаватель Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования;
e-mail: fantalov@mail.ru

Малязина Маргарита Александровна – специалист 1-й категории учебного управления Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;
e-mail: malyzinamaggi@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey N. Fantalov – Cand. Sci. (Cultural Studies), Assoc. Prof., Senior Lecturer, St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education;
e-mail: fantalov@mail.ru

Margarita A. Malyazina – the 1st Category Specialist, Educational Department, The Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: malyzinamaggi@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фанталов А. Н., Малязина М. А. Историко-культурные предпосылки исторической динамики изменения высшего образования в Санкт-Петербурге в XVIII веке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 50–59.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-50-59

FOR CITATION

Fantalov A. N., Malyazina M. A. Historical and cultural prerequisites of the historical dynamics of changes in higher education in St. Petersburg in the 18th century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 50–59.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-50-59

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-60-72

«СМЕЛО РЕКОМЕНДУЮ ВАШЕМУ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ЭТОГО ДОСТОЙНОГО ЧИНОВНИКА»: РОЛЬ ПРОТЕКЦИИ В ГУБЕРНАТОРСКИХ НАЗНАЧЕНИЯХ НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА (1855–1861 ГГ.)

Могилевский Н. А.

*Московский государственный институт международных отношений
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ роли протекции при назначениях на губернаторский пост в России в эпоху подготовки отмены крепостного права (1855–1861 гг.).

Процедура и методы. Исследование построено в основном на вводимом впервые в научный оборот корпусе архивных документов. Также использованы статьи отечественных и зарубежных авторов по рассматриваемой проблематике.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод, что фактор протекции в губернаторских назначениях второй половины 1850-х гг. имел очень большое значение. По большей части можно говорить о протекции клановой, при которой покровитель добивался нужного назначения для лица, с которым уже был знаком по предыдущей службе. На министра внутренних дел, от которого зависели представления кандидатов на высочайшее имя, оказывали давление не только высокопоставленные особы (министры, генерал-губернаторы, сенаторы, члены Госсовета), но даже и сами губернаторы, старясь добиться для себя перевода в удобную или привлекательную (по тем или иным причинам) губернию. При этом важно отметить, что далеко не все просьбы высокопоставленных покровителей о назначениях своих протеже на губернаторскую должность достигали успеха. В некоторых случаях им противодействовал министр внутренних дел, в других – собственное решение принимал император.

Теоретическая и/или практическая значимость работы. В статье обобщён новый материал по исследуемой теме, в научный оборот введены архивные документы. Проанализирован механизм назначения (и смещения) губернаторов в период 1855–1861 гг., что имеет ключевое значение для понимания кадровой политики в период подготовки «великих реформ».

Ключевые слова: губернатор, назначения, протекция, Александр II, генерал-губернатор, Министерство внутренних дел

«I BOLDLY RECOMMEND YOUR HIGH EXCELLENCE OF THIS DECENT OFFICER»: THE ROLE OF PROTECTION IN GOVERNOR'S APPOINTMENTS ON THE PREVIEW OF THE ABOLITION OF SERFDOM (1855–1861)

N. Mogilevsky

*Moscow State Institute of International Relations
prosp. Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the article is to analyze the role of patronage in appointments to the governor's post in Russia in the era of preparation for the abolition of serfdom (1855–1861).

Methodology. The research is mainly based on the corpus of archival documents introduced for the first time to academic circulation. In addition, articles of domestic and foreign authors on the issues under consideration were used.

Results. Based on the results of the study, the author concluded that the patronage factor in the governor's appointments in the second half of the 1850s was very important. For the most part, we can talk about clan patronage, in which the patron sought the desired appointment for a person with whom he was already familiar from the previous service. The Minister of Internal Affairs, on whom the presentation of candidates for the highest name depended, was put under pressure not only by high-ranking persons (ministers, governors-general, senators, members of the State Council), but also by the governors themselves, who were trying to achieve a transfer to a convenient or attractive (for one reason or another) the province. At the same time, it is important to note that not all requests from high-ranking patrons for the appointment of their proteges to the governor's office were successful. In some cases, they were opposed by the Minister of Internal Affairs, in others – the emperor made his own decision.

Research implications. The article summarizes new material on the topic under study and introduces new archival documents to academic circulation. The mechanism of appointment (and displacement) of governors in the period 1855–1861 is analyzed, which is of key importance for understanding personnel policy during the preparation of the “great reforms”.

Keywords: governor, appointment, patronage, Alexander II, governor-general, Ministry of Internal Affairs

Введение

Первые 5 лет правления Александра II (1855–1861) выдались бурными, насыщенными: страна ожидала реформ и лихорадочно готовилась к ним. Подготовка к переменам велась одновременно и на уровне законодательном (создавались всевозможные комитеты, в которых обсуждались будущие юридические контуры преобразований), и на уровне, если можно так выразиться, исполнительном. Происходила активная ротация чиновников разной значимости в структуре власти, в частности, губернаторского корпуса. Из 49 губерний Европейской России губернаторы сменились в 39, причём во многих местах за указанный период по нескольку раз. Лишь в 7 губерниях не последовала смена «первого лица»: в Киевской, Лифляндской, Орловской, Полтавской, Саратовской, Тамбовской и Тульской¹.

Как видно, губернаторский «призыв» второй половины 1850-х гг. был массовым, при этом он, несомненно, имел свои особенности и закономерности. Следует

учитывать, что губернаторский пост, при всех сложностях и издержках, с ним связанных, во все времена манил многих честолюбивых и амбициозных чиновников – недостатка в претендентах не наблюдалось. Между тем губерний в Европейской России было существенно меньше, чем желающих их возглавить. Само собой, в этом случае вождевленное назначение чаще всего получал кандидат, обладавший хорошими связями во властных элитах. И здесь на первое место выходит феномен покровительств (протекции), представления о котором у наших современников зачастую довольно смутные. Разумеется, анализировать такое явление сложно – слишком многие договорённости достигались, что называется, *entre quatre yeux* (фр. «с глазу на глаз»). Но порой следы этих негласных соглашений всё же отражаются в источниках, и тогда учёный получает уникальный шанс заглянуть «на кухню» кадровых назначений, понять, кто и с какой целью протектировал тому или иному лицу.

Письменные источники, позволяющие пролить свет на феномен протекции при назначении на губернаторский пост в России второй половины 1850-х гг.,

¹ Все даты назначений и смещений губернаторов сверены по: Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003.

имеются. Речь идёт о материалах фонда Департамента общих дел Министерства внутренних дел, сохранившихся в Российском государственном историческом архиве. Все «перемещения», «смещения» и «назначения» шли именно через этот ключевой департамент. Анализ этой документации позволит дать ответы на следующие вопросы: кто инициировал перемещения губернаторов и какие факторы на эти перемещения влияли?

В рамках данной статьи автор ставит перед собой задачу рассмотреть на конкретных примерах механизм покровительства (протекции) при назначениях на губернаторские должности в период с 1855 по 1861 гг. и выявить его основные особенности.

Состояние научного изучения проблемы

Вопрос о механизмах формирования губернаторского корпуса в России, при всей его важности, «прежде никогда не был предметом специального исследования» [1, с. 31]. Ни в дореволюционной, ни в советской, ни в современной историографии нет специального труда по этой проблеме, даже отдельные статьи представляют собой редкость. Среди учёных досоветского периода можно выделить И. А. Блинова, отмечавшего: «К существенным недостаткам рассматриваемого нами законодательства принадлежит отсутствие хотя бы какого-либо порядка при назначении губернаторов. Нет ничего сколько-нибудь определённого – всё зависит от случая, и в особенности от протекции»¹.

На отсутствие чёткого механизма отбора губернаторов обращали внимание и другие видные дореволюционные историки права – Н. М. Коркунов² и А. Д. Градовский³.

¹ Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. М., Тверь, 2008. С. 196.

² Коркунов Н. М. Русское государственное право. Пособие к лекциям. Издание второе. Т. II. СПб., 1893. С. 241.

³ Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 9. Ч. 3. СПб., 1908. С. 232.

В советское время тема местного управления долгое время не привлекала внимания специалистов. Лишь с выходом книги П. А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» можно говорить об обращении советских учёных к обозначенной проблематике. Интересно, что П. А. Зайончковский, не рассматривая специально вопроса назначения и смещения губернаторов, был солидарен с И. А. Блиновым в том, что «подбор кандидатов на пост губернатора определялся целым рядом соображений, далёким от оценки деловых качеств» [2, с. 210].

Не все, однако, разделяли эту точку зрения. Видный американский советолог Р. Роббинс доказывал, что устоявшееся клише, утверждавшее, что МВД выдвигало неспособных людей на губернаторские посты, не соответствует действительности. Наоборот, полагал он, к концу XIX в. «МВД всё чаще выбирало губернаторов среди тех кандидатов, чьё образование и предыдущая служба подготовили их к выполнению обязанностей в своей должности» [6, р. 542].

В наши дни исследователи стали уделять несколько большее внимание проблеме назначения и смещения губернаторов: здесь следует назвать статьи М. М. Шумилова [5], А. Н. Бикташевой [1]⁴ и А. С. Минакова [3]. Между тем белых пятен и лакун в этой теме по-прежнему значительное количество: это касается как анализа самого механизма отбора и назначения, так и выбора временных периодов. Некоторые годы (скажем, первая половина XIX в. или его последние десятилетия) привлекли вни-

⁴ См. также: Бикташева А. Н. Механизмы увольнения губернаторов России: опыт Казанской губернии первой четверти XIX в. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. 2006. № 2. С. 123–128; Бикташева А. Н. Критерии отбора российских губернаторов: опыт Казанской губернии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Вып. 10. С. 107–113.

мание учёных, в то время как другие (в частности, рассматриваемый в этой работе этап) совершенно от него ускользнули. Тем самым можно констатировать, что настоящая тема всё ещё актуальна для исследований, для чего необходимо вводить в научный оборот новые архивные материалы.

Что касается феномена протекции, то, к сожалению, по этой животрепещущей и важной теме практически ничего не написано. Счастливым исключением является статья И. Т. Шатохина, в которой учёный справедливо констатирует: «Протекция в многочисленных канцеляриях, присутствиях, департаментах, во всех столичных и провинциальных коронных учреждениях была обычным и обыденным явлением. Её ищут, предлагают и принимают, констатируют и высмеивают» [4, с. 113].

Шатохин предложил следующую классификацию видов служебной протекции по признаку социально-психологической мотивации:

- 1) коррупционная протекция;
- 2) альтруистическая протекция;
- 3) протекция родственников;
- 4) дружеская протекция;
- 5) корпоративная протекция [4, с. 114].

Однако автор признаёт несовершенство предложенной им схемы, отмечая, что «предлагаемая классификация построена по одному признаку, кроме того, она не учитывает того обстоятельства, что очень часто протектировать одного кандидата одновременно или последовательно, но в крайне ограниченные сроки могли разные люди, каждый из которых имел свою внутреннюю мотивацию, а порой и не одну» [4, с. 117].

Действительно, как будет показано ниже, предложенная схема не учитывает ещё одного, весьма распространённого, вида протекции – назовём его *клановым*. Этим термином обозначим продвижение на более высокие посты тех людей, с которыми оказывающий протекцию уже прежде работал, знал их деловые и лич-

ные качества и хотел заручиться их поддержкой, продвинув на новые, более высокие, должности.

Правовые и институциональные основы механизма губернаторских назначений

Итак, главный парадокс заключается в том, что никаких чётких законодательных механизмов отбора и назначения губернаторов в российском законодательстве предусмотрено не было. Действительно, такая правовая лакуна не может не удивлять. Не было ни одного формального критерия для занятия одного из ключевых внутриполитических постов в стране: ни образование, ни опыт предыдущей службы, ни социальное происхождение, ни имущественный ценз. Единственное, в законе было прописано, что назначение «хозяина губернии» является исключительной прерогативой императора, а подавать списки кандидатур на высочайшее рассмотрение должно Министерство внутренних дел (причём делать это следовало через Комитет министров)¹.

Отсутствие в законе внятного прописанного механизма назначения на губернаторский пост было, очевидно, не случайным. Можно высказать 2 предположения на этот счёт. Во-первых, стоит согласиться с мнением, что «верховной власти импонировало волевое решение кадровых вопросов... Монарх, нестеснённый законодательными рамками, самолично мог перемещать губернаторов независимо от того, кто рекомендовал ему их кандидатуры» [3, с. 3]. Но даже предположив, что монарх и был бы «стеснён» какими-то юридическими нормами, вряд ли стоит придавать этим ограничениям серьёзный характер.

Императорская власть в России на всём протяжении XIX в. была тотальной, и всякий самодержец рассматривал самые робкие намёки на её ограничения (читай – на попытки поставить её

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. № 2857.

под действие закона) как покушение на сами государственные устои. Даже Александр II в первые годы своего правления (в рассматриваемый период), когда его реформаторский порыв достигал максимума, твёрдо охранял собственную «самодержавность». Недаром тётка царя великая княгиня Елена Павловна предупредила: «Государь вообще боится всякого прямого вмешательства. *Il est jaloux de son pouvoir*»¹ (фр. – он ревниво относится к своей власти).

Во-вторых, отсутствие письменных, формальных, норм назначения губернаторов вполне естественно компенсировалось правилами негласными, неформальными, основанными на раскладе сил при императорском дворе. Назначение губернаторов являлось ареной борьбы различных групп влияния высшей знати, приближённой к царскому двору. Самодержец, лавируя между этими группировками, мог принять любое решение исходя из собственных расчётов и выгод. Политика *divide et impera* (лат. – разделяй и властвуй) во все времена служила способом утвердить власть государя в придворной среде, и задача должностей была одним из самых эффективных способов поощрения тех или иных сановников или стоящих за ними кланов.

Одним из главных чиновников, имевших непосредственное влияние на назначение и смещение губернаторов, был министр внутренних дел. Это неудивительно, поскольку «хозяева губерний» были в его непосредственном подчинении, хотя, как уже было сказано, напрямую их назначать и увольнять он не мог. Но мог влиять на решение императора, подавая свой голос за или против того или иного кандидата на губернаторский пост. Мог, наконец, сам выступать с инициативами о назначении, перемещении или увольнении губернаторов. Очень многое в этом случае, конечно, зависело

от личных качеств министра, его активности, аппаратного веса, наконец, от его представления о том, какие люди должны становиться губернаторами.

Само собой, «министры внутренних дел уделяли поиску “достойных” кандидатур немало внимания. Однако это не всегда удавалось. Иногда у министра выбор был не слишком широк, иногда сделать его мешали политические и иные соображения, и всегда присутствовала опасность ошибиться» [5, с. 205]. К рекомендациям министра император, конечно же, прислушивался, хотя бы потому, что «не имел возможности проверять, а тем более знать лично все предлагаемые ему кандидатуры» [3, с. 3]. Но как выясняется из анализа архивных материалов, не всегда рекомендация главы МВД приводила к назначению на губернаторский пост, к тому же не только министр внутренних дел старался продвигать своих протеже.

Министерская протекция

Назначенный министром внутренних дел в 1855 г. Сергей Степанович Ланской был, по отзывам многих, человеком мягким, поддававшимся стороннему влиянию. Так, например, по словам Д. А. Милютин, Ланской «давал водить себя другим закулисным деятелям»². Однако это суждение вряд ли можно считать совершенно справедливым, например, хорошо знавший министра по службе П. А. Шульц (делопроизводитель в Остзейском комитете в Петербурге) писал: «...мнение о безличности Ланского и подчинении его чужому влиянию было весьма ошибочно. Под добродушной своей улыбкой и полным отсутствием трескучих фраз Ланской скрывал самые твёрдые убеждения, самое непреклонное следование по избранному пути»³.

² Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 45.

³ Остзейский комитет в Петербурге в 1856–1857 гг. Из воспоминаний Павла Антоновича Шульца // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 130.

¹ Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии. Т. 1. Кн. 2. М., 1904. С. 26.

Ланской, конечно, не был прирождённым реформатором, бросившим вызов старой крепостнической системе, но был опытным чиновником и царедворцем, обладавшим широким кругозором и неплохо знавшим людей. Не менее тонко чувствовал он момент: эпоха требовала беспощадной замены губернаторов, не справлявшихся с вызовами времени (т. е. с подготовкой к реформам), их замены кандидатурами, более подходящими.

В мае 1856 г. генерал-адъютант П. П. Ланской сообщил министру (которому приходился двоюродным братом), что против владимирского губернатора генерал-лейтенанта В. Е. Анненкова «слышатся общее неудовольствие, общий ропот на бездействие власти, на продажность администрации, стремящейся не к пользе и благу общему, но к скорейшему обогащению посредством незаконных нажив: а где их нет, или не предвидится, администрация остаётся в паралитическом бездействии»¹. Министр Ланской отреагировал на жалобу оперативно, во всеподданейшем докладе поддерживая идею уволить Анненкова (о котором «и прежде доходили самые неблагоприятные сведения») от должности с зачислением «по армейской пехоте».

Для того чтобы заместить потенциально вакантное место владимирского губернатора управляющий Министерством внутренних дел предложил императору многоходовую комбинацию: на место Анненкова перевести витебского гражданского губернатора Е. С. Тиличеева («который усердно и деятельно управляет губернией в течение с лишком 3 лет, но весьма страдает от влияния тамошнего климата»), а в Витебскую губернию назначить состоящего при МВД статского советника Г. Д. Колокольцева, «отлично рекомендуемого генерал-адъютантом графом Киселёвым, имевшим случай убедиться в достоинствах Колокольцева во время управления им Полтавской

и Курской палатами государственных имуществ». Все предложения Ланского по перемещениям во Владимирской и Витебской губерниях были одобрены императором².

Колокольцев, правда, возложенного на него доверия не оправдал: осенью 1858 г. Комитет министров усмотрел, что «на витебского гражданского губернатора возникают весьма важные обвинения в упущениях и беспорядках по разным частям управления вверенной ему губернией. Посему признаётся совершенно неудобным оставлять д.с.с. Колокольцева при занимаемой ныне должности». Министры просили назначить нового губернатора в Витебскую губернию, а Колокольцева причислить к МВД. Александр II согласился с этим представлением, подписав 24 октября 1858 г. указ об увольнении Колокольцева и назначении на его место П. Н. Клушина³.

В другой раз С. С. Ланской настоял на увольнении от должности минского губернатора Ф. Н. Шкларевича, на которого неоднократно доходили «неблагоприятные сведения» (жалобы стекались и по линии МВД⁴, и по линии III Отделения⁵), в связи с чем министр просил императора заменить Шкларевича другим лицом, «более соответствующим званию начальника губернии»⁶.

При этом не всегда С. С. Ланской выступал как «карающая десница», порой он предлагал императору повысить того или иного вице-губернатора до губернатора. Так было с астраханским вице-губернатором Б. В. Струве, проведшим 2 года в этой должности и, по мнению министра, «вполне ознакомившимся с потребностями тамошнего края» и готового стать губернатором⁷. Точно так же управляющий МВД просил о повышении

² РГИА. Ф.1284. Оп. 41. 1856. Д. 90. Л. 10. Об. 11.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1858. Д. 111. Лл. 1–2.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 157. Лл. 3–4.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 223. Д. 21. Л.25 об.

⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 157. Лл. 1–1 об.

⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1859. Д. 93. Л. 55.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1284. Оп. 41. 1856. Д. 90. Л. 4 об.

для тверского вице-губернатора Е. Н. Извекова, которого прочил в симбирские губернаторы «с производством его в действительные статские советники, так как он в настоящем чине состоит 13 лет и по усердной службе вполне заслуживает повышения»¹.

Иногда министр внутренних дел предлагал императору кандидатуры людей, лично ему известных, на губернаторские позиции, не поясняя, чем продиктован выбор. Так произошло с замещением вакансии волынского гражданского губернатора: она открылась в связи с переводом бывшего там губернатором П. Н. Клушина на место директора отделения промышленности и художеств в Правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского. Вместо Клушина Ланской предложил императору кандидатуру смоленского губернского предводителя, д.с.с. князя М. В. Друцкого-Соколинского. Император оставил на докладе министра помету: «исполнить»².

Как видно, роль министра внутренних дел в назначениях (а также смещениях) губернаторов была довольно велика, что неудивительно: именно он делал доклад императору по кадровым перемещениям. Очевидно, однако, что не только глава МВД мог оказывать протекцию, назначать или смещать губернаторов. Уместно поставить вопрос: какие ещё высокопоставленные персоны могли «проводить» своих протеже на губернаторские посты?

Наряду с министром внутренних дел и главы других министерств старались протектировать своих ставленников на губернаторские должности. Несмотря на то, что отношения между министерствами порой оставляли желать лучшего (шла постоянная подковёрная борьба, полная интриг и взаимных обид), порой глава МВД всё же шёл навстречу пожеланиям коллег по кадровым назначениям в губернаторском корпусе.

В качестве примера такой сговорчивости С. С. Ланского можно привести просьбу военного министра Н. О. Сухожанета, ходатайствовавшего о назначении в Новгородскую губернию лично ему знакомого бывшего помощника начальника пахотных солдат Витебской и Могилёвской губерний генерал-майора В. И. Филипповича. Филиппович, в конечном счёте, не только стал губернатором (удержавшись на этом посту до 1862 г.), но и получил производство в чин генерал-лейтенанта³.

Но чаще ситуация складывалась ровно противоположным образом. Например, случай с ходатайством министра Императорского двора В. Ф. Адлерберга, составлявшего протекцию действительному статскому советнику П. Н. Арапову (бывшему при нём чиновником по особым поручениям). Желая выбить своему подчинённому «тёплое местечко», Адлерберг обратился к министру внутренних дел, прося за Арапова: дескать, тот «желал бы занять место гражданского губернатора в одной из внутренних Великороссийских губерний; ибо, прослужив более 23 лет по Министерству внутренних дел ... он приобрёл надлежащую для того опытность». «Будучи совершенно доволен службой г-на Арапова, – продолжал Адлерберг, – я со своей стороны имею честь рекомендовать его Вашему высокопревосходительству и покорнейше просить предоставить ему, при открытии вакансии, означенную должность, если признаете сие возможным»⁴. Казалось, назначение вот-вот произойдёт, но совершенно неожиданно Ланской наложил veto на ожидаемое решение вопроса, причём в весьма резком тоне: «В настоящее время я не предвижу к тому никакой возможности при значительном числе кандидатов на губернаторские должности, остающихся ещё не размещёнными»⁵.

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 90. Лл. 1–1 об.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 150. Л. 6.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1857. Д. 102. Л. 1.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1857. Д. 54. Лл. 1–1 об.

⁵ Там же. Л. 4.

Генерал-губернаторская протекция

В российской властной вертикали середины XIX в. практически наравне с министрами стояли генерал-губернаторы, назначаемые царём из кадровых военных. Они должны были лично гарантировать порядок и стабильность в наиболее проблемных и отдалённых регионах. Если в начале века существовали всего 3 генерал-губернаторства (с 8 губерниями в них), то к 1850 г. их уже было 10 (с 12 губерниями). Генерал-губернаторы назначались прежде всего в национальные окраины (в Финляндию и Прибалтику), на юг (в Новороссию), а также в земли за Уралом (в Западную и Восточную Сибирь и в Оренбургский край); кроме того, в обе столицы также назначались генерал-губернаторы с неограниченными полномочиями.

Эти специальные агенты императора, лично ему знакомые и пользовавшиеся практически неограниченным монаршим доверием (и такими же неограниченными, по сути, полномочиями), разумеется, вносили свою лепту в процесс формирования губернаторского корпуса. Контролируя ход дел сразу в нескольких губерниях, генерал-губернаторы были сильно заинтересованы в том, чтобы под их руководством служили люди, проверенные, надёжные и лояльные.

Виленский, гродненский и ковенский генерал-губернатор В. И. Назимов был одним из доверенных людей императора Александра II. Состоя при наследнике престола с 1836 г., он сумел заручиться полным расположением будущего государя. Аппаратный вес Назимова, выражаясь современным языком, был весьма значителен, поэтому он считал себя вправе фактически лично подбирать губернаторов в те области, за которые нёс ответственность. В апреле 1856 г. он ходатайствовал перед С. С. Ланским об определении на место гродненского губернатора (вместо просившегося в отставку барона фон дер Ховена) директора

1-й Московской гимназии д. с. с. Шпеера, «известного мне своими способностями в административном управлении, знающего совершенно гражданское дело-производство, благонамеренного во всех отношениях, за действия коего я вполне могу ручаться, и который при представлении его мною Вашему Высокопревосходительству в С.-Петербурге удостоился уже милостивого обещания Вашего получить таковую должность при первой возможности»¹.

В сентябре 1857 г. Назимов просил о назначении на пост виленского губернатора М. Н. Похвиснева, тамошнего вице-губернатора. И вновь генерал-губернатор не скупился на похвалы своей креатуре: Похвиснев уже седьмой месяц замещает отсутствующего губернатора А. И. Росета и «успел приобрести общее к себе доверие и уважение», вследствие чего, продолжал Назимов, «смело рекомендую Вашему Высокопревосходительству этого достойного чиновника, особенно полезного для службы в здешнем крае»². Точно так же нахваливал Назимов отставного полковника С. Ф. Хоминского, которому прочил место губернатора в Ковно. Оба они (Похвиснев и Хоминский), заверял Назимов, «отличаются особенным усердием к службе и по опытности, справедливости и примерной деятельности приобрели всеобщее уважение и полное право на особое к ним внимание начальства». В итоге министр внутренних дел согласился сделать Александру II представление о назначении виленским губернатором Похвиснева, а ковенским – Хоминского, и царь вполне предсказуемо одобрил обе кандидатуры³.

Назимов вообще часто одобрительно отзывался о своих сотрудниках, причём не только потенциальных, но и бывших. Когда ковенский губернатор И. В. Романус (предшественник Хоминского) попросил Ланского о переводе «по семей-

¹ РГИА. Ф.1284. Оп.41. 1856 г. Д.76. Лл.2–2 об.

² РГИА. Ф.1284. Оп.41. 1857 г. Д.149. Лл.1–1 об.

³ Там же. Лл. 8–8 об.

ным своим обстоятельствам» в одну из «внутренних губерний», Назимов написал Ланскому, что очень доволен службой Романуса, входит в его семейные обстоятельства и тоже ходатайствует о его переводе¹.

При этом не всегда протекция Назимова оканчивалась успешно. Скажем, неудачей обернулась его попытка сделать минским губернатором председателя виленской казённой палаты д. с. с. де Роберти. Узнав, что прежний минский губернатор, генерал-майор И. А. Россет, будет переведён на другую должность (членом Временного распорядительного комитета по устройству южных поселений), Назимов вновь написал С. С. Ланскому. В письме он заверял министра в «отличных качествах и совершенной благонадёжности» де Роберти; напоминал, что, когда в декабре прошлого года тот лично представлялся Ланскому, министр пообещал «иметь его в виду при открытии вакансии»; убеждал, что «никто более не соответствовал бы к занятию теперь должности Минского губернатора как он, по тому уважению, что ему вполне известно положение края, в составе коего ещё недавно находилась Минская губерния»; наконец, генерал-губернатор подчёркивал, что де Роберти, «ознакомившись уже с некоторыми значительнейшими и образованнейшими помещиками сей губернии, конечно, приобрёл бы вскоре доверие местного дворянства и принёс бы тем истинную пользу для предпринятого столь важного дела, и я поставил бы себе приятным долгом оказывать ему со своей стороны всякое содействие моими наставлениями и советами, чрез что установилось бы такое единство в действиях начальств соседних губерний, весьма необходимое для желаемого исхода сего дела»².

Казалось, что у Ланского нет оснований возражать против этой протекции. Но ситуация повернулась неожиданным

образом: министр ответил Назимову, что ещё до получения письма с ходатайством о де Роберти минским губернатором император уже назначил Э. Ф. Келлера³. Пикантность ситуации состояла в том, что письмо Назимова было получено 8 февраля, и в тот же день состоялось назначение Келлера⁴. Остаётся неясным, то ли Ланской не захотел идти против воли императора, то ли сознательно ввёл в заблуждение Назимова.

Ещё в одном случае личное вмешательство государя спутало все карты Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору П. Н. Игнатьеву, ходатайствовавшему о назначении петербургским гражданским губернатором Н. М. Муравьёва, в ту пору бывшего губернатором в Рязани. В письме Александру II Игнатьев приводил, казалось, неопровержимые доводы в пользу своего протеже: «При предстоящей перемене начальника С.-Петербургской губернии ввиду нынешних обстоятельств, полагаю существенно важным, чтобы губерния сия была вверена губернатору, вполне в управлении опытному. Частных беспорядков здесь более, нежели где-либо ожидать должно: на подобные случаи губернатор должен быть заранее и практически приготовлен. Доселе губернаторы в С.-Петербурге назначались из числа лиц, исполнявших те же обязанности в других губерниях. На этом основании осмеливаюсь ходатайствовать о назначении сюда кого-либо из числа губернаторов... я считаю соответствующим требованиям рязанского гражданского губернатора д. с. с. Муравьёва, в бытность здесь вице-губернатором неоднократно губернией управлявшего». Однако у самодержца были свои планы относительно столицы. «Дождаться ответа гр. Бобринского», – ответил он Игнатьеву, тем самым дав понять, что именно А. А. Бобринского видит петербургским губернатором (последний в итоге и был назначен столич-

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1857. Д. 139. Л. 39 об.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1858. Д. 25. Лл. 5 об. – 6 об.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 4.

ным губернатором 12 января 1861 г.)¹.

Не менее активно своих протезе отстаивали и другие влиятельные генерал-губернаторы. Киевский генерал-губернатор И. И. Васильчиков в октябре 1856 г. просил С. С. Ланского выхлопотать у императора увольнение с пенсионом (и причисление к МВД) для подольского губернатора М. В. Степанова, а на его место перевести подольского вице-губернатора В. Ф. Пфеллера, который «успел вполне узнать потребности губернии и особенное и исключительное её положение, изучить население её – со всеми разнообразными его стремлениями, многочисленными местными особенностями и, наконец, необходимые условия управления сей губернией. Поэтому он, несомненно, будет весьма полезным в должности начальника губернии, тем более что он, как мне известно, приобрёл уважение и влияние в губернии, с коими соединяется, и доверие населения, составляющее важное условие для успешных действий управления». Васильчиков подчёркивал, что готов ручаться за свою креатуру: «Лично мне г. Пфеллер известен как человек русский по душе и по убеждениям², как чиновник опытный и благонамеренный»³. Ланской возражений не имел, равно как и император. В итоге Степанов был уволен с пенсионом и причислен к МВД, а Пфеллер стал губернатором⁴.

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1860. Д. 126. Л. 11.

² Ещё с 1831 г., по секретному повелению Николая I в западных губерниях, в Прибалтике и в Царстве Польском необходимо было замещать губернаторские должности (а также вице-губернаторские, губернских прокуроров, уездных стряпчих и даже почтмейстеров) чиновниками «по возможности русского происхождения». Подтверждённый в 1855 г., этот запрет создал большие сложности с замещением низших «незначительных» должностей. В результате в 1857 г. он был отменён, но Александр II считал «привлечение русских благонадежных чиновников для службы в сих губерниях весьма полезным и теперь» [5, с. 205–206]. Генерал-губернаторам приходилось держать в голове это обстоятельство при выборе кандидатур на губернаторские должности.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 198. Л. 46 об.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 198. Л. 49.

Другой генерал-губернатор – лифляндский, эстляндский и курляндский – А. А. Суворов в декабре 1858 г. просил Ланского способствовать назначению в Эстляндию губернатором, вместо И. Е. Гринвальда (тот обратился к Суворову с просьбой об увольнении от должности «по расстроенному здоровью»), «известного мне с отличной стороны и состоящего при Министерстве государственных имуществ генерал-майора В. К. Ульриха, о котором вашему высокопревосходительству уже были представлены одобрительные и лестные отзывы»⁵. 27 декабря 1858 г. Ульрих был назначен эстляндским губернатором.

Успешно окончилось и ходатайство московского генерал-губернатора С. Г. Строганова о назначении московским гражданским губернатором Ф. П. Корнилова⁶.

Протекция сенаторов, членов Госсовета и самих губернаторов

Не только министры и генерал-губернаторы имели достаточный политический вес, чтобы оказывать протекцию в получении места губернатора. Иногда на себя эту функцию брали другие влиятельные сановники – сенаторы, члены Государственного совета и прочие высокопоставленные и влиятельные лица.

В описанном выше случае с назначением Г. Д. Колокольцева обращает на себя внимание ссылка министра Ланского на рекомендацию одного из высокопоставленных николаевских сановников, графа П. Д. Киселёва, долгие годы возглавлявшего Министерство государственных имуществ. Киселёв, сльвя одним из самых близких к покойному императору людей, был при этом человеком широких взглядов и, насколько это было в его силах, старался реформировать вверенные ему отрасли государственного управления, за что пользовался большим уважением и авторитетом в обществе.

⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1858. Д. 129. Лл. 4об.–5.

⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1859. Д. 188. Л. 4.

Для Александра II престарелый граф уже не был столь незаменимой фигурой – молодой царь, едва взойдя на престол, фактически отправил Киселёва в почётную отставку, назначив его русским послом в Париже. Однако и в новом своём качестве Киселёв не окончательно утратил своего влияния. Помимо случая протекции Колокольцеву, он значительно содействовал назначению губернатором в Архангельск лично ему знакомого Н. И. Арандаренко – бывшего управляющего палатой государственных имуществ в Курске¹.

К примерам удачных ходатайств, безусловно, стоит отнести историю перевода В. А. Арцимовича из Тобольской губернии в Калужскую. Арцимович – один из лучших (если не лучший) губернаторов эпохи (это мнение разделяли не только его коллеги, но и начальство, в частности, министр С. С. Ланской²) – совершенно рассорился с генерал-губернатором Западной Сибири Г. Х. Гасфортом³. Главным заступником Арцимовича в столице выступал его тесть, сенатор М. Н. Жемчужников. Человек очень уважаемый и влиятельный, сенатор имел хорошие отношения со многими высокопоставленными людьми в столице, в частности, с министром внутренних дел. В частных беседах с С. С. Ланским Жемчужников хлопотал о переводе Арцимовича в любую другую великорусскую губернию (Черниговскую, Воронежскую), но безуспешно.

При этом сенатор не терял оптимизма, стараясь в письмах поделиться им с Арцимовичем: «Насчёт же твоего перемещения в другую губернию я буду хлопотать по возвращении Ланского в Петербург. Авось, Бог поможет сделать что-либо полезное для тебя. Будем уповать и не будем унывать, а будем благоразумно бодрствовать. Добрый Ланской, как я вижу, очень желает переместить тебя, но он не совсем

в своей воле»⁴. В конце концов, настойчивость Жемчужникова принесла плоды: в июле 1858 г. В. А. Арцимович был назначен калужским гражданским губернатором.

Случай с Арцимовичем стоит признать редким: министр внутренних дел, во-первых, не скрывал приятельских отношений с его патроном, сенатором Жемчужниковым, и, во-вторых, явно симпатизировал самому Арцимовичу. Именно поэтому он так охотно старался удовлетворить просьбу о переводе последнего из Тобольской губернии. Но не всегда министр бывал так благодушен. Довольно иезуитски, например, он ответил влиятельному, сановному и родовитому А. Ф. Голицыну (члену Государственного Совета), который просил Ланского объяснить, почему был уволен протееже Голицына, пермский губернатор П. А. Замятнин, и почему у него такая маленькая пенсия⁵. Ответ Ланского гласил: «...Назначения и увольнения гражданских губернаторов зависят исключительно от усмотрения государя императора, и увольнение д. с. с. Замятнина, исправлявшего должность губернатора, последовало также на основании лично переданного мне Его Величеством повеления»⁶. Иными словами, министр напомнил Голицыну, что формально он тут совершенно ни при чём – всё зависит от воли государя. Опытный и ловкий придворный Голицын прекрасно понимал, что это отговорка: император довольно редко вмешивается в кадровые назначения в губернаторском корпусе – но поделаться ничего не мог.

Иногда протекцию губернаторам составляли... они сами, обращаясь напрямую к министру внутренних дел. Именно так поступил в сентябре 1856 г. воронежский губернатор Ю. А. Долгоруков, узнавший об отставке своего нижегородского коллеги Ф. В. Анненкова. Напирая на тот факт, что в Нижегородской губернии «находятся имения жены

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 190. Л. 2.

² ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 471. Л. 3 об.

³ Скропышев Я. С. Тобольская губерния в пятидесятых годах // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904. С. 27–33, 69–72.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1857. Д. 175. Лл. 54–55 об.

⁶ Там же. Л. 57.

и детей моих», которые «оставаясь без надлежащего надзора, ежегодно приходят в большее расстройство», Долгоруков просил министра: «Не изволите ли найти возможность ходатайствовать о перемещении меня в звание начальника Нижегородской губернии. Генерал-майор Муравьев (имеется в виду А. Н. Муравьев, назначенный вместо Анненкова – Н. М.) к месту назначения, вероятно, еще не отправился, и перемена назначения для него не составит никакой разности и ущерба»¹. Просьба, впрочем, осталась без ответа. Возможно, отчасти против Долгорукова сыграла устоявшаяся традиция: «Не назначать на губернаторские посты лиц, имевших в этих губерниях поместья, а также ранее занимавших там выборные должности или служивших в ведомствах местного правления» [1, с. 39].

Очень многое зависело и от личных взаимоотношений просителя (губернатора) с министром. Примером успешного восстановления на службе после увольнения с губернаторского поста является история Д. Н. Толстого. В 1858 г. именно он был освобожден от поста калужского губернатора (который и занял В. А. Арцимович), но уходить со службы вовсе Толстой не собирался. В июле 1859 г. он напомнил о себе Ланскому, ненавязчиво намекнув министру, что тот обещал вновь определить его на службу². В скором времени Д. Н. Толстой действительно вновь стал губернатором – на сей раз воронежским. В одном из первых писем Ланскому из Воронежа он не скрывал своей благодарности, отмечая, что объя-

ственно доброму обо мне мнению Вашего Высокопревосходительства»³. К Толстому Ланской в самом деле благоволил, переведя его в 1861 г. из губернаторов на важнейший пост директора Департамента полиции исполнительной в МВД.

Заключение

Как показывает проведенное исследование, фактор протекции в губернаторских назначениях второй половины 1850-х гг. имел очень большое значение. По большей части можно говорить о протекции клановой, при которой покровитель добивался нужного назначения для лица, с которым уже был знаком по предыдущей службе.

На министра внутренних дел, от которого зависели представления кандидатов на высочайшее имя, оказывали давление не только самые высокопоставленные особы (другие министры, генерал-губернаторы, сенаторы, члены Госсовета), но даже и сами губернаторы, стараясь добиться для себя перевода в удобную или привлекательную (по тем или иным причинам) губернию. Само собой, не всегда эти протекции оказывались удачными: в каких-то случаях против них выступал сам министр внутренних дел, в других – свои коррективы вносил император. Однако чаще всего ходатайства увенчивались успехом, и покровительствуемые лица получали возжеланные губернаторские посты, благо желающих стать «хозяином губернии» всегда было, как уже говорилось, достаточно.

Дата поступления в редакцию 10.02.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Бикташева А. Н. Механизм назначения губернаторов в России в первой половине XIX века // Отечественная история. 2006. № 6. С. 31–41.
2. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
3. Минаков А. С. Формирование губернаторского корпуса в пореформенной России // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 3–13.

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 184. Лл. 1–1 об.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1859. Д. 89. Л. 1.

³ Там же. Л. 12.

4. Шатохин И. Т. Протекция в среде чиновничества Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.: социально-психологическая классификация // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 13 (132). Вып. 23. С. 113–117.
5. Шумилов М. М. Губернаторские назначения в России 60–70-х годов XIX века // Россия в XIX–XX вв.: сб. ст. к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина / под ред. А. А. Фурсенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 204–209.
6. Robbins R. G. Choosing the Russian Governors. The Professionalization of the Gubernatorial Corps // The Slavonic and East European Review. 1980. Vol. 58. № 4. P. 541–560.

REFERENCES

1. Biktasheva A. N. [Mechanism for appointing governors in Russia in the first half of the 19th century]. In: *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history.], 2006, no 6, pp. 31–41.
2. Zayonchkovsky P. A. *Pravitelstvennij apparat samodержавnoj Rossii v XIX v.* [The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. Moscow, Mysl Publ., 1978. 288 p.
3. Minakov A. S. [Formation of the governors corps in post-reform Russia]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 2007, no. 12, pp. 3–13.
4. Shatokhin I. T. [Patronage among the officialdom of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX cent.: socio-psychological classification]. In: *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science. Economics. Informatics], 2012, no. 13 (132), iss. 23, pp. 113–117.
5. Shumilov M. M. [Governor's appointments in Russia of the 60-70s of the XIX century]. In: Fursenko A. A., ed. *Rossiya v XIX–XX vv.: sb. st. k 70-letiyu so dnya rozhdeniya Rafaila Sholomovicha Ganelina* [Russia in the 19th–20th centuries: a collection of articles on the 70th anniversary of the birth of Rafail Sholomovich Ganelin]. St. Peterburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1998, pp. 204–209.
6. Robbins R. G. Choosing the Russian Governors. The Professionalization of the Gubernatorial Corps. In: *The Slavonic and East European Review*, 1980, vol. 58, no. 4, pp. 541–560.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Могилевский Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной и отечественной истории факультета международных отношений МГИМО МИД РФ;
e-mail: n.mogilevskii@inno.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay A. Mogilevskiy – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of the World and Patriotic History, MGIMO University;
e-mail: n.mogilevskii@inno.mgimo.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Могилевский Н. А. «Смело рекомендую Вашему Высокопревосходительству этого достойного чиновника»: роль протекции в губернаторских назначениях накануне отмены крепостного права (1855–1861 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 60–72.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-60-72

FOR CITATION

Mogilevsky N. A. «I boldly recommend your High Excellence of this decent officer»: the role of protection in governor's appointments on the preview of the abolition of serfdom (1855–1861). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 60–72.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-60-72

УДК 344,312: 94 (571.1/.5) «1945/1948»
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-73-85

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ЕНИСЕЙСКОГО БАСЕЙНА В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1948)

Печерский В. А.

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотрение и анализ основных направлений деятельности военного трибунала Енисейского бассейна в первые послевоенные годы (1945–1948).

Процедуры и методы. Проведён анализ документов из фондов государственного архива Красноярского края (ГАКК). В работе использовались: метод анализа, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы исследования процесса функционирования органа специального правосудия в отдельно взятом регионе.

Результаты. Выявлены закономерности деятельности военного трибунала Енисейского бассейна в первые послевоенные годы (1945–1948).

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение деятельности отечественных органов юстиции и правопорядка в советский период.

Ключевые слова: трибуналы транспорта, военный трибунал Енисейского бассейна, послевоенный период, Красноярский край

MILITARY TRIBUNAL OF THE YENISEY BASIN IN THE FIRST POST-WAR YEARS (1945–1948)

V. Pechersky

*Khakass Research Institute of Language, Literature and History
ul. Shchetinkina 23, Abakan 655017, Republic of Khakassia, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider and analyze the activities of the Military Tribunal of the Yenisei Basin in the first post-war years (1945–1948).

Methodology. The analysis of theoretical material (documents from funds of the State Archive of the Krasnoyarsk Region (SAKR)) is carried out. During the research, the method of analysis, comparative-historical and problem-chronological methods of studying the process of functioning of the special justice body in a particular region were used.

Results. The regularities of activities of the Military Tribunal of the Yenisei Basin in the first post-war years (1945–1948) were revealed.

Research implications. The results of the research contribute to the study of activities of domestic justice and law enforcement bodies in the Soviet period.

Keywords: transport tribunals, military tribunal of the Yenisei Basin, post-war period, Krasnoyarsk Region

Введение

По окончании Великой Отечественной войны начался переход страны на мирные рельсы. Реформирование законодательства было подчинено этой цели. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 сентября 1945 г. было отменено военное положение, введённое ПВС СССР 22 июня 1941 г. Указом от 21 сентября 1945 г. также отменялась уголовная и иная ответственность по законам военного времени [1, с. 620].

Однако на транспорт действие этого законодательного акта не распространилось. Железным дорогам, морским и речным пароходствам, а также связанным с транспортом предприятиям приходилось работать в соответствии с Указами ПВС СССР от 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на всех железных дорогах» и от 9 мая 1943 г., распространившего действие Указа от 15 апреля на водный транспорт¹.

В мирное время железнодорожники и работники водного транспорта по-прежнему были приравнены к военным и в случае нарушения закона подлежали суду военного трибунала. Подобное положение объяснялось чрезмерной загруженностью путей сообщения. С востока на запад шли эшелоны с грузами, предназначенными для советских войск, дислоцировавшихся в освобождённых странах Европы. Шла рэвакуация. С запада на восток возвращались демобилизованные фронтовики.

Водный же транспорт (прежде всего, речной) играл существенную роль во внутренних пассажирском и товарном оборотах. В середине 1940-х гг. Енисей по-прежнему являлся одной из основных транспортных артерий Красноярского края. Справляться с управлением транспортом было проще, держа его на военном положении.

Целью данной статьи является изучение деятельности военного трибунала Енисейского бассейна с момента окончания Великой Отечественной войны до демилитаризации транспорта. Соответственно, нижняя граница хронологических рамок исследования ограничивается вторым полугодием 1945 г., а верхняя – 2 мая 1948 г., когда в действие вступил Указ ПВС СССР «Об отмене военного положения на железнодорожном, речном и морском транспорте».

Деятельность органов юстиции в послевоенный период отражена в работах канадского историка советского права П. Соломона [4]. Вопросы послевоенного правосудия рассмотрены и в фундаментальной монографии «История суда и правосудия в России» [1]. Работе же непосредственно трибуналов транспорта в указанное время посвящены труды А. Я. Кодинцева [2; 3] и Д. Н. Шкаревского [5; 6; 7; 8]. Несмотря на усилия историков и правоведов, данная тематика полностью не раскрыта, особенно на региональном уровне.

Деятельность военного трибунала Енисейского бассейна по отправлению правосудия на подведомственной территории

К началу 1946 г. в подсудности военного трибунала (ВТ) Енисейского бассейна находились работники Енисейского речного пароходства, Минусинских, Павловских, Пискуновских, Подтёсовских и Игарских судоремонтных мастерских, речного порта и судоремонтного завода в Красноярске, предприятия и службы Главного управления Северного морского пути. Протяжённость территории обслуживания трибунала составляла 7373 км с севера на юг. Демобилизации военных в первые послевоенные месяцы привели к увеличению числа работников водного транспорта и связанных с ним предприятий. Если во втором полугодии 1945 г. численность работавших в подсудных организациях составляла

¹ Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. М., 1945. С. 132–133.

12500 чел., то в первом полугодии 1946 г. – уже 15592 чел.¹

ВТ Енисейского бассейна приходилось работать в очень тяжёлых условиях. Обширная, труднопроходимая территория затрудняла как доставку подсудимых в Красноярск, так и перемещение членов трибунала для организации выездных судебных сессий. Во втором полугодии 1945 г. трибунал не рассматривал дела, возбуждённые на Крайнем Севере². Здесь работать приходилось только постоянным сессиям.

Работа трибунала затруднялась и ростом не только абсолютной, но и относительной преступности на подведомственной территории. Во втором полугодии 1945 г. на 100 работавших на подведомственных предприятиях было осуждено 12 чел., а в первой половине 1946 г. – 17 чел. Из осуждённых за первые 6 месяцев 1946 г. 35,6% работали в Енисейском пароходстве, 35,6% – в Главном Управлении Севморпути, 13,8% являлись работниками Сибирского судостроительного треста, 3,4% служили в ВОХР или обучались в ремесленных училищах, 2,6% были работниками управления пути по бассейну, 9% не работали в транспортных организациях³.

Количество подсудимых, работавших в той или иной организации, зависело от числа сотрудников в ней. Посему Енисейское пароходство и служба ГУСМП вместе дали более 70% подсудимых. В перевозках по Енисею и по Севморпути было задействовано большое количество матросов и работников береговых служб.

В первом полугодии 1946 г. в трибунал поступило 227 уголовных дел, а с предыдущих периодов осталось 7 дел. В подготовительных заседаниях было прекращено производством 3 дела на 3 чел. Вернули на следствие 9 дел на 12 чел., передали по подсудности 3 дела на 6 чел.

Было принято к производству с изменением квалификации 12 дел на 12 чел., без изменения квалификации – 200 дел на 214 чел., передано по подсудности 3 дела на 6 чел. В судебных заседаниях было возвращено на следствие 5 дел на 7 чел. По существу с вынесением приговора трибунал рассмотрел 210 дел на 274 чел. 267 подсудимых признали виновными, 7 – оправдали⁴. Таким образом, на 5 членов трибунала в среднем пришлось по 40 дел, поэтому нагрузку на судей можно назвать умеренной.

Принятие Указа ПВС СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с Победой над гитлеровской Германией» позволило закрыть некоторые дела. На этом основании, например, было прекращено дело заведующего столовой отдела рабочего снабжения Игарской авиагруппы ГУСМП Г. А. Арсеньева, обвиняемого по ст. 116. УК РСФСР (присвоение или растрата должностным лицом или лицом, исполняющим какие-либо обязанности по поручению государственного или общественного учреждения, денег, ценностей или иного имущества, находящегося в его ведении в силу его служебного положения или исполнения обязанностей), который с 1 декабря 1944 г. по 25 июня 1945 г., по версии следствия, растратил продукты, инвентаря и денег на сумму 475 руб.⁵

Поскольку санкция данной статьи предусматривала до 3 лет лишения свободы, а согласно Указу об амнистии освобождению подлежали осуждённые именно на такой срок лишения свободы, мелкий расхититель избежал тюремного заключения.

Всего по данному Указу по всей стране было освобождено от наказания 6488 работников водного транспорта, осуждённых по п. «а» (осуждённым на срок не свыше 3 лет и к более мягким наказаниям) и «г» (осуждённым за воинские преступления) ст. 1 данного Указа. Также

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 41. Л. 59.

² ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 41. Л. 59.

³ Там же. Л. 59–60.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 41. Л. 60.

⁵ Там же. Л. 64 об.

избежали привлечения к уголовной ответственности 918 водников, осуждённых по другим статьям этого нормативного правового акта. 323 наказания было сокращено [8, с. 155].

Из осуждённых трибуналом Енисейского бассейна в соответствии с данным Указом было освобождено от наказания 6 осуждённых, а 4 нарушителям срок наказания был снижен наполовину¹.

В отношении тех, кто не попал под действие Указа об амнистии, трибунал применил следующие наказания: из 267 осуждённых к условным наказаниям было приговорено 67 чел. (или 22,4%); исправительно-трудовым работам – 30 (11,2%); к лишению свободы – 177 (66,4%)². Эти цифры говорят о том, что судебная политика трибунала была достаточно суровой, и лишь немногие из осуждённых могли рассчитывать на мягкое наказание.

Нечастыми были и оправдания подсудимых. Во втором полугодии 1946 г. ВТ Енисейского бассейна оправдал лишь 2 подсудимых. 30 апреля 1946 г. было прекращено дело в отношении работника Енисейской судовой И. Т. Кандыбаева по ст. 193-7 (побег (из воинской части), совершённый второй раз). Он обвинялся в том, что с 20 по 27 марта 1946 г. отсутствовал на работе. Однако во время предварительного заседания трибунала выяснилось, что Кандыбаев, инвалид войны, находился на лечении в красноярском госпитале³. Поскольку И. Т. Кандыбаев уже допускал самовольную отлучку, то следственные органы решили перестраховаться и возбудить против него дело за «дезертирство», не вдаваясь в причины его отсутствия.

В «дезертирстве» обвинялась и работница Подтёсовских судоремонтных мастерских А. Н. Челющева, которая не выходила на работу с 16 по 31 марта 1946 г. В ходе судебного заседания она пояснила,

что к 16 марта 1946 г. пришли в негодность, выданные ей осенью 1945 г. подержанные валенки. Погода не позволяла женщине работать на открытом воздухе в другой обуви, а дирекция мастерских не могла выдать ей годные катанки, и Челющева попросила о переводе в помещение, в чём ей было отказано. Свидетели подтвердили показания подсудимой, и она была оправдана⁴. Из данного дела видно, в какой нищете жили многие граждане СССР в первые послевоенные годы. Судебным органам приходилось принимать во внимание эти обстоятельства.

Делами, характерными только для судебных инстанций водного транспорта, были случаи аварий судов. В первом полугодии 1946 г. в ВТ Енисейского бассейна поступили 4 таких дела, из которых 2 были возвращены на доследование. По оставшимся трибунал осудил 2 чел. Одним из них был 17-летний ученик токаря Минусинских судоремонтных мастерских по фамилии Мадисон. Несмотря на юный возраст, Мадисон уже имел 3-летний стаж работы на транспорте. 25 января 1946 г. ученик токаря решил отдохнуть, для этого он вывел из строя охлаждение мотора ремонтируемого судна. В результате остановилась работа механического цеха мастерских, и для устранения последствий аварии потребовалось 40 минут. Мадисон был осуждён по ч. 1 ст. 59-3 «в» (нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины) и приговорён к 3 годам заключения⁵. Здесь проявилась незрелость ученика токаря, Мадисон уже имел некоторый трудовой стаж, но в силу возраста ещё не полностью осознавал последствия своих действий.

Более зрелым был второй осуждённый по делам об авариях. 51-летний капитан парохода «Обь» Заболотский работал на транспорте 16 лет, однако его судоводительский стаж составлял лишь 3 года. Как и Мадисон, капитан решил

¹ ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 41. Л. 64 об.

² Там же. Л. 67 об.

³ Там же.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 41. Л. 65.

⁵ Там же. Л. 70.

отдохнуть. Вечером 29 мая 1946 г. он оставил свой пароход пришвартованным выше понтонного моста в Красноярске и отправился домой. Старшим на судне остался 3-й штурман Тупиков, которому Заболотский приказал в 2–3 часа ночи привести «Обь» с грузёной 200-тонной баржей ниже моста к порту. 3-й штурман, не имея прав судовождения, допустил серьёзные ошибки, вследствие которых пароход врезался в мост, сорвав 11 понтонов, а само судно утонуло. В результате этой аварии государству был причинён убыток в 199100 руб. Заболотский был осужден на 5 лет лишения свободы¹. Малый опыт работы непосредственно в судовождении не позволил Заболотскому адекватно оценить компетенцию одного из своих подчинённых, Тупиков же, связанный воинской дисциплиной, не посмел отказаться от выполнения приказа.

Поскольку на транспорте действовали законы военного времени, самовольно покидавшие рабочие места транспортники преследовались как воинские дезертиры. Во втором полугодии 1945 г. за воинские преступления ВТ осудил 225 чел. В первом полугодии 1946 г. – 191, из них за дезертирство – 146, самовольные отлучки – 42, неисполнение приказа – 3.

Несмотря на снижение числа нарушителей дисциплины трибунал беспокоило положение с этим видом преступлений. Изучив дела, возбуждённые по данным фактам, члены ВТ пришли к выводу, что главными причинами самовольного оставления рабочих мест было то, что молодые рабочие из сельской местности, мобилизованные в 1945 г. и завербованные в 1946 г., по прибытии на транспорт «не были окружены настоящим вниманием как по бытовым вопросам, так и в части политического воспитания и контроля за явкой на работу и ухода с работы»².

Проблема создания приемлемых бытовых условий для новых работников тянулась с военного времени. Рабочие

не получали нормального жилья, зачастую они работали не по специальности, из-за чего проигрывали по зарплате. В большинстве своём «дезертирами» были молодые люди, только начинавшие трудовую деятельность. Оторванные от родителей, ещё не знавшие жизни, они покидали рабочие места, не осознавая, что совершают преступление.

Иногда «дезертиры» добровольно возвращались на производство. В первом полугодии 1946 г. было 46 вернувшихся, из них 36 работали на о. Диксон и в бухте Нордвик. Из этих мест было очень трудно выехать и нигде было скрыться³. Природные и географические условия некоторых районов Красноярского края препятствовали распространению этого вида преступности. Сама природа являлась тюремщиком даже для тех, кого не осудили к лишению свободы.

Наказание за «дезертирство» было весьма суровым. Так, помощник начальника военизированной пожарной команды 1923 г. р. Оменко в декабре 1945 г., обокрав членов команды, покинул рабочее место, 2 февраля 1946 г. трибунал осудил его к 5 годам заключения. Такой же срок получил ученик модельщика Красноярского судоремонтного завода Кулагин 1929 г. р., который оставил предприятие 20 апреля 1946 г.

Более строго был наказан рабочий Нордвикского морского порта Оразбаев 1922 г. р. На работу в порт он прибыл после отбытия наказания по ст. 163 п. «г» (тайное хищение чужого имущества, совершённое частным лицом из государственных или общественных складов, вагонов, судов или иных хранилищ). С 22 августа по 5 октября 1945 г. Оразбаев не выходил на работу без уважительной причины. Выездная сессия трибунала 14 декабря 1945 г. осудила его по ст. 193-7 п. «г» (самовольная отлучка рядового и младшего начальствующего состава продолжительностью свыше 2 ч) к 10 годам

¹ ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 41. Л. 70.

² Там же. Л. 72.

³ ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 41. Л. 73.

лишения свободы с поражением в избирательных правах на 3 года¹.

Достаточно распространены были в практике трибунала дела, возбуждённые в соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны СССР от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров». Во втором полугодии 1945 г. в трибунал поступило 16 таких дел, в первом полугодии 1946 г. – 21. За первые 6 месяцев 1946 г. по таким делам ВТ осудил 20 мужчин, 5 женщин и 1 подростка. Среди осуждённых были: 1 штурман, 2 заведующих складами, 2 рабочих судовой команды и затонов, 20 представителей прочих профессий².

Так, 2 февраля 1946 г. Л. И. Гришина и О. К. Линник были приговорены к 8 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях по ст. 116 (присвоение или растрата должностным лицом денег, ценностей или иного имущества, находящегося в его ведении). Первая, заведующая буфетом на пароходе «Академик Павлов», с 12 июня 1945 г. допустила растрату средств в сумме 20882 руб. и похитила 130 кг муки, причинив таким образом ущерб государству на 24939 руб. Вторая, работая кассиром, совершила растрату в сумме 6300 руб.³

Хищением товаров часто занимались лица, имевшие к ним доступ. Работники складов, магазинов, овощехранилищ, касс порой оказывались нечисты на руку. Их добычей становились продукты питания, промышленное оборудование, бензин. Хищения наносили серьёзный ущерб советской экономике, истощённой войной, поэтому за эти преступления следовало строгое наказание.

Особое место в судебной практике трибунала занимали «контрреволюционные» преступления. Во втором полугодии 1945 г. в ВТ поступило 14 дел, возбуждённых

по ст. 58. В первом полугодии 1946 г. таких было 7, из которых 6 – по ст. 58-10 (пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению советской власти), 1 – по ст. 58-12 (недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершённом контрреволюционном преступлении).

С учётом 1 дела о «контрреволюции», оставшегося от второй половины 1945 г., ВТ во втором полугодии 1946 г. рассмотрел 8 дел в отношении 8 чел. Приговоры в отношении признанных виновными не отличались чрезмерной суровостью: 5 осуждённых по ст. 58-10 были приговорены к лишению свободы на сроки от 6 до 9 лет, 1 – к годам, а осуждённый по ст. 58-12 боцман парохода «Папанин» Похабов – к 2 годам⁴.

Суды по «контрреволюционным» делам носили политический характер, и членам трибунала приходилось проявлять особую осторожность, рассматривая таковые. Однако сроки заключения, вынесенные трибуналом, говорили о смягчении репрессивной политики по отношению к «врагам народа».

Во втором полугодии 1946 г. структура преступности в Енисейском бассейне практически не изменилась. 68% осуждённых в этот временной промежуток работали в Енисейском пароходстве, 8,6% – в Сибирском судостроительном тресте, 2,4% – в Управлении пути, Остальные не были работниками организаций, подчинённых министерству речного флота⁵.

Особенностью второго полугодия 1946 г. было увеличение доли нетранспортников среди осуждённых. Число «дезертиров» во втором полугодии 1946 г. выросло со 191 за предыдущие 6 месяцев до 226, а совершивших самовольные отлучки было 75.

Причины роста этого вида преступности были те же, что и в первом полугодии: плохие материально-бытовые условия, прежде всего, на судоремонт-

¹ ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 41. Л. 73 об.

² Там же. Л. 76.

³ Там же. Л. 77.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 41. Л. 81.

⁵ Там же. Д. 42. Л. 3.

ных и судостроительных предприятиях. Рабочим недоставало зимней одежды и обуви, не было должным образом налажено общественное питание, мало уделялось внимания их досугу. Последнее в трибунале обозначили как «недостаточную политико-воспитательную работу со стороны партийных, комсомольских и профсоюзных организаций»¹. Ограниченные возможности государственных предприятий и организаций не позволяли им должным образом организовать быт рабочих.

В ноябре и декабре часть команд плавсостава переводилась на судоремонтные предприятия. Но не все моряки соглашались трудиться на берегу и становились «дезертирами», особенно много таких случаев было в ноябре и декабре. В состав работников Сибирского судостроительного треста были включены спецпоселенцы, и осуждённые «влазовцы», расконвоированные в конце 1946 г. Столь неблагоприятные элементы проявили себя «как дезорганизаторы производства»².

В условиях военного положения граждан часто против их воли направляли на те или иные места работы. Несогласные с этим самовольно покидали рабочие места. Привлечение на транспорт лиц, имевших счёты с властью, также не способствовало устойчивости кадров. Репрессированные не только пополняли ряды «дезертиров», но и провоцировали других к совершению противоправных действий.

Далеко не всех «дезертиров» удавалось задержать по «горячим следам» и предать суду. Во втором полугодии 1946 г. в трибунал поступило 99 дел о «дезертирстве». Из них было прекращено 1 дело, на доследование было направлено 9, передано по подсудности – 4, принято к производству – 85. В судебных заседаниях было направлено на доследование 1 дело. ВТ осудил за самовольное оставление рабо-

чих мест 16 нарушителей в возрасте 16–17 лет, 18–25 лет – 39, 26–40 лет – 10, 41–50 лет – 8, 51 и старше – 1. 72 «дезертира» были беспартийными, 2 – кандидатами в члены ВЛКСМ³. Большинство виновных в «дезертирстве», как и в первом полугодии, были молодыми людьми, не являвшимися членами комсомола. Работа с молодёжью всё ещё оставалась слабым местом в кадровой политике подсудных трибуналу организаций.

Хищения грузов по-прежнему составляли заметную долю дел, рассмотренных трибуналом. Во втором полугодии 1946 г. в ВТ поступило 18 таких дел, ещё 1 оставалось с предыдущего полугодия. Было рассмотрено 17 дел, по которым он осудил 40 чел. По ст. 162 «д» (тайное похищение чужого имущества (кража), совершённое из государственных или общественных складов или хранилищ, лицом, имевшим особый доступ в таковые), трибунал осудил на 5 лет лишения свободы – 2 чел., до 4 лет – 13, на 2 года – 9, менее чем на 2 года – 8. 1 подсудимый был осуждён на 10 лет лишения свободы по Закону от 7 августа 1934 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Остальные, признанные виновными, получили наказание не связанное с лишением свободы.

Среди осуждённых были: 1 рулевой, 1 механик и 1 заведующий складом, 2 штурмана, 2 работника ВОХРА и 2 кочегара, 3 приёмщика и 3 рабочих порта, 4 шкипера, 7 матросов, 8 грузчиков, 6 представителей прочих профессий. За хищения трибунал наказал 21 мужчину и 19 женщин⁴.

Среди хищений преобладали мелкие кражи, о чём говорит большое количество приговоров, не связанных с лишением свободы, и осуждение на небольшие сроки заключения. О том же свидетельствуют профессии осуждённых, в боль-

¹ ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 42. Л. 8 об.

² Там же.

³ ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 42. Л. 8 об.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 42. Л. 9 об.

шинстве случаев они занимали должности, которые не позволяли получить доступ к материальным ценностям, поэтому имели возможность совершить лишь мелкие кражи.

В первом полугодии 1947 г. число работавших в подсудных ВТ организациях выросло на 8200 чел., а средняя численность осуждённых на 100 работников с 18,5 чел. во втором полугодии 1946 г. – до 27. В трибунале объяснили это не ростом преступности, а медлительностью следственных органов в процессе раскрытия преступлений и в ведении предварительного расследования. Статистические данные подтверждали это. Из 221 осуждённого в первом полугодии 1947 г. только 71 совершил преступления в этот временной промежуток, прочие 150 – ещё в 1946 г.¹ Деятельность судебных инстанций во многом зависела от качества работы органов предварительного следствия. Но милиция и прокуратура не всегда должным образом соблюдали сроки следствия.

Как отмечает А. Я. Кодинцев, ВТ транспорта главным образом рассматривал дела о трудовых преступлениях и хищениях². В полной мере это относилось к судебной практике ВТ Енисейского бассейна в первом полугодии 1947 г. В этот период 161 чел. дезертировал и 91 самовольно отлучились. Из попавшихся за дезертирство на 10 лет лишения свободы был осуждён 1 чел., на 6–9 лет – 15, на 5 лет – 46, на 2–4 года – 11, к 2 годам – 4, менее 2 лет – 1, к исправительно-трудовым работам – 6, условному наказанию – 11. Среди осуждённых за дезертирство было 72 мужчины и 23 женщины³.

Причины значительного количества дезертирств были прежними – бытовая неустроенность транспортников. Особенно страдали от этого работники береговых служб, а не плавсостав. Матросы,

как правило, между рейсами находились у себя дома, их быт был относительно устроен, значительную же часть рабочих судоремонтных предприятий и верфей, как говорилось выше, составляли мобилизованные из сельской местности и других регионов, для которых не сумели создать должных условий проживания.

Важным направлением деятельности ВТ были частные определения. Если во втором полугодии 1946 г. трибунал вынес 10 частных определений, то в следующие 6 месяцев – уже 47. Так, директору Красноярского завода № 477, занимавшегося ремонтом самолётов и производством катеров, было предложено установить строгий учёт алюминия, отлитого на предприятии, в целях предотвращения его хищения и бесконтрольного расходования. Директору Енисейской судоремонтной верфи напомнили о необходимости делать отметки в паспортах лиц, поступавших на работу, в целях предотвращения «дезертирства». Начальнику Красноярского речного порта предписывалось упорядочить продажу билетов на пароходы для предотвращения злоупотреблений в этой сфере, ему же предложили улучшить освещение на охраняемых объектах. В ответ на частные определения руководители предприятий и служб принимали предписанные меры, о чём уведомляли трибунал⁴.

Частные определения были действенным способом профилактики преступности. В ходе судебных заседаний трибунал не только наказывал признанного виновным, но и обязывал устранить причины, в результате которых стало возможно совершение преступления.

Навигация на Енисее в 1947 г. открылась 28 апреля. С этой даты до конца июня в бассейне было зафиксировано 38 аварий. Из них срыв судов во время ледохода – 21, посадка на мель – 7, затопление судов – 5, столкновение судов – 11, прочих – 4. В трибунал же поступило только 2 дела, по которым было осужде-

¹ Там же. Д. 53. Л. 2.

² Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. М., 1945. С. 40.

³ ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 42. Л. 8 об.

⁴ Там же Л. 13 об.–14.

но 3 чел.: капитан парохода, 3-й штурман и старшина газохода на срок от 2 до 4 лет. Аварии чаще всего происходили вследствие ошибок, допущенных речниками. Например, пароход «Победа» затонул из-за неправильной погрузки клади на один борт. А буксирный пароход «Папанин» пошёл на дно, потому что столкнулся с пароходом «Ирбе», шедшим в ночное время без световых сигналов¹. Аварии наносили государству серьёзный материальный ущерб и нередко приводили к человеческим жертвам. Поэтому министерство юстиции ориентировало судебные инстанции более строго судить виновников аварий.

В последние месяцы перед демилитаризацией и в начальный период деятельности гражданских судов транспорта работа ВТ, а затем линейного суда Енисейского бассейна проходила следующим образом. С 1 октября 1947 г. по 1 июня 1948 г. в данный судебный орган поступило и было доложено в предварительных заседаниях 177 дел: 2 дела суд направил по подсудности, 159 – назначил к слушанию, 4 – направил на следствие, приговоры вынесены – по 155. По этим делам судебная инстанция Енисейского бассейна осудила 199 чел., оправдала – 2. Суд рассматривал дела достаточно успешно: из 8 протестов, вынесенных на приговоры, были удовлетворены 2, а военно-транспортные коллегия из 50 рассмотренных оставила в силе приговоры по 43 делам (86%), изменила – по 3 (6%), прекратила по 1 (2%), отменила с направлением на следствие – по 3 (6%)².

Однако не все трибуналы транспорта работали также хорошо. В послевоенный период качество работы транспортных судебных инстанций ухудшалось. Этот факт было вынуждено отметить Главное управление линейных судов (ГУЛС) министерства юстиции СССР. 26 мая 1948 г. в своём директивном письме ГУЛС сообщило об итогах работы транспортных

судов в период от окончания войны до отмены военного положения на транспорте.

В министерстве отметили, что в ВТ имели место многочисленные случаи осуждения невиновных и оправдание заведомых преступников, неправильная квалификация преступлений, необоснованное возвращение дел на следствие, грубое нарушение материального и процессуального законов. Свидетельством плохой работы военных трибуналов транспорта являлись цифры отменённых приговоров. Если в 1946 г. процент таких составлял 9,7% к числу обжалованных, то в 1947 г. он возрос до 14,9%. По свидетельству ГУЛС, председатели ВТ не приняли должных мер к улучшению работы транспорта, и в первом квартале 1948 г. ошибки в судебной работе ещё больше усугубились³.

Кадровый состав трибунала

Слабая работа транспортных трибуналов объяснялась, с одной стороны, увеличением нагрузки – с 1946 г. по 1948 г. число уголовных дел, поступивших в трибуналы транспорта, выросло с 74475 до 90278 [8, с. 156], с другой – низкой профессиональной квалификацией их кадров. К началу 1948 г. высшее юридическое образование было у 118 судей ВТ транспорта (26%), среднее юридическое образование имел 171 чел. (38%), юридические курсы окончили 96 (21%), не имели юридической подготовки – 65 (14%) [4, с. 168].

Значительная часть членов трибуналов имела среднее юридическое образование. Они закончили юридические школы, срок обучения в которых составлял 1 год, а с 1939 г. – 2 года. В этих школах не было постоянного педагогического коллектива, преподавание вели действующие работники юстиции в свободное от работы время, многие из них сами были плохо образованы и не обладали педаго-

¹ ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 42. Л. 7 об.-8.

² ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 62. Л. 20.

³ Там же. Д. 57. Л. 56

гическими навыками. Поэтому качество образования в таких учебных заведениях было низким.

Попытки минюста охватить учёбой работников трибуналов не удавались. На 1 января 1948 г. на заочном обучении числились 148 человек (79,5%) из намеченных 186. Многие члены ВТ транспорта не могли поступить в учебные заведения из-за плохого состояния здоровья, преклонного возраста или вследствие слабостью общеобразовательной подготовки. При этом значительная часть заочников не выполняла учебных планов [8, с. 105]. Слабость кадров военно-транспортных трибуналов не могла быть преодолена их переподготовкой в силу приведённых выше причин, поэтому перед министерством встал вопрос об обновлении судейского корпуса.

Для оценки работы ВТ Енисейского бассейна необходимо рассмотреть его кадровый состав.

К концу войны председателем трибунала был майор юстиции Н. Н. Шпилевой. Должность заместителя председателя с 1943 г. занимал М. В. Куроцапов, который родился в Санкт-Петербурге в 1891 г. и имел многолетний опыт работы в советских судебных органах. Членами трибунала были майор юстиции Б. И. Гидалевич (1908 г. р., Николаевская обл.), который с 1932 г. был членом партии, в 1937 г. окончил Одесскую юридическую школу и в составе ВТ Енисейского служил с 1943 г.; а также лейтенант административной службы Н. Н. Жильцова (1905 г. р., Тверь), поступившая на службу в мае 1943 г. Осуществлять правосудие членам трибунала помогали: старший секретарь В. И. Томский, судебные секретари А. Н. Старостина и Т. Г. Волевич, делопроизводитель А. С. Цвиркун, машинистка В. Н. Толстихина, шофёр Ю. К. Ничков, курьеры-уборщицы М. Г. Букина и К. Г. Мяукина¹.

Состав трибунала позволял ему достаточно эффективно исполнять свои

обязанности. Количество дел, поступавших в данный судебный орган, не приводило к чрезмерной перегрузке судей. Каждый из них имел достаточный опыт судебной работы.

Ротации членов трибунала происходили нечасто. 27 апреля 1947 г. Н. Н. Жильцова была демобилизована, и её заменил майор юстиции М. С. Денисовский².

Для более эффективного отправления правосудия на территории подсудной ВТ были созданы 2 постоянные сессии, своего рода филиалы трибунала.

Енисейская сессия была организована 7 января 1944 г. в Енисейске. К её подсудности относились: Енисейская судоверфь, Енисейский технический участок и расположенные вблизи реки лесоучастки. На этих предприятиях работало 2400 чел. Председательствующим этой сессии был назначен Г. В. Козо-Полянский, который работал до апреля 1945 г., а после был снят с должности поскольку «не обеспечил своего назначения и поведением дискредитировал занимаемое положение»³. На его место заступил старший лейтенант Аверьянов, который работал до 28 мая 1946 г., после чего был переведён в трибунал Тихоокеанского бассейна. По мнению Н. Н. Шпилевого «Аверьянов значительно улучшил работу постоянной сессии, повысил качество судебной работы, установил деловую связь с местными советско-партийными органами и пользовался заслуженным авторитетом»⁴. Енисейская постоянная сессия после перевода Аверьянова фактически прекратила работу, и дела в Енисейске рассматривались выездными сессиями⁵.

Юридически Енисейская сессия закончила своё существование 24 февраля 1948 г. В этот день начальник Главного управления военных трибуналов транспорта МЮ СССР генерал-майор юсти-

² Там же. Д. 53. Л. 14 об.

³ Там же. Оп. 17. Д. 41. Л. 3.

⁴ ГАКК.Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 41. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 53. Л. 2 об.

ции А. Т. Пуговкин подписал приказ «Об исключении Тарской и Енисейской постоянных сессий из списков действующих сессий военных трибуналов водного транспорта»¹.

Игарская сессия начала действовать в Игарке 4 января 1944 г. Её возглавлял Б. И. Гидалевич. Район обслуживания этой сессии занимал 1800 км. К её подсудности относились 3800 чел.²

Данная сессия не испытывала чрезмерной нагрузки. Во втором полугодии 1946 г. туда поступило 22 дела, в первом полугодии 1947 г. – 34. В Красноярске полагали, что такое малое количество дел показывало нецелесообразность содержания постоянной сессии в Игарке, а 4–5 дел в месяц могли взять на себя народный суд и Таймырский окружной суд. Мнение ВТ Енисейского бассейна основывалось на поступившем в июне 1947 г. распоряжении министра юстиции СССР Н. М. Рычкова о рассмотрении дел, подсудных трибуналу Таймырским окрсудом³.

Постоянные сессии были созданы для того, чтобы в условиях огромных площадей не тратить средства и время на организацию выездных сессий. Однако в Красноярском крае большие расстояния сочетались с малонаселённостью, поэтому постоянные сессии оказались не загружены должным образом. Посему содержание филиалов стало не рентабельным, куда дешевле были командировки судей из Красноярска для участия в выездных сессиях, в других же случаях подсудные трибуналу дела могли рассмотреть суды общей юрисдикции.

Отказ от такой формы организации правосудия, как постоянные сессии, в послевоенные годы произошёл по всей стране. Это было следствием того, что, по мнению Главного управления военных трибуналов МЮ СССР, председатели трибуналов плохо руководили ими и либо не проверяли их деятельность, либо делали

это формально. Пользуясь отдалённостью от головного судебного органа, отдельные члены сессий «бездельничали», «плохо вели себя в быту, дискредитируя советский суд». Актуальными оставались проблемы с подбором кадров для сессий и обеспечением их помещениями [8, с. 29]. Чрезмерное дробление судебных органов затрудняло процесс отправления правосудия, мешало управлению судебными инстанциями.

Заключение

Итак, анализ деятельности военного трибунала Енисейского бассейна в первые послевоенные годы (1945–1948) показал:

1. работа военных трибуналов транспорта в первые послевоенные годы была нацелена на поддержание всё ещё действовавшего на транспорте военного положения;
2. строгое наказание «дезертиров» должно было предотвратить исход с подсудных трибуналам предприятий и организаций. В условиях дефицита кадров работников приходилось удерживать страхом репрессий;
3. в разорённой войной стране судебные инстанции жёстко реагировали на попытки отдельных граждан завладеть общенародной собственностью;
4. без малого 3 года после окончания войны работавшим на транспорте и связанным с ним предприятиях приходилось трудиться в условиях военного положения, когда любой проступок карался куда строже, чем у штатских. А трибуналы работали на основании Постановлений уже распущенного ГКО. Транспортники почувствовали себя относительно спокойно только после издания Указа от 2 мая 1948 г., с этой даты они были уравнены в правах с прочими работниками.

Дата поступления в редакцию 09.02.2022

¹ Там же. Оп. 17. Д. 54. Л. 12.

² Там же. Д. 41. Л. 4.

³ Там же. Д. 53. Л. 3.

ЛИТЕРАТУРА

1. История суда и правосудия в России. Т. 7: Судостроительство и судопроизводство периода НЭПА и основ построения социализма (1921–1956 гг.) / отв. ред. С. А. Колунтаев, В. М. Сырых. М.: Норма, 2021. 688 с.
2. Кодинцев А. Я. Транспортная юстиция СССР в первые послевоенные годы // Транспортное право. 2008. № 3. С. 46–47.
3. Кодинцев А. Я., Шкаревский Д. Н., Янши В. В. Органы специальной юстиции СССР. Сургут: Издательский центр СурГУ, 2016. 255 с.
4. Соломон П. Х. Советская юстиция при Сталине / пер. с англ. Л. Максименков. М.: РОССПЭН, 1998. 462 с.
5. Шкаревский Д. Н. Формирование органов военно-транспортной и транспортной юстиции в 1941–1957 годах // Военно-юридический журнал. 2021. № 1. С. 28–32.
6. Шкаревский Д. Н. Материально-техническое обеспечение органов транспортной юстиции в 1940–1950-е гг. // Учёные записки Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 4. С. 91–100.
7. Шкаревский Д. Н. Нормативно правовое регулирование деятельности органов транспортной юстиции в 1941–1945 гг. // Военно-юридический журнал. 2020. № 9. С. 27–32.
8. Шкаревский Д. Н. Органы транспортной юстиции СССР в 1940–1950-е годы: историко-правовой анализ. М.: Проспект, 2021. 272 с.

REFERENCES

1. Koluntaev S. A., Syrykh V. M., eds. *Istoriya suda i pravosudiya v Rossii. T. 7: Sudoustroystvo i sudoproduzvodstvo perioda NEPA i osnov postroyeniya sotsializma (1921–1956 gg.)* [History of the court and justice in Russia. Vol. 7: Judicial system and judicial proceedings of the New Economic Policy period and the foundations of socialism (1921–1956)] Moscow, Norma Publ., 2021. 688 p.
2. Kodintsev A. Ya. [Transport justice of the USSR in the first post-war years]. In: *Transportnoye pravo* [Transport Law], 2008, no. 3, pp. 46–47.
3. Kodintsev A. Ya., Shkarevsky D. N., Yanshi V. V. [Bodies of special justice of the USSR]. Surgut, Izdatelskiy tsentr SurGU Publ., 2016. 255 p.
4. Solomon P. H. *Soviet criminal justice under Stalin* (Rus. ed.: Maksimenkov L., transl. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 462 p.).
5. Shkarevskiy D. N. [The Establishment of Personnel of Military Transport and Transport Justice Authorities in 1941 to 1957]. In: *Voyenno-yuridicheskiy zhurnal* [Military-Law Journal], 2021, no. 1, pp. 28–32.
6. Shkarevskiy D. N. [The material and technical support of transport justice authorities in the 1940s–1950s]. In: *Uchonyye zapiski Krymskogo Federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki* [Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science], 2019, no. 4, pp. 91–100.
7. Shkarevskiy D. N. [The Statutory Regulation of Activities of Transport Justice Authorities in 1941 to 1945]. In: *Voyenno-yuridicheskiy zhurnal* [Military-Law Journal], 2020, no. 9, pp. 27–32.
8. Shkarevskiy D. N. *Organy transportnoy yustitsii SSSR v 1940–1950-ye gody: istoriko-pravovoy analiz* [The USSR transport justice bodies in the 1940s – 1950s: the historical and legal analysis]. Moscow, Prospect Publ., 2021. 272 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Печерский Владимир Арнольдович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории; e-mail: volody75.75@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Pechersky – Cand. Sci. (History), leading researcher, Department of History, Khakass Research Institute of Language, Literature and History; e-mail: volody75.75@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Печерский В. А. Военный трибунал Енисейского бассейна в первые послевоенные годы (1945–1948) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 73–85.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-73-85

FOR CITATION

Pechersky V. A. Military tribunal of the Yenisey basin in the first post-war years (1945–1948). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 73–85.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-73-85

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 9.94

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-86-92

НЕУДАВШЕЕСЯ УМИРОТВОРЕНИЕ БОСНИИ: ПЛАН ВЭНСА-ОУЭНА

Ометюх М. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Данная статья посвящена одному из эпизодов поиска мирного урегулирования конфликта в Боснии и Герцеговине в 1992–1993 гг. В процессе распада Югославии, сопровождавшегося военными действиями и созданием суверенных национальных республик, вмешались наднациональные структуры – ЕС и ООН. Они пытались прекратить военное противостояние боснийцев, сербов и хорватов в Боснии, приняв ряд мер. В настоящей работе будет рассмотрен процесс создания и реализации плана Вэнса-Оуэна.

Процедура и методы. Автором изучены документы по созданию Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ), проанализированы документы плана Вэнса-Оуэна, выступления представителей ЕС и ООН по ситуации в Боснии и Герцеговине в 1992–1993 гг., монографии и статьи отечественных и зарубежных авторов по теме конфликта в Боснии и его мирного урегулирования. В работе использован нарративный метод для облегчения передачи сути данной проблемы, повествование изложено по хронологическому принципу.

Результаты. Прослежен процесс реализации плана Вэнса-Оуэна, отмечена реакция противоборствующих сторон, а также стран, стремящихся урегулировать конфликт и преследующих при этом свои интересы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение Югославских войн 1991–1999 гг.

Ключевые слова: Югославия, распад, Босния и Герцеговина, ЕС, ООН, США, план Вэнса-Оуэна, С. Вэнс, Д. Оуэн

FAILED APPEASEMENT OF BOSNIA: VANCE-OWEN PLAN

M. Ometiukh

Moscow Region State University

ul. Very Voloshonoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. This article is dedicated to one of the episodes of searching for a peaceful solution of the conflict in Bosnia and Herzegovina during 1992–1993. The process of the collapse of Yugoslavia, accompanied by military actions and creation of sovereign national republics, was intervened by supranational structures – the EU and the UN. They attempted to stop the military confrontation of

the Bosnians, Serbs and Croats in Bosnia by taking a number of measures. In this paper, the process of creating and implementing the Vance-Owen plan is considered.

Methodology. The author studied the documents of the ICFY, analyzed the Vance-Owen plan documentation and the speeches of the EU and the UN representatives on Bosnia and Herzegovina in 1992–1993. The author also studied domestic and foreign monographs and articles on the war in Bosnia and its peaceful solution. The work uses a narrative method to facilitate the transmission of the essence of this problem, the narrative is presented chronologically.

Results. The author seeks to trace the implementation of the Vance-Owen plan, to note the reaction of warring parties and countries that wanted to settle the conflict and to pursue their own interests.

Research implications. The research results contribute to the study of the conflicts in the former Yugoslavia in 1991–1999.

Keywords: Yugoslavia, collapse, Bosnia and Herzegovina, the EU, the UN, the USA, Vance-Owen plan, C. Vance, D. Owen

Введение

Распад Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) и сопровождавшие этот процесс военные действия – сложная тема для изучения и разбора. Тем не менее она крайне интересна в части дипломатии.

В центре – военный конфликт, в который были вовлечены не только бывшие республики Югославии, но и ЕС и ООН, сверхдержавы, которые ранее возглавляли 2 противостоящих друг другу лагеря в годы холодной войны. Были попытки принудить к миру воюющие стороны, составить план, который устроил бы всех.

Таким планом умиротворения стали Дейтонские соглашения, подписанные в декабре 1995 г. президентом Боснии и Герцеговины А. Изетбеговичем, президентом Хорватии Ф. Туджманом и президентом Сербии С. Милошевичем под давлением НАТО и ООН. Результатами стали создание в рамках Республики Босния и Герцеговина Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской, а также то, что сербы получили 49% территории, боснийцы и хорваты – 51% и прекращение войны на территории республики, ввод войск НАТО по поддержанию мира.

Регламентировался новый государственный строй: функции главы государства передавались президиуму, состоящему из 3 человек – по 1 от каждого народа. Обвинённым Международным

трибуналом по бывшей Югославии было запрещено занимать государственные должности в Республике Босния и Герцеговина¹.

Но до Дейтонских соглашений, в 1993 г., разрабатывался другой план. Он мог бы стать прекрасной возможностью прекратить военные действия гораздо раньше, но идея не была реализована.

Так в чём же суть этого плана? Почему он не был воплощён в жизнь и был забыт после принятия Дейтонских соглашений? На этот вопрос и попытаемся дать ответ.

Целью данной работы является описание процесса подготовки и реализации одного из планов мирного урегулирования ситуации, сложившейся в Боснии и Герцеговине в 1992–1993 гг., который был предложен Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ). Для достижения этой цели были изучены документы, разработанные представителями ЕС и ООН, официальные выступления на заседаниях МКБЮ, а также монографии и статьи отечественных и зарубежных историков. Вопрос участия наднациональных организаций в распаде Югославии и последующих событиях (мирные планы) косвенно затрагивается в недавних статьях [1; 3; 4], но более подробно он разобран в книге Е. Ю. Гусь-

¹ Конвенции и соглашения ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_yugoslavia.shtml (дата обращения: 15.03.2021).

ковой [2]. Также стоит отметить труд иностранного исследователя Дж. Гоу, детально описавшего этапы вовлечения ЕС, ООН, а также США в мирное урегулирование боснийского конфликта 1992–1995 гг. [6].

Разработка плана Вэнса-Оуэна

В начале 1991 г. США предложили ЕС заняться урегулированием конфликта. Но у ЕС не было ни механизмов, способных разрешить подобные конфликты, ни средств.

Ещё в марте 1991 г. Югославия имела шансы на интеграцию в Европу, при условии, что она станет единым демократическим государством. Но центробежные силы внутри страны оказались непреодолимыми: вопреки идее вхождения в состав ЕС, Ф. Туджман просит президента США Дж. Буша ст. защитить демократию в Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине. В октябре 1991 г. вышеупомянутые государства вышли из состава СФРЮ, а 18 октября международное сообщество признало прекращение социалистической Югославии.

Для обсуждения проблемы прекращения военных действий на территории Боснии созывались международные конференции, которые нужны были для уменьшения трения между государствами – участниками ЕС и ООН. ЕС занималось вопросами дипломатии, а ООН – наземными военными операциями.

Летом 1992 г. в Лондоне прошла международная конференция по бывшей Югославии. Специальным представителем от ЕС стал Дэвид Оуэн, от ООН – Сайрус Вэнс. План мирного урегулирования, который будет разработан к январю 1993 г., получит своё название по фамилиям председателей международной конференции. Создадутся рабочие группы, занимавшиеся разработкой плана.

13 августа 1992 г. была принята резолюция 770, объявлявшая о принятии любых необходимых мер для защиты по-

ставляемой гуманитарной помощи¹. Усилилось давление на сербов: в Сербию и Черногорию направлялись международные наблюдатели, ужесточалось эмбарго, сербские представители удалялись из международных органов [6, р. 227]. Был создан международный трибунал. С. Милошевич, будучи представителем сербской стороны на конференции, подписал соглашения и предложил освободить территории, оккупированные боснийскими сербами. Но эти решения не были подкреплены военной силой. В итоге к началу 1993 г. ни одно решение Лондонской конференции не было реализовано.

Однако итоги деятельности рабочей группы по Боснии были использованы в качестве основы плана Вэнса-Оуэна. Сам план был представлен в январе 1993 г. и состоял из 3 частей: военной, политической и географической. Военная часть включала в себя мониторинг тяжёлого вооружения миротворцами и демилитаризацию Сараево. Изменялось политическое устройство: правительственным центром федеративного государства становился Сараево, он решал экономические и внешнеполитические вопросы.

Для предотвращения национальных движений в управление страной напрямую вмешивались международные органы (конституционный суд, правозащитные и избирательные органы)². Формирование политических структур происходило в зависимости от этнического состава на момент довоенной переписи 1991 г. Наибольшая по численности этническая группа выбирала губернатора, вторая – вице-губернатора. Управление из 10 человек формировалось пропорционально этническому составу. Последняя

¹ Резолюции Совета Безопасности ООН 1992 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1992> (дата обращения: 15.03.2021).

² Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 3. Документы международных организаций по мирному урегулированию кризиса в Хорватии, Боснии и Герцеговине 1990-х гг. / сост. и отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2000. С. 87–90.

стала камнем преткновения для участников международных переговоров. Предлагалось создать децентрализованное государство из 10 провинций, каждая из которых имела бы автономию¹. Возвращавшимся в родные земли беженцам гарантировалось, что их национальные права не будут ущемлены². При этом карта автономных образований формировалась так, чтобы у Республики Сербской не было смежных территорий с Союзной Республикой Югославией (СРЮ), что было одним из достоинств плана. Была нарушена перспектива объединения сербских земель. Также по плану Вэнса-Оуэна навязывалась приверженность принципу многоэтнического сообщества. Но эти достоинства теряли свою ценность, т. к. в Боснии уже год длились этнические чистки.

Проблемы, возникшие на пути умиротворения Боснии

Боснийские хорваты во главе с М. Бобаном сразу подписали соглашения. Р. Караджич, президент Республики Сербской, медлил, но всё же подписал после того, как начальник штаба войска Республики Сербской Р. Младич убедил его в том, что реализация договора зависит от других частей соглашения, поэтому процесс обратим. Изетбегович не принимал соглашения по той же причине, что и Караджич: обоим не устраивала предлагаемая к плану карта провинций.

Сложность утверждения плана Вэнса-Оуэна заключалась в том, что военные действия велись за территории, и другие вопросы нужно было решать через удержание земель. Боснийский президент и боснийские сербы должны были принять и подписать план создания федеративного государства с автономными территориями. Планировалось привлечь Изетбеговича на свою сторону, оставить

Караджича один на один с планом Вэнса-Оуэна и затем оказать давление на сербов, возможно даже применяя силу [6, р. 237].

Но большим вызовом стала реакция администрации президента США Б. Клинтона. До вступления на пост Клинтон настаивал на вмешательстве в войну на Балканах, причём используя силовые методы [4, с. 93]. Боснийцы надеялись на вмешательство американских военных сил, но США этого не желали и ничего не сделали, чтобы убедить президента Боснии подписать план, поскольку американцы считали его далёким от совершенства. Кроме того, идея военного вмешательства не нашла поддержки в международном сообществе, поскольку проведение тактики нанесения авиаударов могло нанести ущерб союзным войскам в Боснии и Герцеговине, в т. ч. и миротворцам ООН [4, с. 95]. Вашингтон отказался поддерживать резолюцию Совбеза ООН на заседании в Нью-Йорке. В свою очередь, Вэнсу не удалось договориться с госсекретарем США У. Кристофером, после чего тот ушёл в отставку 1 мая 1993 г. Ряд телевизионных выступлений лорда Оуэна не помог изменить отношение общественности к плану. Команда Клинтона считала, что план Вэнса-Оуэна был несправедлив по отношению к мусульманам, несмотря на использование довоенной переписи населения и предложения боснийцев на Лондонской конференции [6, р. 240].

Позднее У. Кристофер изложил принципы политики США относительно Боснии:

1. присутствие специального посланника на переговорах;
2. обсуждение, а не навязывание договоров;
3. ужесточение санкций и усиление давления на Сербию; угроза военного вмешательства (касательно Косово);
4. принятие мер по уменьшению кровопролития;
5. готовность помочь в соблюдении мирных договоров, даже военным путём;

¹ Там же. С. 129–130.

² Peace agreement database [Электронный ресурс]. URL: <https://www.peaceagreements.org/wview/606/The%20Vance-Owen%20Plan> (дата обращения: 16.03.2021).

б. консультации с друзьями и союзниками в поисках мира [6, р. 244].

Эти принципы стали зашифрованным отпором плану Вэнса-Оуэна и его поддержке в Совбезе ООН. Задуманные меры ошибочно воспринимались как бессмысленные уступки сербам боснийских границ. По сути, США придерживались своей политики, но притворялись, что поддерживают работу Международного комитета по бывшей Югославии.

Провал плана Вэнса-Оуэна

3 марта 1993 г. Изетбегович подписал военные соглашения в Нью-Йорке. Там же спустя 3 недели он подписал и карту после внесения корректив относительно Сараево. Но после очередного отказа США поддерживать мирную инициативу боснийские сербы в апреле отказались принимать предлагаемую карту автономий. Совбез ООН стал угрожать Сербии применением санкций, если соглашения не будут подписаны. Лорд Оуэн отправился в Белград убедить Милошевича и президента СРЮ Д. Чосича надавить на боснийских сербов. 25 апреля 1993 г. вопрос о подписании плана был вынесен на референдум, тем самым была сделана попытка отсрочить введение санкций. Но это не помогло: к ранее упомянутому «наказанию» для сербов добавилась резолюция 821, угрожавшая исключением Югославии из ЭКОСОС¹.

Чтобы уберечь Сербию от силового воздействия ООН и ЕС, Милошевич при содействии премьер-министра Греции К. Мицотакиса убедил Караджича подписать финальную часть плана с картой. Но его подпись ничего не значила без ратификации ассамблеи в Пале. Ею было принято решение вынести на всеобщий референдум вопрос о новом территориальном делении, в результате голосования 96% боснийских сербов отказались

принимать карту [6, р. 247]. Международное сообщество хоть и отвергло результаты референдума, соглашения с боснийскими сербами не последовало. Дипломатический импульс Афин к тому времени был уже утрачен.

Чтобы понять позицию боснийских сербов, нужно привести мнение Б. Плавшич, заместителя председателя Республики Сербской в Белграде, и М. Краишника, спикера парламента Республики Сербской. По словам первой можно понять, сколько ненависти боснийские сербы испытывали к бошнякам, которые грабили и устраивали резню в Восточной Боснии. Плавшич описывает свои поездки на массовые похороны в 1993 г., в частности, в село Кравицы, где 49 человек погибло от рук людей Н. Орича, командующего группировкой войск армии Боснии и Герцеговины [5, с. 10–11]. Также она критикует действия Милошевича, обвиняя его в прислуживании Западу и настраивании мирового сообщества против сербов [5, с. 15]. М. Краишник вспоминает непосредственно о попытках навязать сербам принятие плана Вэнса-Оуэна. Он говорит, что председатели МКБЮ использовали Милошевича, чтобы надавить на Республику Сербскую даже после проведения референдума. Да и сам Милошевич, по словам Краишника, «Скупщину считает незаконной группой лиц, не имеющих полномочий представляться в качестве депутатов» [5, с. 61]. Также Краишник указывал на нелогичность плана в проведении границ в Боснии и Герцеговине, потому что разработчики плана не понимали того, что Дрина является границей между Боснией и Сербией [5, с. 65].

Помимо прочего, возникли разногласия в стане номинальных союзников – боснийских хорватов и мусульман. События с референдумом в Республике Сербской показали слабость мирового сообщества, и те, и другие решили, что теперь каждый сам за себя. США стали брать инициативу в свои руки. Даже частичная реализация плана Вэнса-Оуэна

¹ Резолюции Совета Безопасности ООН 1993 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1993> (дата обращения: 18.03.2021).

поставила бы крест на военной кампании боснийских сербов, но для этого нужно было присутствие американских вооружённых сил. Вместо этого США заговорили о некоей «общей стратегии» с Россией и странами Европы. В Вашингтоне произошла встреча министров иностранных дел, но по факту это были двусторонние переговоры между США и РФ, причём прошли они таким образом, что российский министр иностранных дел Козырев отказался от реализации плана Вэнса-Оуэна. Это было представлено в СМИ как свершившийся факт другим странам-участникам встречи. 22 мая 1993 г. министры иностранных дел России, США, Франции, Великобритании, Испании издали «Декларацию совместных действий», включавшую в себя пункт о военной защите 6 так называемых безопасных зон, обозначенных в резолюциях Совбеза ООН 819 и 824¹. Фактически это означало конец плана Вэнса-Оуэна.

Тем не менее Оуэн и Столтенберг продолжили усилия по реализации идеи трёхпартийного этнического разделения страны в пределах её границ. Она получила название «Союза республик Боснии и Герцеговины». Её ценность – в сохранении внешне единой Боснии, но внутри разделённой на конфедерацию этнически определённых мини-государств. План создания союза республик был разработан С. Милошевичем и Ф. Туджманом и представлен в конце августа 1993 г. Он включал в себя: подписание конституционных соглашений, введение судов по правам человека, обеспечение доступа мусульман к Адриатике, военное соглашение о мирном урегулировании. Ключевым моментом плана стало то, что мусульманские республики должны получить как минимум 1/3 территории Боснии. По сути, признавался распад государства на отдельные этнические республики.

22–23 декабря 1993 г. произошла встреча в Брюсселе, на которой Изетбегович отказался отдавать 33% территории Боснии. Международное сообщество оказалось разделённым и растерянным, США проявляли половинчатую поддержку. Таким образом, мирные попытки прекратить войну в Боснии и Герцеговине не увенчались успехом.

Заключение

Отсутствие внешних обязательств, подготовки хотя бы частичной реализации плана Вэнса-Оуэна сделали крушение мирной инициативы центральным моментом в международном урегулировании войны в Югославии. Международная комиссия по бывшей Югославии попала в трудную ситуацию, при которой она должна была закончить войну, охраняя ключевые международные принципы и не используя при этом вооружённые силы. Нежелание брать на себя ответственность, противодействие плану означали, что осуществить план Вэнса-Оуэна не удастся. Это поняли и боснийские сербы, и боснийские хорваты, и бошняки, потому они все перестали придерживаться каких-либо соглашений. Без применения силы не получилось заставить конфликтующие стороны принять мирные предложения 1993 г.

План Вэнса-Оуэна был уничтожен международными разногласиями. Американцы не хотели участвовать в его осуществлении. Была утрачена возможность вовлечь Россию в общий подход к управлению кризисной ситуацией. Отсутствовала согласованность в международных подходах, а США были непоследовательны в своих инициативах. Не нашлось сильной политической воли, чтобы заставить воюющие стороны соблюдать мирные соглашения [5, p. 259].

Дата поступления в редакцию 29.10.2021

¹ Резолюции Совета Безопасности ООН 1993 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1993> (дата обращения: 18.03.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажуков В. И. «Миротворческая» операция НАТО в Боснии и Герцеговине (1992–1995): концепция и реальность // Управленческое консультирование. 2018. № 1 (109). С. 34–41.
2. Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русский национальный фонд, 2001. 717 с.
3. Смирнов Я. Н. Согласование плана мирного урегулирования Вэнса-Оуэна в 1992–1993 гг. // Славянский альманах. 2019. Вып. 3–4. С. 243–267.
4. Соколов А. С. Поиск администрацией Клинтона путей урегулирования конфликтов на Балканах в первой половине 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2013. № 5. С. 92–106.
5. Югославия: участники событий вспоминают / сост. и отв. ред. Е. Ю. Гуськова. СПб.: Владимир Даль, 2021. 527 с.
6. Gow J. Triumph of Lack of Will. New York: Columbia University Press, 1997. 250 p.

REFERENCES

1. Bazhukov V. I. [NATO «peacekeeping» operation in Bosnia and Herzegovina (1992–1995): concept and reality]. In: *Upravlencheskoye konsultirovaniye* [Management consulting], 2018, no. 1 (109), pp. 34–41.
2. Guskova E. Yu. *Istoriya yugoslavskogo krizisa (1990–2000)* [History of the Yugoslav crisis (1990–2000)]. Moscow, Russkiy natsionalnyy fond Publ., 2001. 717 p.
3. Smirnov Ya. N. [The cooperation of the FRY and the ICFY in 1992–1993 in the context of the negotiations on the Vance-Owen peace plan]. In: *Slavyanskiy almanakh* [Slavic almanac], 2019, iss. 3–4, pp. 243–267.
4. Sokolov A. S. [Clinton administration attempts to settle the Balkan conflict in the first half of the 1990s]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8: History], 2013, no. 5, pp. 92–106.
5. Guskova E. Yu., ed. *Yugoslaviya: uchastniki sobyitij vspominayut* [Yugoslavia: participants in the events remember]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2021. 527 p.
6. Gow J. Triumph of Lack of Will. New York, Columbia University Press, 1997. 250 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ометюх Михаил Николаевич – аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: macs8949@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail N. Ometiukh – Postgraduate Student, Department of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: macs8949@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ометюх М. Н. Неудавшееся умиротворение Боснии: план Вэнса-Оуэна // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 86–92.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-86-92

FOR CITATION

Ometiukh M. N. Failed appeasement of Bosnia: Vance-Owen Plan. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 86–92.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-86-92

УДК 325.14 (430) «2018/2021»

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-93-103

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА IV ПРАВИТЕЛЬСТВА А. МЕРКЕЛЬ (2018–2021 ГГ.)

Шелудченко Н. П.¹, Андреева А. Ю.²

¹ *Московский государственный областной университет*

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*

119991. г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследовать и выявить сущность, особенности и своеобразие миграционной политики Германии, осуществляемой IV-м коалиционным правительством в 2018–2021 гг.

Процедуры и методы. В статье на конкретных примерах показывается, как осуществлялась миграционная политика в указанный период, какие новые способы, методы и условия способствовали этому, что изменилось в миграционном процессе по сравнению с предыдущим курсом. При проведении исследования были применены аналитический метод, методы сравнения и обобщения.

Результаты. В ходе исследования новой миграционной политики ФРГ были выявлены некоторые особенности, важные обстоятельства, способствующие её реализации и целый ряд причин и факторов, раскрывающих сущность и новизну.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данная работа поможет глубже понять важность, актуальность, полезность и перспективность миграционной политики различных стран. Это очень важно и значимо в наше время, т. к. в современных условиях миграционный процесс принял глобальный характер. И человеческое общество должно готовиться к этому.

Ключевые слова: миграция, канцлер А. Меркель, миграционная политика, интеграция, толерантность, космополитизм, политкорректность, ковидный кризис, «либеральная революция», ложный гуманизм

MIGRATION POLICY OF THE 4TH GOVERNMENT OF A. MERKEL (2018–2021)

N. Sheludchenko¹, A. Andreeva²

¹ *Moscow Region State University*

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² *Lomonosov Moscow State University*

Leninsky Gory 1-51, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. To investigate and identify the essence, features and originality of the migration policy of Germany implemented by the 4th coalition government in 2018–2021.

Methodology. The article shows on specific examples how the migration policy was implemented during the specified period, what new ways, methods and conditions contributed to this, what changed in the migration process compared to the previous course. The analytical method, methods of comparison and generalization were used during the study.

Results. In the course of the study of the new migration policy of Germany, some features, important circumstances contributing to its implementation and a number of reasons and factors revealing its essence and novelty were identified.

Research implications. This work will help to deepen and better understand the importance, relevance, usefulness and prospects of the migration policy of various countries. This is truly significant in our times, since in modern conditions the migration process has become global. And human society must prepare for this.

Keywords: migration, Chancellor A. Merkel, migration policy, integration, tolerance, cosmopolitanism, political correctness, Covid crisis, "liberal revolution", false humanism

Введение

Тема иммиграции и интеграции иностранцев (беженцев) в ФРГ в силу определённых обстоятельств была всегда весьма актуальной и злободневной. В последние годы она ещё больше выдвинулась на первый план и стала одной из главных проблем внутренней политики страны.

В данной работе мы рассмотрим эту тему в период деятельности IV правительства А. Меркель (2018–2021 гг.). Последняя имеет самое непосредственное отношение к обозначенной проблеме, т. к. в значительной степени определяла миграционную политику государства.

Миграционная политика ФРГ

Несколько слов о предыстории этого вопроса. ФРГ с первых же дней своего существования (с 1949 г.) заявила о том, что она такое же демократическое государство, как и другие западноевропейские страны, и не имеет ничего общего со своим нацистским прошлым, отрекаясь от него. Причиной такого подхода немцев был тяжёлый груз вины за развязывание и страшные последствия Второй мировой войны. Испытывая вину перед мировым сообществом, немцы хотели приобрести и заслужить новый имидж, повысить свою репутацию как демократической и великодушной нации. Именно такую цель, помимо всего прочего, преследовала и миграционная политика ФРГ, которая во многих отношениях была более толерантной и либеральной, чем в других государствах [9, с. 48].

Это отразилось в определённой степени и в Конституции страны 1949 г., в

§16, который гласил: «Люди, подвергшиеся политическим преследованиям, получают убежище». Данное положение Конституции ФРГ как раз и подтверждало желание немцев выглядеть более толерантными и миролюбивыми. Например, в ФРГ в 2008 г. проживало 82,3 млн человек, из которых 6,7 млн составляли иностранцы, т. е. 8,2% населения страны [8, с. 50].

Миграционная политика немецкого государства в первые десятилетия XXI в. была тесно связана с канцлером А. Меркель. Весьма примечательно, что известный закон «Об иммиграции» в ФРГ был принят в 2005 г.; памятный год – начало долголетнего канцлерства А. Меркель. Этим законом закреплялось признание Германии страной с активной миграционной политикой. Одной из важных частей миграционной политики являлась интеграция мигрантов, которая стала одной из самых больших социальных проблем Германии. Примерно в это же время канцлер заявила: «Мы толерантная и космополитная страна. Поэтому интеграция является ключевой задачей нашего времени» [15, с. 3].

А. Меркель начала серьёзно заниматься проблемами миграции, уже в июле 2007 г. был принят Национальный план по интеграции, включающий в себя более 400 конкретных мер [4, с. 44]. План был составлен с немецкой основательностью и пунктуальностью. Начало, как видим, было обнадеживающим, неплохим, но сложным и трудным. Немцы с определённым пафосом и верой в успешную реализацию смотрели на эту проблему.

Госминистр ФРГ по вопросам миграции М. Бёмер утверждал, что важная цель Национального плана – предоставить всем людям в стране, независимо от их происхождения, равные жизненные шансы [4, с. 46]. Данное утверждение свидетельствовало о том, что определённая властная часть германского истеблишмента, включая и А. Меркель, придерживалась некоторых идей, положений политкорректности.

Против этой точки зрения, уравнивающей всех людей, выступали более трезво и правильно мыслящие и думающие о судьбе страны интеллектуалы. Например, Т. Саррацин, бывший мэр г. Берлина писал: «Политкорректность – это неподтверждённая доктрина об абстрактном равенстве всех во всём и по любому поводу» [14, с. 8]. А люди, как известно, не равны изначально, генетически.

Такую весьма активную миграционную политику с определённым уклоном проводили все 3 предыдущие правительства, возглавляемые А. Меркель, в течение почти 10 лет. На заключительном этапе 3-го правительства в 2015–2016 гг. разразился очень масштабный миграционный кризис, который в силу сложившихся в Германии обстоятельств, проходил с особой остротой и силой.

Самый большой миграционный поток хлынул в ФРГ как в самую развитую, богатую страну Европы с довольно отлаженной миграционной программой, неплохо себя зарекомендовавшей в прошедшее десятилетие (2005–2015 гг.). По времени это совпало с политическим, экономическим и социальным кризисами в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, причинами которых в немалой степени была соответствующая политика США и ряда стран ЕС. Внутренние вооружённые конфликты, безработица, голод, болезни, насилие выталкивали за пределы границ своей страны миллионы людей. Сказалась и роль СМИ, которые по всему миру распространяли картины европейского благоденствия. У миллионов людей

за пределами Евросоюза формировалось представление о Европе как о некоем социальном рае¹. И в 2015–2016 гг. миллионы мигрантов хлынули в этот рай, в частности, в Германию. В 2015 г. с благословения А. Меркель страна широко открыла свои границы для беженцев.

Итак, 2015–2016 гг. были отмечены очень высоким притоком иммигрантов в ФРГ. По некоторым данным в указанный период в страну прибыли более 1,1 млн человек [9, с. 41].

Вообще, 2015 г. был знаковым: как раз отмечалась 10-я годовщина «Закона об иммиграции», и этому событию было посвящено специальное совещание. Бывший президент бундестага Р. Зюссман заявила: «несмотря на все неудачи, мы демократическая страна, которая способна выдержать трудности, возникающие при приёме переселенцев... Нам необходима миграция, чтобы оставаться инновационно развитой и устойчивой страной» [15, с. 10]. Как видим, власти страны не думали отказываться от своей миграционной политики, но многие её вопросы не были хорошо продуманными, не имелось чёткой системы по приёму огромного количества мигрантов (беженцев). Особенно в сложном положении оказались местные органы власти, которых в буквальном смысле слова захлестнул этот миграционный поток.

Миграционный кризис 2015–2016 гг. повлиял на экономику и на внутриполитическую ситуацию в ФРГ. Это выразилось в кризисе традиционных партий (прежде всего, ХДС/ХСС и СДПГ), усилении политической борьбы на муниципальном, региональном и земельном уровнях, увеличении протестного движения в стране [10, с. 19].

Германия по миграционной проблеме разделилась на 2 противоборствующих течения:

1. *промигрантское*, куда входило довольно большое количество либерально

¹ Костиков В. В лабиринтах гуманизма // Аргументы и факты. 2021. № 47. С. 7.

настроенных немцев, поддерживающих беженцев;

2. *антииммигрантское*, куда входили различные группировки с расистской идеологией: от скинхедов до членов ультраправых организаций. Свою жёсткую позицию они выражали через насильственные действия против иммигрантов.

Ярко выраженной организацией, выступающей против иммигрантов, была, например, «ПЕГИДА». Примечательно, что это антиисламское общество возникло в декабре 2014 г. в восточной части Германии, находящейся в более сложных условиях, чем западные земли страны. А. Меркель резко судила действия организаторов [1, с. 7]. Так что 2015–2016 гг. стали весьма трудными для ФРГ в плане эффективного осуществления миграционной политики. Довольно сильный миграционный поток, хлынувший и в 2017 г. в Германию, привёл к дополнительным нагрузкам на бюджет, ухудшил качество жизни различных слоёв населения страны. Всё это вызвало большие протесты со стороны многих немцев. Канцлера достаточно жёстко критиковали главным образом из-за миграционных проблем, адаптации мигрантов и приёма беженцев [7, с. 62].

Такую политику А. Меркель осуждали даже некоторые её однопартийцы, а на выборах в бундестаг осенью 2017 г. правящий блок ХДС/ХСС получил всего 1/3 голосов. Несмотря на все перечисленные сложности и трудности, команда А. Меркель одержала всё же трудную победу на выборах в Бундестаг и сформировала IV коалиционное правительство, которое вынуждено было работать в сложных условиях [13, с. 58]. Расклад политических сил в стране сложился таким образом, что переговоры о формировании нового правительства затянулись на полгода, и «большая коалиция» в составе ХДС/ХСС и СДПГ приступила к работе только в марте 2018 г. [5, с. 37]. Это правительство в плане проведения миграционной политики стало некоторым исклю-

чением, т. к. эта политика проводилась при других условиях и обстоятельствах, имела свои особенности и специфику, например, иммиграционные процессы в странах ЕС, в т. ч. и ФРГ, протекали в условиях глобализации, являясь определённым образом её проявлением.

Даже в этот нелёгкий период правительство ФРГ не отказалось от масштабной, целенаправленной миграционной политики. Немцы в этом вопросе исходили из своих собственных интересов и соображений. Например, необходимо было учитывать одно важное обстоятельство: в рассматриваемый период в Германии наиболее острой была демографическая проблема. Мотивация властей, на первый взгляд, была вполне разумна: в связи со старением населения страны и низкой рождаемостью мощной экономике ФРГ стало не хватать рабочих рук. И в связи с этим немецкие эксперты прогнозировали, что в ФРГ через 10–15 лет может остаться половина трудоспособного населения от нынешнего числа, а это, по мнению специалистов, могло вылиться в серьёзный экономический кризис.

Другими причинами продолжающейся активной миграционной политики ФРГ были те обстоятельства, что немцам нужны были иммигранты для поддержания конкурентоспособности на мировом рынке и для решения проблемы дефицита рабочей силы в отдельных секторах экономики Германии [3, с. 104].

Все эти обозначенные положения и причины лежали в основе миграционной политики и интеграционной программы IV правительства А. Меркель.

Хочется напомнить и ещё об одном особом обстоятельстве: о необходимости немцев заглянуть свою вину перед другими народами за жестокость и зверства, совершённые в ходе Второй мировой войны. Для немцев это является особой задачей и осознанной необходимостью. И в качестве одного из возможных механизмов компенсации они видят проведение толерантной миграционной политики.

Итак, перед IV правительством А. Меркель стояла масса проблем, связанных с миграционной политикой. Это, в первую очередь, вопросы, связанные с приёмом, размещением и содержанием мигрантов, проблемы безопасности и различных угроз со стороны беженцев, денежные затраты на финансирование программ интеграции более 1 млн беженцев и т. д. Кстати, по некоторым данным Федерального министерства финансов ФРГ, опубликованным в политическом немецком еженедельнике «Spiegel», Германия до 2020 г. должна была потратить на мигрантов около 93,6 млрд евро.

Эти огромные деньги свидетельствовали о том, какое большое внимание уделяли правительства А. Меркель на решение миграционных проблем. Поэтому немцы не без основания считали А. Меркель и её партию (ХДС/ХСС) мощным стимулятором, а точнее генератором миграционной политики в стране.

Действительно, кабинет А. Меркель делал много усилий и проводил различные мероприятия, чтобы контролировать создавшуюся ситуацию. С одной стороны, хорошо организованная и жёстко контролируемая миграция удовлетворяла потребности рынка труда и способствовала в той или иной степени решению демографической проблемы. С другой стороны, миграция, особенно если она плохо организована, способствует формированию ряда довольно серьёзных проблем. С учётом всего вышеизложенного и возникших обстоятельств в стране, кабинет А. Меркель стал более серьёзно, грамотно и взвешенно проводить миграционную политику в ФРГ.

Вскоре были приняты и новые нормативно-правовые акты Германии в сфере регулирования миграционных процессов. К примеру, 4 июля 2018 г. был принят Генеральный план по миграции¹.

¹ Massnahmen zur Ordnung, Steuerung und Begrenzung der Zuwanderung (Генеральный план по миграции от 04.07.2018) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/media/media-43220.pdf> (дата обращения: 20.12.2021).

На основе этого плана осуществлялась правительством и соответствующими службами хорошо организованная миграция, которая довольно положительно воспринималась определённой частью немецкого населения. Это, прежде всего, часть немецких бизнесменов, представители определённых отраслей экономики, некоторая часть немецкой молодёжи, далекой от политики или придерживающейся либеральных взглядов.

Правительство ФРГ старалось направлять, контролировать и осуществлять в рамках принятых норм и правил миграционный процесс. В то же самое время оно ужесточало миграционную политику. Тут нужно принимать во внимание ещё ряд обстоятельств и факторов. ФРГ имела хорошо разработанную программу адаптации и была крайне привлекательна для мигрантов. Более того, нужно учесть ещё один исторический фактор: ближневосточные и африканские страны не были колониями Германии (за исключением Намибии), поэтому и сложных отношений между этими странами не было [7, с. 39].

Большое внимание кабинет А. Меркель уделял тем проблемам, которые мешали нормальному процессу миграции и интеграции в ФРГ. Одними из таких проблем было неупорядоченное перемещение мигрантов по стране, осуществление нелегальной трудовой деятельности в теневом секторе экономики, довольно большое количество нелегальных иммигрантов и другие сложности.

Упомянутые обстоятельства негативно влияли на экономику страны, усиливали безработицу, а в политической сфере способствовали усилению ксенофобских настроений среди немцев [10, с. 18].

Работа в стране по улучшению миграционного процесса продолжалась, несмотря на имеющиеся проблемы. Соответствующими ведомствами и специалистами были проведены дополнительные исследования и рассмотрены возможности, способствующие инте-

грации беженцев (мигрантов), а также их семей с миграционным прошлым в немецкий социум. Миграционный процесс в годы деятельности IV правительства довольно чётко контролировался и осуществлялся, а его управление носило уже комплексный характер. Правительство страны более трезво, правильно и беспристрастно осуществляло подход к трудностям, задачам и целям миграционной политики.

Миграция стала одной из важнейших проблем современной Германии. Большую и труднопредсказуемую проблему представляла нелегальная миграция, т. е. кризисный момент, когда миграция приобретает неорганизованный характер и порождает криминальную обстановку в принимающей стране. К примеру, с нелегальной миграцией связано в том числе образование этнических анклавов, в которых должным образом не работают законы.

С нелегальными мигрантами также связана довольно большая опасность: среди них могут быть опытные преступники и скрытые боевики из запрещённых террористических групп.

Небезынтересно отметить, что ещё в июле 2016 г. в «Белой книге бундесвера» была обозначена политика безопасности Германии и среди основных видов безопасности названы: развал государственности и гражданские войны в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, неконтролируемая миграция¹.

В некоторых районах ФРГ возникла сложная ситуация, и в немецком обществе появилась тенденция к росту немотивированной агрессии [11, с. 33]. Особенно более активной становится деятельность молодых криминальных групп. IV правительство А. Меркель, несмотря на сложившиеся условия, придерживалась курса на обеспечение безопас-

ности государства. В связи с этим в новом коалиционном договоре был специальный раздел, посвящённый миграционной политике. И под давлением соответствующих настроений в немецком обществе был закреплён пункт об установлении верхнего предела приёма беженцев (180–200 тыс. человек в год) и установлены квоты на восстановление семей не более 1 000 человек в месяц [6, с. 190–191].

Изложенные мероприятия и определённые инициативы IV правительства А. Меркель в области миграционной политики не прошли даром: в этот период она стала более организованной, хорошо контролируемой, регламентируемой и менее масштабной, т. е. количество въезжающих мигрантов сокращалось. Всё сказанное и сделанное несколько снизило напряжённость вокруг миграционного процесса в ФРГ. Конечно, в первую очередь это было связано с уменьшением количества беженцев. К примеру, если в 2015 г. в Германию въехали 890 тыс. мигрантов, то уже в 2017 г. – чуть больше 190 тыс. [2, с. 43], т. е. меньше чем в 4 раза.

Более того, было ужесточено миграционное законодательство и проведены внутриполитические реформы [3, с. 103–111].

Тем не менее миграционная тематика и проблемы, связанные с ней, оказывали достаточно серьёзное влияние на политическую ситуацию в ФРГ. К примеру, проблема беженцев стала «яблоком раздора» в июне 2018 г. в партии ХДС/ХСС – между А. Меркель и председателем ХСС и министром МВД ФРГ Х. Зеehoфером, выступающим за сокращение потока мигрантов. В конечном итоге дело решили компромиссом.

Говорить о социально-экономических последствиях миграции ФРГ пока ещё рано и проблематично.

Рассмотрим положительные и отрицательные стороны. И по этому поводу есть различные точки зрения. Отрицательные выражаются, прежде всего, в том, что приток мигрантов приводит к увеличению бюджетных расходов, и возникает

¹ «Белая книга» ФРГ: новое не только о России // Kherson.life: [сайт]. URL: <https://kherson.life/mir/dw-belaya-kniga-frg-novoe-ne-tolko-o-rossii/> (дата обращения: 25.05.2022).

риск государственного долга. Более того, большинство мигрантов-беженцев не работает, их увеличение приводит и к росту безработицы. С появлением большого числа беженцев в Германии повысилась преступность. Массовая миграция, как минимум, ведёт к культурным противоречиям, максимум, – к насилию, терроризму, исламизации. Положительная сторона миграции должна выразиться в том, что увеличится рост объёмов производства, совокупного спроса, налогооблагаемая база за счёт интеграции прибывших в производство. По мнению некоторых экспертов, издержки должны обернуться выгодами [9, с. 46]. Другие же эксперты считают, что только при условии грамотных мер по интеграции мигрантов, расходы, которые несёт правительство А. Меркель, окупятся лишь к 2025–2027 гг.

Для осуществления интеграции IV правительство использовало следующий инструментарий: создание сети языковых курсов; профессиональное обучение мигрантов; привлечение мигрантов к работе на различных предприятиях.

Несмотря на такую, казалось бы, солидную подготовку, возникали и трудности. Например, отмечалась низкая квалификация большинства мигрантов. Для развитой ФРГ это обстоятельство является серьёзным вызовом для её экономики. Темпы трудоустройства мигрантов также были медленны, и сферы их деятельности не отличались большим разнообразием. К примеру, очень большая их часть трудится в ресторанном или гостиничном бизнесе.

Правительство продолжало проводить уже изменённую политику и использовать различные методы, касающиеся решения миграционных проблем. Решению такой сложной задачи способствовали мощная финансовая база страны и ведущая роль ФРГ в ЕС.

Возникали трудности и другого характера. Они были связаны с усилением политического веса партий и движений, стоящих на антииммигрантских позици-

ях. Безусловно, это ещё больше обостряло дебаты и споры среди различных слоёв населения, партий, организаций, парламентских фракций. Подобная атмосфера всколыхнула немецкое общество, в котором усилились радикальные настроения.

Например, активизировались представители правого экстремизма в Германии, и в 2018 г. ими было совершено 20 431 правонарушений, связанных с различного рода конфликтами с мусульманами: было совершено 824 нападения на мусульманские и религиозные объекты [12, с. 60].

Есть и другая промигрантски настроенная часть немецкого общества, которая восторженно принимает идею того, что Германия настолько открытая страна. Эта часть требует от правительства А. Меркель, чтобы оно принимало и защищало беженцев. Такой настрой характерен для достаточно большой группы, особенно молодых немцев, заражённых либеральными идеями.

Те изменения в миграционной политике, которые сделало IV правительство, привели и к положительным результатам. По крайней мере, иммигранты в ФРГ интегрировались успешнее, чем в других странах Европы, что подтверждали исследования ЕС 2018 г. Этому способствовали: внимание властей языковым курсам и различным программам по интеграции, на которые было потрачено много средств и усилий; устранение бюрократической волокиты, которая присутствовала в миграционной политике (например, упрощён выход на рынок труда тем, кто ещё не получил официального статуса); был сокращён срок, в течение которого иммигрантам нельзя было работать (с 1 года до 3 мес.), были внесены и другие изменения, облегчающие процесс интеграции.

Миграционная политика правительства Меркель разделила немцев на 2 противоборствующих лагеря. И, несмотря на принятый ранее Федеральным правительством ФРГ комплекс мер по

миграции и тренда на снижение количества прибывших граждан третьих стран на получение статуса беженца (2019 г. – 111 094 чел., 2018 г. – 129 628 чел.), в немецком обществе сохраняется напряжённость в отношении перспектив развития миграционной ситуации¹.

В условиях пандемии временно был прекращён приём беженцев по гуманитарным причинам [12, с. 61]. Но в связи с локдауном у немцев появились серьёзные опасения, что приезжие останутся без должного контроля со стороны миграционных органов страны. Например, в одной только Германии количество исчезнувших беженцев-мигрантов превысило более 700 человек с 2018 по 2020 г., а это породило преступные и неконтролируемые организации, созданные радикальными мигрантами. К примеру, «в Бонне молодые исламисты организовали “полицию шариата” которая “следит за порядком” на улицах: бьёт морды немцам, которые пьют пиво и играют в бридж. Они же объясняют раскрепостившимся землякам, что надо носить хиджаб, а немкам – что за мини-юбку их запросто могут изнасиловать»². Количество противоправных действий со стороны правого экстремизма в 2019 г. достигло 22 337 случаев [12, с. 59].

Но в то же время период пандемии несколько стабилизировал миграционный вопрос. Этому способствовали падение авторитета традиционных, влиятельных партий (СДПГ и ХДС/ХСС), усиление позиций правопопулистских партий и антииммигрантских движений; в стране обострилась внутривнутриполитическая дискуссия по миграционному вопросу среди различных партий, кругов общественности; в обществе усилились радикальные настроения.

¹ 111094 поданных заявок на статус беженца в 2019 г. // Bundesministerium des Innern und für Heimat: [сайт]. URL: <https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/pressemitteilungen/DE/2020/07/asylzahlen-jahr-2019.html> (дата обращения: 29.03.2020).

² Тереньев Д. Народ к возврату готов // Аргументы недели. 2021. 20 октября. № 41.

Всё вышесказанное вносило соответствующие коррективы в миграционную политику властей, которая становилась более взвешенной, более реалистичной и прогнозируемой. Да и статистические данные за 2020 г. подтверждали ослабление миграционного давления на Германию: количество поданных ходатайств на получение статуса беженца в ФРГ находилось на низком уровне.

Несмотря на приведённые положительные примеры миграционной политики ФРГ, не всё было так благополучно в проходящем миграционном процессе. Мы уже упоминали о достаточно большой промигрантской части немецкого общества, которая буквально заражена пагубными идеями, в частности идеей «либеральной революции» с присущими ей особенными целями: проведением экологических, «зелёных» реформ и защитой прав человека. Речь идёт не о настоящем гуманизме, а о ложном, который показывает миру, что либеральные ценности стоят превыше всего. А тот, кто не хочет на них равняться, становится врагом³.

Такой либерализм разделяет взгляды немцев по миграционному вопросу. Либеральных взглядов придерживаются в основном и руководящие круги Германии. В то же время увеличивается рост радикализма в стране. О росте радикализма среди немецких полицейских, а так же военных много писали немецкие СМИ. За последние годы в органах безопасности страны на разных уровнях были зарегистрированы 380 подозрений в правом экстремизме. В Германии сейчас запущены 2 больших проекта по изучению проявлений дискриминации и расизма⁴.

Данные факты свидетельствуют о явных перегибах и отклонениях в политике властей. Вместо того чтобы бороться с преступностью в стране, особенно со

³ Яшлавский А. Есть ли жизнь после Меркель // Московский комсомолец. 2021. 6 октября.

⁴ Забродина Е. Патруль слушают // Российская газета. 2021. 29 октября.

стороны мигрантов, и держать в рамках приличия и закона беженцев, часто нарушающих установленные правила и порядок, власти тратят силы и ресурсы на бессмысленные цели, на то, чтобы узнать, что думают и говорят немецкие полицейские о мигрантах. Это – яркое проявление политики правительства А. Меркель на практике.

Хотелось бы обратить внимание на влияние могучей бюрократической прослойки Старого Света на миграционные потоки как в Европе, так и, в частности, в Германии. Указанное влияние выражается, прежде всего, в поддержке иммигрантов и в отстаивании их прав¹. Это убедительно проявляется на практике. К примеру, ещё в 2015–2016 гг. в Германии существовала программа принятия беженцев, которая предоставляла им определённые права и привилегии и ради которой мигранты стремились в ФРГ. Через 5 лет в ФРГ программа принятия беженцев изменилась ещё больше в пользу последних.

По некоторым данным, из германского бюджета на обслуживание приезжих тратится почти вдвое больше, чем на оборону². В благополучной Германии взрослый беженец в 2021 г. получает пособие в 300–400 евро в месяц. На каждого ребёнка 6–13 лет доплачивают ещё 242 евро (с 14 лет – чуть больше, до 6 – чуть меньше). Плюс компенсируется аренда социального жилья 500–600 евро, а также медицинская страховка³.

При осуществлении таких больших и трудных задач всегда возникает много вопросов, и немцы (mit deutschen Gründlichkeit – с немецкой основательностью) стараются их решить. Что мы и видим, анализируя деятельность IV правительства А. Меркель в области миграционной политики.

¹ Тереньев Д. Народ к возврату готов // Аргументы недели. 2021. 20 октября.

² Там же.

³ Перевозкина М. Дорогой проект «Тихановская» // Московский комсомолец. 2021. 19 ноября.

Заключение

2021 г. был последним годом правления IV правительства, возглавляемого А. Меркель. В сентябре, по мнению многих, прошли необычные выборы в бундестаг, где партия А. Меркель потерпела поражение. Они показали: большие «народные» партии начинают сходить с политической арены. И выборы, и последствия пандемии продемонстрировали, что многие немцы начали отказываться от прежних установок: от либерализма и индивидуализма люди стали склоняться в сторону коллективизма и возвращения к социализму, к идее сильного государства, которое в условиях пандемии обеспечило бы всех деньгами и защитило людей от худшего⁴.

16 лет правления Германией А. Меркель продемонстрировали, что это значимая политическая фигура большого масштаба, которая довольно успешно решала многие сложные проблемы и вопросы в различных областях. Например, она справилась с финансовым кризисом, серьёзно угрожающим стране, смогла «обуздать» опасный миграционный кризис, который стал менее заметным, хорошо контролируемым и умело управляемым.

Несмотря на архисложность проблемы миграции беженцев, Германия во многом преуспела по сравнению с другими европейскими странами, хотя и допустила при этом ряд ошибок и просчётов, приспосабливаясь к новым условиям и обстоятельствам.

В решении вопросов, связанных с миграционным процессом, Германия не смогла сразу и в полной мере оценить трудность, масштабность и сложность миграционных проблем, избавиться от иллюзорного мнения о возможностях быстрой интеграции миллионов беженцев (мигрантов) – представителей другой цивилизации, с иным уровнем культуры, другой религии, традиций, норм и

⁴ Яшлавский А. Есть ли жизнь после Меркель // Московский комсомолец. 2021. 6 октября.

жизненных привычек. Эти несовместимость, различия и на сегодняшний день, как показывает жизнь, представляют большие трудности для страны, для немцев, и в будущем это может трансфор-

мироваться в ещё большую опасность не только для Германии, но и для других стран Европы.

Дата поступления в редакцию 22.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Апанович М. Ю. Политические аспекты миграционных процессов в современной Европе. М.: Аспект Пресс, 2018. 83 с.
2. Немецкое представление о безопасности / Ф. Басов, В. Васильев, А. Кокеев, М. Хорольская // Международная жизнь. 2018. № 10. С. 37–43.
3. Веденева В. Интеграция беженцев в Европе: приоритет – трудоустройство // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 1. С. 103–111.
4. Шайян Ж. Германия: жить вместе // Deutschland. 2008. № 5. С. 43–49.
5. Зарицкий Б. Е. Германская экономика: Наследство А. Меркель // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 9. С. 34–42.
6. Зарицкий Б. Е. Экономика Германии. М.: МГИМО-Университет, 2019. 486 с.
7. Киянская А. Золотая жила миграции. М.: Авторская мастерская: Федотов Д. А., 2018. 140 с.
8. Баде К. И. Иммиграция и интеграция в Германии // Deutschland. 2008. № 5. С. 50–51.
9. Малахов В. Германия после «миграционного кризиса»: политика, экономика, общество // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 5. С. 41–51.
10. Надеждин А. Е. Влияние современных миграционных процессов на национальную безопасность Германии: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2021. 24 с.
11. Надеждин А. Криминализация общества-реципиента – результат неупорядоченной миграции. Опыт Германии // Обозреватель. 2018. № 1. С. 31–41.
12. Надеждин А. Е. О текущей миграционной ситуации в Европейском союзе (на примере Германии) // Международная жизнь. 2020. № 11. С. 56–63.
13. Степанов А. ФРГ – Россия: прежний канцлер, прежние отношения? // Международная жизнь. 2018. № 6. С. 48–60.
14. Саррацин Т. Германия: самоликвидация / пер. с нем. Т. А. Набатникова. М.: Рид группа, 2012. 399 с.
15. Толмачева А. Ю. Миграционный кризис в Евросоюзе в 2015–2016 гг.: этнокультурный аспект. М.: ИЭА РАН, 2016. 37 с.

REFERENCES

1. Apanovich M. Yu. *Politicheskiye aspekty migratsionnykh protsessov v sovremennoy Yevrope* [Political aspects of migration processes in modern Europe]. Moscow, Aspect Press, 2018. 83 p.
2. Basov F., Vasilyev V., Kokeyev A., Khorolskaya M. [German ideas on security]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn* [The International Affairs], 2018, no. 10, pp. 37–43.
3. Vedeneva V. [Integration of refugees in Europe: employment as a priority]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World economy and international relations], 2019, no. 1, pp. 103–111.
4. Shayan Zh. [Germany: live together]. In: *Deutschland*, 2008, no. 5, pp. 43–49.
5. Zaritskii B. E. [German economy: Angela Merkel's Heritage]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World economy and international relations], 2021, no. 9, pp. 34–42.
6. Zaritskii B. E. *Ekonomika Germanii* [Economy of Germany]. Moscow, MGIMO-University Publ., 2019. 486 p.
7. Kiyanskaya A. *Zolotaya zhila migratsii* [Gold mine of migration]. Moscow, Avtorskaya masterskaya: Fedotov D. A. Publ., 2018. 140 p.
8. Bade K. I. [Immigration and integration in Germany]. In: *Deutschland*, 2008, no. 5, pp. 50–51.
9. Malakhov V. [Germany after “migration crisis”: economy, politics, and society]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World economy and international relations], 2018, no. 5, pp. 41–51.
10. Nadezhdin A. E. *Vliyaniye sovremennykh migratsionnykh protsessov na natsional'nuyu bezopasnost Germanii: avtoref. diss. ... kand. polit. nauk* [The influence of modern migration processes on the national security of Germany: abstract of Cand. Sci. thesis in Political Sciences]. Moscow, 2021. 24 p.

11. Nadezhdin A. [Criminalization of the recipient society - the result of unregulated migration. Germany case study]. In: *Obozrevatel* [Observer], 2018, no. 1, pp. 31–41.
12. Nadezhdin A. E. [On the current migration situation in the European Union (on the example of Germany)]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn* [The International Affairs], 2020, no. 11, pp. 56–63.
13. Stepanov A. [Germany and Russia: same chancellor, same relations?]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn* [The International Affairs], 2018, no. 6, pp. 48–60.
14. Sarrazin Th. *Deutschland Schafft Sich* (Rus. ed.: Nabatnikov T. A., transl. *Germaniya: samolikvidatsiya*. Moscow, Reed group Publ., 2012. 399 p.).
15. Tolmacheva A. Yu. *Migratsionnyy krizis v Yevrosoyuze v 2015–2016 gg.: etnokulturnyy aspekt* [Migration crisis in the European Union in 2015–2016: ethnocultural aspect]. Moscow, IEA RAN Publ., 2016. 37 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шелудченко Николай Петрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Московского государственного областного университета;

e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Андреева Анна Юрьевна – студент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

e-mail: ru201076@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolai P. Sheludchenko – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science, Moscow Region State University;

e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Anna Yu. Andreeva – student, Lomonosov Moscow State University;

e-mail: ru201076@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шелудченко Н. П., Андреева А. Ю. Миграционная политика IV правительства А. Меркель (2018–2021 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 93–103.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-93-103

FOR CITATION

Sheludchenko N. P., Andreeva A. Yu. Migration policy of the 4th government of A. Merkel (2018–2021). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 93–103.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-93-103

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(470)''1764/1774''+327

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-104-112

«СЕВЕРНАЯ СИСТЕМА» КАК ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В 1764–1774 ГГ. В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Миловский Н. М.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать рассмотрение предпосылок, причин и эволюции так называемой «Северной системы», создаваемой внешнеполитическим ведомством России в первые годы царствования российской императрицы Екатерины II, в исторических исследованиях.

Процедура и методы. Использовался системный подход, который даёт возможность провести глубокий и всесторонний анализ историографии рассматриваемой проблемы.

Результаты. Суммированы и проанализированы основные оценки, представленные в исторических исследованиях, по проблеме места и роли «Северной системы» во внешнеполитическом курсе Российской империи XVIII в., в вопросе противостояния в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. со странами, входящими в так называемый Восточный барьер.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы статьи могут быть использованы для подготовки лекций по истории России XVIII в. и истории внешней политики.

Ключевые слова: Российская империя, XVIII век, внешняя политика, Н. И. Панин, «Северная система»

THE «NORTHERN SYSTEM» AS A VECTOR OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN 1764–1774 IN THE WORKS OF DOMESTIC RESEARCHERS

N. Milovsky

Moscow Region State University

ul. Very Voloshonoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the consideration in historical studies of the background, causes and evolution of the so-called “Northern System” created by the Russian Foreign Ministry in the early years of the reign of the Russian Empress Catherine the Great.

Methodology. The study applies systematic approach which enables to conduct a deep and comprehensive analysis of the historiography of the problem under consideration.

Results. The study summarizes and analyzes the main assessments presented in historical studies on the problem of the place and role of the “Northern System” in the foreign policy of the Russian Empire of the XVIII century, on the issue of confrontation during the Russo-Turkish war of 1768–1774 with the countries included in the so-called “Eastern Barrier”.

Research implications. The materials of this article can be used to prepare lectures on the history of Russia of the XVIII century and the history of foreign policy.

Keywords: The Russian Empire, 18th century, foreign policy, N. I. Panin, “the Northern System”

Введение

Изучение истории внешнеполитической деятельности всегда актуально, т. к. она во многом характеризует вектор развития всего государственного строя и всей государственной политики, а также прочно взаимосвязана с внутренней политикой страны, даёт представление о состоянии общества и власти, их взаимоотношениях. Внешняя политика предопределяет умение государства выстраивать диалог с другими странами и сообществами, что во многом характеризует международную ситуацию, возможность мирного сосуществования стран с различными идеологией, религией и ментальностью населения. И исторический опыт играет в этой связи первостепенную роль, поскольку появляется возможность избежать просчётов и ошибок, имеющих порой фатальные последствия. Внимательное отношение к урокам истории невозможно без учёта научных разработок, в которых представлен весь спектр обобщений и оценок изучаемого вопроса.

Предметом данной статьи выступают представленные и проанализированные в исторических исследованиях особенности внешней политики Российской империи в первые годы царствования Екатерины II. Цель – проанализировать, представленную в исследовательской литературе эволюцию создания внешнеполитической структуры «Северной системы», стоящие перед ней задачи и историю деятельности этого дипломатического механизма на практике.

Для достижения поставленной цели необходимо выяснить, какие задачи

стояли перед внешнеполитическим ведомством Российской империи в 1760-х – первой половине 1770-х гг., какие пути и методы предусматривались для их решения, и почему ставка делалась на союз государств, отношения между которыми нельзя было характеризовать изначально как дружественные.

Исследование поставленных задач проводилось в соответствии с принципами историзма и системного метода, что позволило осуществить всесторонний научный анализ заявленной к рассмотрению проблемы в целом.

«Северная система» (или «Северный Аккорд») уже выступала предметом изучения отечественных исследователей. Однако в подавляющем большинстве работ его появление и существование рассматривалось скорее как проходное событие, не оказавшее решающего значения ни на авторитет Российской империи, ни на общую ситуацию в Европе. Подобная ситуация есть результат невнимательного отношения к истории зарождения идеи, процессу создания и обоснования появления «Северного союза», стоящих перед ним задач и результатов его деятельности.

Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II

Согласно мнению исследователя П. Александрова в первой половине XVIII в. внешняя политика большинства европейских стран представляла собой соотношение идей политического равновесия, с одной стороны, и идей политических конъюнктур – с другой [1, с. 6; 18, с. 120–122]. Учитывая тот факт, что

внешняя политика оценивалась как приоритетная (в сравнении с внутренней политикой), несложно понять, какая из указанных идей преваляла в большинстве стран. И Российская империя не была исключением из общих правил.

Глобальные изменения во взглядах на выработку рациональных и адекватных принципов внешнеполитической деятельности пришлось на время правления Екатерины II.

Исследователи конца XIX – начала XX вв. считали, что в это время были заложены те основания внешнеполитического курса Российской империи, которые затем долгое время оставались системообразующими для государства вплоть до 1820-х гг. [5; 7; 8; 10; 13; 14; 17; 19; 20]. Причина этого, как отмечает П. Александров, – выстраивание внешней политики по строго определённой политической системе, по чётко выверенному вектору [1, с. 49].

Во многом с предшественниками согласны и исследователи XX – начала XXI вв., утверждавшие, что Екатерина II определила для себя, что внешнеполитическая доктрина Российской империи будет чётко проработана и отличаться оригинальностью, без какого-либо «ориентира» на западноевропейские аналоги [2; 4; 13].

По мнению ряда российских исследователей, задачи, стоявшие перед Екатериной II во внешнеполитической сфере, разделялись на территориальные и национальные. В частности, это задачи достижения «границ русской национальности» на западе и юге и достижения «естественных границ на юге» [1, с. 12, 16, 17]. Однако ни один из исследователей, так ставящих вопрос, не определял пределы продвижения на юг и запад, а также критерии, которые бы обосновывали и само продвижение, и границы, как «естественные», так и «национальные». Вся существующая историческая литература не давала и не даёт чёткого и однозначного ответа на этот важнейший вопрос.

Интересно, что при определении естественных и национальных границ выявился и обострился самый главный вопрос внешней политики 1760-х – 1770-х гг. – о православном населении, жившем в Польше, да и о самой Польше – её месте и роли в противостоянии двух ветвей христианства, двух мировоззрений – западноевропейского и российского [16, с. 411–412].

Этот «польский вопрос», по сути, стал одной из реальных предпосылок войны 1768–1774 гг., в которой противостояли друг другу Россия, Турция и Польша, но реально за спиной российских противников стояли Франция, Австрия и Швеция. Таким образом, войну эту можно считать европейской, вызванной стремлением ряда стран к пересмотру национальных и географических («естественных») границ [15].

Война не была неожиданной для России, её начало старались оттянуть, ради чего российское внешнеполитическое ведомство стремилось сплотить вокруг себя потенциальных союзников [10], которых можно было привлечь либо с помощью финансовых вливаний, либо путём долгих и перманентных убеждений.

Исследователи отмечают, что Екатерина II изначально решила отказаться от политики «случая и подкупа», которой придерживались российская императрица Елизавета Петровна и вице-канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, а действовать «по иному пути и плану» [1, с. 49]. План этот предусматривал создание альянса, который объединил бы вокруг Российской империи союзников, в т. ч. потенциальных. Екатерина II, склонная в самом начале своего царствования к «конъюнктурному» направлению внешнеполитической деятельности (которое базировалось бы на двух «принципах» – случай и обстоятельство), приняла иную идею внешнеполитической деятельности – идею союза и союзников при решении важнейших геополитических проблем [4].

Отечественные историки до сих пор не могут прийти к единому мнению: дей-

ствовал ли глава коллегии иностранных дел Н. И. Панин самостоятельно [12] или был лишь выразителем воли императрицы? [10].

На наш взгляд, важен иной вопрос: насколько эффективным был этот «тандем» Екатерины II и Н. И. Панина? Ответ может дать история «Северной системы» (или, как её определяют в ряде работ, «Северного Аккорда»), идею которой выдвинул русский посланник в Дании И. А. фон Корф, развил глава коллегии иностранных дел Н. И. Панин, а Екатерина II одобрила и всячески поддерживала.

«Северная система»

В чём заключались цели и задачи этого внешнеполитического «объединения»? В создании союза государств, способных противостоять влиянию, в первую очередь, Франции, которая рассматривала Российскую империю как основного своего геополитического противника и всячески препятствовала её продвижению, как на западном, так и на южном направлениях.

Совершенно прав П. П. Черкасов в том, что официальный Париж и официальный Петербург традиционно придерживались различных взглядов и оценок на ситуацию в мире. Ещё с начала XVII в. Франция вынашивала идею создания «Восточного барьера», составленного из «исторических» противников Российской империи в устремлениях к морям, торговым путям и к новым территориям – Швеции, Польши и Турции [19, с. 50].

Авторы «Истории дипломатии» считали, что цель панинского проекта – это союз государств с «участием Англии», направленный против «Франции и её союзницы Австрии» [3, с. 287], который должен был вывести Российскую империю из перманентной зависимости от западноевропейских держав, предоставив ей право самой, самостоятельно, решать важнейшие геополитические проблемы, особенно на северо-западе европейского континента [3, с. 288].

«Северную систему» порой определяют ещё как союз не католических государств, направленный против католических держав [1, с. 51]. Но данное определение, на наш взгляд, не совсем точно отражает ситуацию, поскольку Панин рассчитывал привлечь к союзу с Россией католическую Польшу. Да и в Пруссии, и в Англии в вопросе соотношения «весомости» различных религиозных деноминаций было не всё однозначно.

В состав «Северной системы» должны были войти Россия, Пруссия, Дания (рассматривались Паниным как «державы, внешнеполитически активные»), Польша и Швеция («державы пассивные», от них требовалось сохранение нейтралитета).

Основными фигурами «Северной системы» оставались, по идее Панина, Россия и Пруссия. Последняя после окончания Семилетней войны 1756–1763 гг. из лагеря противников России перешла в стан союзников (хотя, по мнению большинства исследователей, и непоследовательных [5, с. 80]). Ряд учёных считают, что панинские идеи не встретили одобрения в Пруссии, поскольку прусский король Фридрих II опасался принимать на себя обязательства, которые ещё больше привязывали его к Российской империи. Его вполне устраивали роль и место своего государства, которое оно занимало после окончания Семилетней войны 1756–1763 гг.

Если с местом, ролью и позицией Пруссии всё было ясно, то Данию привлечь на свою сторону Россия рассчитывала достаточно быстро. Екатерина II пообещала датскому двору решить вопрос с государственной принадлежностью герцогства Голштинии, на которую официальный Копенгаген претендовал много десятилетий.

Панин также рассчитывал на привлечение к «Системе» стран, которые оставались либо нейтральными (Англия), либо были даже в чём-то враждебными к Российской империи (Швеция). А вот этот аспект не нашёл ещё отражения в исследованиях, хотя по сути шла борьба

за Польшу и Швецию между «Северной системой» и «Восточным барьером.

Для той и другой противоборствующих на международной арене сторон была важна позиция Англии, которая занимала одно из лидирующих положений в мире. Но британский истеблишмент, воспринимая Францию как своего «извечного» (на тот момент) противника за сферы рынков сырья и товаров, торговые пути и новые колонии, однозначно высказывалась за участие (скорее – опосредованное) в «Северной системе» [6, с. 77, 84; 9, с. 81].

Выбор союзников, борьба за них, учёт интересов каждого государства, обещание привилегий и получение дивидендов – всё это отдельные звенья создаваемой Паниным цельной системы.

А. Гаврюшкин, правда, утверждает, что осуществить задуманное Екатериной II и Паниным в полном объёме, естественно, не удалось [6, с. 77]. Хотя бы потому, что вне «Системы» находился ряд стран, на участие которых в противостоянии с Францией Россия очень рассчитывала, или которые так и не определились в своём выборе, и их участие в «Системе» оставалось чисто формальным. Но благодаря идеям Панина, внешняя политика Российской империи приобретала последовательность, были ясны её цели и задачи, а средства достижения последних представляли собой единое целое¹.

В итоге цель «Системы» рассматривалась рядом исследователей как сохранение мира и спокойствия на континенте, как отказ от противостояния с частными интересами Франции, Испании и Австрии, но в случае необходимости «Система» оставляла за собой право отстаивания собственных интересов, если только указанные державы (связанные между собой фамильными договорами) решат изменить существующее между европейскими державами равновесие [3].

¹ Тарле Е. В. Екатерина Вторая и её дипломатия. Стенограмма лекции, читанной 7 мая 1945 г. Ч. 2. М.: [б. и.], 1945. С. 5, 13–15.

Нейтрализовать Швецию Панин предполагал с помощью Англии, которая выражала неудовольствие государственными и торговыми связями Стокгольма и Парижа. И именно в Швеции Россия столкнулась с первым серьёзным испытанием [6, с. 89]. Конфликт политических группировок 1768 г. в Швеции вокруг поправок к конституции 1719 г. привёл к тому, что Россия фактически потеряла всякое влияние на ситуацию в этой стране, а Франция – усилила в Скандинавии своё влияние. В результате Швеция для «Северной системы» была утеряна. Мало того, в 1788 г. вспыхнула русско-шведская война (союзником Российской империи в этой войне выступила только датско-норвежская уния).

Гаврюшкин считает, что в борьбе за Швецию России не смогла помочь и Англия, которая имела в этой скандинавской стране не только политический, но и чисто экономический интересы. И хотя в этом вопросе в исследовательской среде не достигнуто единого мнения, внимание британских коммерческих кругов к Скандинавии бесспорно [6, с. 82, 84, 89].

Однако сама Англия от участия в «Северной системе» не отказывалась, поскольку данный союз сулил ей материальные выгоды и реальную помощь в противостоянии и с Францией, и с Турцией. Последняя при поддержке Парижа, по сути, господствовала не только в Чёрном, но и в Средиземном морях. Правда, как отмечают исследователи, в Англии всё хотели заполучить без всяких проблем и затрат [1, с. 53], а подобная позиция вела к тому, что деятельность Лондона в «Северной системе» была непоследовательной и едва заметной.

С начала 1770-х гг., по мнению отечественных исследователей, стал проявлять недовольство и Фридрих II, рассчитывавший несколько лет назад получить от союза с Россией больше, чем имел, выгоду [17, с. 168]. Он выработал свою линию в отношении к «Северной системе», вёл её очень искусно, стараясь получить вы-

году от каждого сделанного шага – будь он в пользу своего союзника России или против.

По мнению исследователей, о времени распада «Северной системы» можно говорить применительно к факту раздела Польши, т. е. – 1772 г. Страны, входящие в «Систему», разделили между собой страну-союзницу, а те, кто в разделе не участвовал (Англия, Швеция), отнеслись к этому политическому нонсенсу безразлично [16]. Хотя российская императрица в 1766 г. считала Речь Посполитую важнейшей составной частью «Северной системы».

Н. И. Панин, в свою очередь, воспринимал сам факт раздела Польши неэтичным, но убедить в этом Екатерину II не смог. Императрица считала, что внешняя политика и этика – вещи несовместимые.

По твёрдому убеждению П. Александрова, после раздела Польши в 1772 г. неуместно даже рассуждать о «Северной системе», которая «исчезла совершенно». Свидетельство тому – охлаждение отношений России и Пруссии, её ближайшего союзника. Окончательно «добила» «Северную систему» политика сближения России с Австрией [1, с. 167].

Заключение

«Северная система» существовала не более 8 лет, и оценки её существования, как следует из анализа позиций работ отечественных историков, диаметрально противоположны.

Как считает ряд исследователей, практическое осуществление идей «Северной системы» оказалось невозможным, первая же попытка реализации последних в Польше привела к антирусским выступлениям в Речи Посполитой и вступлению в войну Турции, что явилось для Петербургского двора полной неожиданностью [1, с. 134]. Хотя, по мнению других, в т. ч. и нашему, война не была неожиданной для России, которая всеми силами старалась оттянуть её начало [2; 17, с. 45].

Исследователи, изучив особенности эволюции «Северной системы», пришли к ряду обобщающих, но порой диаметрально противоположных положений.

Доводы тех, кто оценивал создание и деятельность «Северной системы» отрицательно, сводились к следующему:

1. внешняя политика России в 1762–1774 гг. направлялась «Северной системой», которая не была детально проработана. Выстроенная на «шатком основании» она не могла быть осуществлена, поскольку интересы государств, входивших в «Систему», не совпадали, и невозможно было прийти к их согласию;

2. неразработанная детально «Система» не могла противостоять Пруссии, а потому сделалась внешнеполитическим орудием Пруссии, и пользу от неё получал только Фридрих II;

3. Россия должна была согласиться на раздел Польши, задуманный Фридрихом. Раздел же окончательно перессорил Россию с польской нацией, и результатом этой вражды было много проблем, выгодных для Пруссии впоследствии;

4. сближение с Пруссией обострило отношения России с Францией и Австрией, что повлекло за собой разрыв с Турцией и русско-турецкую войну, к охлаждению отношений, а потом и к разрыву со Швецией;

5. сближения с Англией достигнуто не было, на практике всё вылилось в продление торгового договора и сотрудничество по отдельным дипломатическим задачам;

6. задачи русской политики – присоединение западнорусского края и достижение на юге естественных границ – не были решены в желаемом смысле: на западе вместо воссоединения русских земель – раздел Речи Посполитой, на юге – 2 жестоких и кровопролитных русско-турецких войны из-за выженной степи.

Неудачи «Северной системы» и внешней политики вообще повлекли за собой значительное напряжение сил Российской империи и не дали возможности россий-

ской власти уделять достойное внимание внутренним проблемам. В результате – антиправительственные социальные протесты, понижение экономического благосостояния и затягивание осуществления столь важных для страны социально-экономических реформ [1, с. 194–195].

Критически относились к идее Н. Панина В. О. Ключевский и С. М. Соловьев [11, с. 230–231; 16, с. 316], считавшие «Северную систему» аморфным образованием с неясными целями и задачами, с отсутствием концепции и созданной исключительно лишь по капризу императрицы.

В. Н. Виноградов характеризовал «Северную систему» как неподдающееся определению межгосударственное образование [4, с. 126–127].

Однако в исследовательской литературе есть и другие совершенно противоположные оценки. Е. И. Дружинина считала, что даже «нейтрализация» Австрии – стоила усилий по созданию «Северной системы» [9, с. 74–75]. По убеждению А. В. Гаврюшкина, благодаря «Северной системе» удалось обеспечить на время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. относительную безопасность на северо-западных границах России, не допустить втягивания в вооруженный конфликт Швеции, обеспечить дружественную поддержку Англии и нейтралитет Австрии [6, с. 119].

«Северная система» была необходима Российской империи как инструмент для решения конкретных внешнеполитических задач: Россия стремилась занимать центральное место, играть решающую роль и извлекать все выгоды, сводя к минимуму различного рода издержки. И именно «Северная система» дала возможность России решить важнейшие задачи, связанные с взаимоотношениями с «недружественными странами» – Швецией, Турцией и Польшей. Н. И. Панин видел основной смысл «Северной системы» в том, чтобы вывести Российскую империю из постоянной зависимости от других стран и создать для существования государства условия, обеспечивающие рациональное развитие национального хозяйства [6, с. 77].

По нашему мнению, «Северная система» имела свои положительные и отрицательные стороны, и так же стоит оценивать и итоги реализации этой идеи на практике. Во внешнеполитической, как, впрочем, и во внутривнутриполитической деятельности не стоит ждать сиюминутных успехов, и не всегда даже самые тщательно продуманные теоретические схемы на практике реализуются в полном объеме и в тех результатах, которые предусматривались их авторами.

Дата поступления в редакцию 29.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров П. А. Северная система. Опыт исследования идей и хода внешней политики России в первую половину царствования императрицы Екатерины II. М.: Тип. п./ф. Ломоносов, 1914. 211 с.
2. Бажова А. П. Война 1768–1774 годов. Кючук-Кайнарджийский мир // История внешней политики России. XVIII в. (От Северной войны до войн России против Наполеона) / под ред. Ж. А. Ананян, А. П. Бажова, Г. В. Мелихов и др. М.: Академический проект, 2018. С. 117–124.
3. Бахрушин С. В., Сказкин С. Д. Дипломатия Европейских государств в XVIII веке // История дипломатии / С. В. Бахрушин, А. В. Ефимов, Е. А. Косминский, А. Л. Нарочницкий, В. С. Сергеев, С. Д. Сказкин, Е. В. Тарле, В. М. Хвостов. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1941. С. 251–296.
4. Виноградов В. Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 124–148.
5. Вяземский П. О политике Фридриха Великого с 1763 по 1775 год. М.: тип. Т. Рис, 1868. 96 с.
6. Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин: из истории русской дипломатии XVIII века. М.: Международные отношения, 1989. 172 с.

7. Гребенщикова Г. А. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и средиземноморская политика Екатерины II в донесениях российских дипломатов // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 5–26.
8. Гребенщикова Г. А. Российский флот и дипломатия Екатерины II. Т. 1. СПб.: ИЦ «Остров», 2019. 512 с.
9. Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 368 с.
10. Кареев Н. И. О внешней политике Екатерины II // Вопросы Европы. 1897. № 1. С. 427–435.
11. Ключевский В. О. Русская история. Т. 3. М.: Мысль, 1993. 558 с.
12. Лебедев П. С. Графы Никита и Петр Панины. СПб.: Д. Е. Корчажников, 1865. 375 с.
13. Лылова М. Е. Внешнеполитическая деятельность Екатерины II Великой. Рязань: РВВДКУ, 2010. 481 с.
14. Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Проспект, 2018. 509 с.
15. Россия в коалиционных войнах. XVIII в. / В. Ю. Грибовский, В. И. Мусаев, С. Н. Ковалев, А. А. Михайлов, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов, А. Н. Щерба, А. П. Жарский. СПб.: Изд-во Дмитрия Буланина, 2019. 384 с.
16. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIV. М.: Мысль, 1995. 638 с.
17. Туполев Б. М. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 168–195.
18. Федюнина Т. Н. Письма Екатерины II графу А. Г. Орлову как источник для изучения событий русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серия: Педагогические науки, Гуманитарные науки. 2018. № 4 (281). С. 120–122.
19. Черкасов П. П. Франция и русско-турецкая война. 1768–1774 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 50–76.
20. Якушев М. М. «Разгромленная Турция лежала у ног русской монархии...»: Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года // Военно-исторический журнал. 2021. № 8 (736). С. 42–49.

REFERENCES

1. Aleksandrov P. A. *Severnaya sistema. Opyt issledovaniya idei i khoda vneshnei politiki Rossii v pervuyu polovinu tsarstvovaniya imperatrity Ekateriny II* [The Northern system. The experience of researching the ideas and course of Russia's foreign policy in the first half of the reign of Empress Catherine the Great]. Moscow, Tip. p./f. Lomonosov Publ., 1914. 211 p.
2. Bazhova A. P. [The War of 1768–1774. The Treaty of Kuchuk-Kainarji]. In: Ananyan Zh. A., Bazhova A. P., Melikhov G. V., eds. *Istoriya vneshnei politiki Rossii. XVIII v. (Ot Severnoi voyny do voyn Rossii protiv Napoleona)* [The history of Russia's foreign policy. 18th century. (From the Northern War to the wars of Russia against Napoleon)]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018, pp. 117–124.
3. Bakhrushin S. V., Skazkin S. D. [Diplomacy of European states in the 18th century]. In: Bakhrushin S. V., Efimov A. V., Kosminsky E. A., Narochnitsky A. L., Sergeev V. S., Skazkin S. D., Tarle E. V., Khvostov V. M., eds. *Istoriya diplomatii* [History of diplomacy]. Vol. 1. Moscow, Sotsekgis Publ., 1941, pp. 251–296.
4. Vinogradov V. N. [Diplomacy of Catherine the Great]. In: *Novaya i noveishaya istoriya* [New and recent history], 2001, no. 3, pp. 124–148.
5. Vyazemsky P. *O politike Fridricha Velikogo s 1763 po 1775 god* [On the policy of Frederick the Great from 1763 to 1775]. Moscow, T. Rees Publ. House, 1868. 96 p.
6. Gavruyshkin A. V. *Graf Nikita Panin: Is istorii russkoi diplomatii XVIII veka* [Count Nikita Panin: From the history of Russian diplomacy of the XVIII century]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1989. 176 p.
7. Grebenshchikova G. A. [The Russo-Turkish War of 1768–1774 and the Mediterranean policy of Catherine the Great in the reports of Russian diplomats]. In: *Voprosy Istorii* [Questions of history], 2019, no. 2, pp. 5–26.
8. Grebenshchikova G. A. *Rossiiskii flot i diplomatia Ekateriny II. T. 1* [The Russian Fleet and the diplomacy of Catherine the Great. Vol. 1]. St. Peterburg, IZ «Ostrov» Publ., 2019. 512 p.
9. Druzhynina E. I. *Kuychuk-Kaynardzhiyskiy mir 1774 g. (ego podgotovka i sakluchenie)* [The Treaty of Kuchuk-Kainarji of 1774 (its preparation and conclusion)]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1955. 368 p.

10. Kareev N. I. [On the foreign policy of Catherine the Great]. In: *Voprosy Evropy* [Europe issues], 1897, no. 1, pp. 427–435.
11. Kluhevskiy V. O. *Russkaya istoriya. T. 3* [Russian history. Vol. 3.]. Moscow, Mysl Publ., 1993. 558 p.
12. Lebedev P. S. *Grafy Nikita i Petr Paniny* [Counts Nikita and Peter Panin]. St. Peterburg, D. E. Korszaschnikov Publ., 1865. 375 p.
13. Lylova M. E. *Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' Ekateriny II Velikoy* [Foreign policy activity of Catherine the Great]. Ryazan, The general V. F. Margelov Ryazan Higher Airborne Command School Publ., 2010. 481 p.
14. Pavlenko N. I. *Ekaterina Velikaya* [Catherine the Great]. Moscow, Prospect Publ., 2018. 509 p.
15. Gribovskiy V. Yu., Musaeu V. I., Kovalev S. N., Mikhailov A. A., Korshunov E. L., Rupasov A. I., Shcherba A. N., Zharskiy A. P. *Rossiya v koalitsionnykh voynakh XVIII v.* [Russia in the coalition wars. 18th century]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ. House, 2019. 384 p.
16. Solovlev S. M. *Sochineniya. T. XIV* [Essays. Vol. XIV]. Moscow, Mysl Publ., 1995. 638 p.
17. Tupolev B. M. [Friedrich II, Russia and the first partition of Poland]. In: *Novaya i noveishaya istoriya*. [New and recent history], 1997, no. 5, pp. 168–195.
18. Fedyunina T. N. [Catherine the Great's letters to A. G. Orlov as a source for studying the events of the Russian-Turkish War of 1768–1774]. In: *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogicheskie nauki, Gumanitarnye nauki* [News of Voronezh State Pedagogical University. Series: Pedagogical Sciences, Humanities], 2018, no. 4 (281), pp. 120–122.
19. Cherkassov P. P. [France and the Russian-Turkish War. 1768–1774]. In: *Novaya i noveishaya istoriya* [New and recent history], 1996, no. 1, pp. 50–76.
20. Yakushev M. M. [«Turkey lay crushed at the feet of the Russian monarchy...»: The Kucuk Kaynarca Treaty of 1774]. In: *Voенно-istoricheskii hzurnal* [Military History Journal], 2021, no. 8 (736), pp. 42–49.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миловский Николай Михайлович – начальник управления маркетинга и коммуникаций Московского государственного областного университета;
e-mail: MilovskiyNM@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay M. Milovsky – Department Head, Department of Marketing and Communications, Moscow Region State University;
e-mail: MilovskiyNM@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Миловский Н. М. «Северная система» как вектор внешней политики России в 1764–1774 гг. в трудах отечественных исследователей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 104–112.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-104-112

FOR CITATION

Milovsky N. M. The «Northern System» as a vector of Russia's Foreign policy in 1764–1774 in the works of domestic researchers. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 104–112.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-104-112

УДК 94(470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-113-120

ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ ТЕОРИИ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ильин А. А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности отражения в историографии проблем идейных истоков теории официальной народности.

Процедура и методы. Проведён комплексный анализ историографических источников, в которых освещается вопрос о возникновении теории официальной народности во взаимосвязи с характеристикой исторического контекста Российской империи, в котором происходило формирование взглядов будущих адептов данной теории. В качестве основных методов исторического исследования использовались: идеографический, историко-генетический, типологический и сравнительно-исторический методы.

Результаты. В процессе изучения исторических работ, посвящённых вопросу возникновения теории официальной народности, удалось установить зависимость смены научных парадигм в изучении интеллектуально-исторических феноменов от господствующего идеологического и политического фона эпохи. Кроме того, было выявлено существенное различие интерпретаций и оценок генезиса теории в дореволюционной, советской и постсоветской историографиях. Также установлено недостаточное внимание историков не к политическим, а именно к идейным истокам теории официальной народности, что закономерно побуждает к продолжению исследований этого интереснейшего феномена русской общественно-политической и религиозно-философской мысли.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изученные в настоящей статье данные и полученные результаты являются основой для новых исследований в области истории русской общественной мысли и российской исторической науки.

Ключевые слова: историография, теория официальной народности, русская общественная мысль, русский консерватизм

IDEOLOGICAL ORIGINS OF THE THEORY OF OFFICIAL NATIONALITY: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

A. Ilyin*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the features of the reflection of the problems of the ideological origins of the official nationality theory in historiography.

Methodology. The author conducted the comprehensive analysis of historiographical sources that highlight the issue of the emergence of the theory of official nationality in relation to the characteristics of the historical context of the Russian Empire, in which the views of future adherents of

this theory were formed. As the main methods of historical research the author used ideographic, historical-genetic, typological and comparative-historical methods.

Results. In the course of studying historical works devoted to the question of the emergence of the official nationality theory, it was possible to establish the dependence of the change of scientific paradigms in the study of intellectual and historical phenomena on the prevailing ideological and political background of the era. In addition, a significant difference between the interpretations and assessments of the genesis of the theory in pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet historiographies was revealed. It was also established that historians pay much attention not to the political, but rather to the ideological origins of the theory of official nationality. This naturally encourages us to continue our research into this most interesting phenomenon of Russian socio-political and religious-philosophical thought.

Research implications. The data presented in this article and the results obtained are the basis for new research in the field of the history of Russian social thought and Russian historical science.

Keywords: historiography, theory of official nationality, Russian social thought, Russian conservatism

Введение

Статья посвящена проблеме выявления истоков теории официальной народности в широком культурно-историческом и социально-политическом контексте первой трети XIX столетия. Вопрос о генезисе данного порождения русской консервативной мысли привлекал к себе внимание исследователей с момента своего возникновения. Последние десятилетия ознаменовались повышенным интересом исследователей к русскому консерватизму вообще и к теории официальной народности в частности. На эти темы опубликовано внушительное количество трудов (доклады, статьи, монографии), что свидетельствует об интенсификации исследований по данной проблематике. Только о фигуре и идеях самого С. С. Уварова было несколько работ за последние годы [2; 3; 4; 8; 9]. Не меньший интерес вызывают и персоны других адептов концепции официальной народности как первой попытки построения государственного консервативного идеологического дискурса в пространстве интеллектуального внимания русского образованного общества [6].

Фигура и идеи Уварова, а также его единомышленников очевидным образом актуализируются в пространстве современного академического дискурса. Симптоматично, что статьи различных авторов рассматривают личность и взгляды

Уварова в контексте истории, философии, богословия, т. е. исследования по данной теме обладают отчётливой интенцией междисциплинарного подхода. Однако означает ли значительное количество публикаций по проблеме теории официальной народности, что её дальнейшие исследования уже неактуальны? Такое заключение преждевременно. Мало того, сама история изучения и осмысления данного духовно-исторического феномена представляет собой значимую научную проблему. Но и в изучении теории как таковой по-прежнему можно видеть немало аспектов, нуждающихся в изучении, без прояснения которых наше знание об истории русской общественной мысли вообще, её консервативного крыла в частности, будет страдать неполнотой и, как следствие, неизбежными aberrациями.

Итак, цель настоящей статьи может быть сформулирована как выявление особенностей отображения вопроса об истоках теории официальной народности в отечественной историографии с акцентом на современное состояние проблемы.

В число задач исследования входят:

1) периодизация процесса репрезентации теории официальной народности в отечественной исторической науке;

2) характеристика наиболее типовых взглядов российских историков на про-

блему происхождения триады «Православие. Самодержавие. Народность» и её закрепления в официальном дискурсе власти эпохи Николая I;

3) определение существующих лакун по данному вопросу в отечественной историографии;

4) предложение варианта и направления дальнейшего развития исследований в этой области.

Редукционистские модели объяснения генезиса формулы Уварова

По мнению автора, не до конца прояснённым остаётся вопрос о генезисе и исторических предпосылках появления теории официальной народности в российском социокультурном и общественно-политическом контекстах. Наиболее распространённым объяснением рождения формулы «Православие. Самодержавие. Народность» является указание на стремление Николая I и его сподвижника на посту министра народного просвещения С. С. Уварова не допустить скатывания России к революции. В качестве предпосылки последующей консервативной программы указывают на психологический эффект от восстания декабристов. Один из ярких историков либерального направления А. А. Корнилов видит истоки теории официальной народности в пожеланиях самого императора и стремившегося угодить ему и занять министерское кресло графа Уварова, который со времён Александра I сменил взгляды умеренного либерала на убеждения безусловного консерватора. Вот что пишет об этом сам либеральный историк начала XX в.: «От Уварова прежнего времени к 30-м годам осталась только его солидная научная образованность, а его политические взгляды изменились коренным образом, по-видимому, в соответствии с теми карьерными стремлениями, которые в это время в нём возобладали... Уваров, в бытность ещё товарищем министра при Ливене, получил в 1832 г. командировку, целью которой было обозрение Москов-

ского университета... Уваров представил характерный письменный отчёт, который был составлен с таким тонким пониманием взглядов императора Николая, что непременно должен был привести автора его на министерский пост»¹. В данном отрывке автор фактически полностью дискредитирует С. С. Уварова, представляя его не более чем беспринципным карьеристом, который лишь пользовался теми или иными идеями для собственного карьерного роста.

Тем самым закладывается либеральная матрица крайне тенденциозной оценки любых интенций государственного консерватизма на основе апелляции к трансцендентальным и сверхличностным ценностям. Данная точка зрения мало того, что отказывается от поисков высшего смысла в истории («анти-историософия»), но и отличается явным редукционизмом как методологической парадигмой, согласно которой любые действия консерваторов имеют сугубо утилитарные предпосылки. Мало того, принимая такую точку зрения, мы резко сужаем проблемное поле анализа и интерпретации исторических феноменов. В данном случае происходит игнорирование общего исторического и духовно-культурного фона эпохи. В этом смысле даже советская методология оценки русского государственного консерватизма николаевской эпохи отличается большей систематичностью и аксиологической корректностью, о чём будет сказано ниже.

Следует отметить, что в новейшей российской историографии по проблемам развития русского национального самосознания частично осуществлён выход за пределы одного из двух узких и предвзятых взглядов. Теория официальной народности была порождена:

1. либо карьеристскими соображениями Уварова (либеральная точка зрения, выраженная Корниловым);

¹ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. С. 175.

2. либо сугубо практическими стремлениями императора и его приближённых, желавшими создать идеологический противовес возможным рецидивам декабризма в России (эта точка зрения имела хождение в советской историографии).

Вот что можно прочитать в классическом и фундаментальном для своего времени II томе истории СССР для вузов под редакцией академика М. В. Нечкиной: «Николаевская реакция не ограничивала свою борьбу с революционным движением открытыми репрессиями, ссылками и арестами. Она выработала и реакционную идеологию, которую положила в основу преподавания в школах и университетах, проводила в официальной журналистике, облекла в форму религиозных проповедей и художественных произведений. Реакция пыталась противопоставить передовому мировоззрению, в центре которого стояло революционное понимание роли народа, свою реакционную «теорию» с ложным толкованием этого важнейшего вопроса. В 30-х гг. была выдвинута так называемая теория официальной народности [5, с. 289].

Какая же методологическая модель понимания феномена «уваровской триады» предлагается в этом весьма ёмком и красноречивом пассаже? Прежде всего, мы видим полярное противопоставление «реакции» и «революции» при очевидной негативной оценке первой. Теория официальной народности квалифицируется даже не как «консервативная» (этот термин вообще здесь не употреблён!), но как реакционная, т. е. по определению плохая и исторически проигрышная. Далее она прочно увязывается с репрессивными мерами правительства как их логическое продолжение и дополнение. Наконец, картина дополнена эпитетом «ложности». Таким образом, теория официальной народности охарактеризована в рамках следующей смысловой цепочки: «реакция–репрессии–ложь». Только после данного априорного пассажа, который задаёт матрицу понимания, следует

изложение основных положений самой теории. Хотя, как мы видим, если сравнивать советскую историографическую трактовку теории официальной народности с дореволюционной либеральной точкой зрения, то авторы ортодоксального советского учебника далеки от мысли приписывать Уварову и его единомышленникам узкие корыстно-карьеристские побуждения. Скорее, на основе текста Нечкиной можно сделать выводы, что разоблачаемые советскими историками антагонисты являлись «идейными реакционерами», которые, хоть и заблуждались, проявляли «классовую ограниченность», были на стороне обречённой на историческое поражение реакции, но при всём том были искренне убеждены в истинности своих суждений и мировоззренческих установок.

Необходимость дальнейшей разработки вопроса о возникновении теории официальной народности

Базовый для исторической науки принцип историзма обязывает нас не сводить происхождение и сущность исторических явлений к воле одного или нескольких исторических деятелей, сколь бы влиятельное положение в обществе они при этом ни занимали. Люди рождаются, живут, действуют в определённой социальной среде, которая в каждый конкретный момент времени насыщена множеством разнонаправленных идей и культурных течений. Все вместе они составляют тот духовно-культурный фон эпохи, который, во-первых, формируется постепенно и во взаимосвязи с фоном событийным; во-вторых, меняется достаточно медленно и детерминировано; в-третьих, самим фактом своего существования оказывает незримое, но вполне действительное влияние на умонастроения общества, задавая те нормативно-ценностные границы, в которых протекает и развивается дискурс, складываются, противостоят и распадаются коалиции интеллектуалов [6], рождаются идеи, ко-

торые впоследствии овладевают массами, становясь материальной силой в историческом процессе [7].

Теория официальной народности ни в коей мере не является в этом плане исключением. Сквозь поверхностный слой персональных желаний и политической злободневности раннего периода царствования Николая I мы вполне можем попытаться увидеть те глубинные предпосылки, которыми было обусловлено возникновение и последующее становление этой весьма самобытной концепции. Безусловно, в нашем случае понятие «массы» воспринимается достаточно метафорически, поскольку прослойка русского образованного общества всех вкусов и направлений составляла *apriori* чрезвычайно малую часть от 50-миллионного населения Российской империи. Но объективность требует признать, что именно в этом круге, численностью в несколько десятков тысяч человек, циркулировали идеи и принимались решения, которые оказывали непосредственное влияние на ход исторического развития России.

Прежде всего, необходимо учитывать тот общий культурно-исторический контекст, в котором происходила кристаллизация идей графа Уварова и его единомышленников. Напомним, что в первой трети XIX столетия, вне прямой связи с распространением революционных и просветительских идей на волне Великой Французской революции, наследниками которой стали в духовно-ценностном плане и декабристы, в самой России, в образованном русском обществе и правящих кругах, происходили не менее фундаментальные процессы, одним из которых стал растущий интерес публики к русским национальным корням, к образам народной культуры, к православной духовности. Данные тенденции получили своё отражение и в русской культуре. Народные образы постепенно укореняются в живописи (А. Г. Венецианов, В. А. Тропинин), в литературе шаг

за шагом выстраивается галерея идей и образов специфически русского типа, которые, что немаловажно, артикулируются на стремительно формирующемся русском литературном языке.

Вернёмся к высказанному в начале статьи тезису о недостаточной разработанности вопроса о том, какие именно предпосылки обусловили появление и развитие теории официальной народности. Ранее было сказано о неизбежности воздействия культурно-исторического фона эпохи в виде проявления интереса к собственным национально-культурным корням в русском обществе. С. С. Уваров, Н. В. Устрялов, М. П. Погодин, Н. И. Греч не могли оставаться безучастными к разворачивающимся дискуссиям по этому вопросу. Даже скептически настроенный в отношении Уварова Корнилов указывает на то, что ранее будущий министр народного просвещения был активным членом литературного кружка «Арзамас», участвуя в беседах о судьбах русской словесности и путях её дальнейшего развития. Нельзя также забывать и о большом влиянии деятельности Н. М. Карамзина, его консервативных взглядов, диктуемых искренними патриотическими и национальными убеждениями. Не секрет, что должность официального историографа делала Карамзина вхожим в личные императорские покои с правом высказывания собственного аргументированного мнения, чем выдающийся историк и литератор и пользовался – не к собственной корысти, но «ко благу Отечества Российского», как он сам это благо понимал.

Наконец, до настоящего времени не учтён в полной мере ещё один источник влияния на кристаллизацию идей теории официальной народности. Если немецкий романтизм с его концепцией национального возрождения часто упоминается в качестве важного фактора, оказавшего непосредственное влияние на русскую общественную мысль первой половины XIX столетия, то не менее интересные идеи раннего европейского консерватиз-

ма, прежде всего французского, до сих пор не оценены в должной степени.

Между тем достаточно обратиться к фигуре графа Ж. де Местра, чтобы увидеть немало нового и полезного. Этот эмигрант из охваченной революцией Франции в конечном итоге обрёл себе пристанище в России, где прожил не один год и вступил в достаточно тесные контакты с представителями русской знати. Полагая революцию вообще и во Франции в частности «явлением сатанинским» (в буквальном смысле слова!), друг иезуитов и представитель старинной французской аристократии не стеснялся высказывать свои взгляды в печатной и устной форме. Для нас же важно ещё и следующее: неистовый проповедник консерватизма на религиозной почве, Ж. де Местр пребывал и проповедовал свои ультраконсервативные взгляды в России в то самое время, когда С. С. Уваров участвовал в кружке «Арзамас». Неформальный обмен идеями между салонами и гостинными был неизбежен в силу упомянутой выше сравнительно небольшой численности страты, носившей громкое наименование «русского образованного общества». Именно в отношении к России Ж. де Местр высказался весьма недвусмысленно: «...Род человеческий в его целом способен воспринимать гражданскую свободу только в той мере, в какой его пронизывает и направляет христианство ... Никаким народом нельзя управлять с помощью одних законов – такого никогда не было и никогда не будет. Так оставим же государственной власти самую большую её опору – религию»¹.

Кроме того, французский консерватор и клерикал выступает яростным защитником монархической власти и традиционных начал в жизни государства и народа. Эти строки были написаны в 1811 г. Идеи же, в них содержащиеся, широко обсуждались в петербургских са-

лонах. Нас же интересует то обстоятельство, что по сути своей они оказываются весьма созвучны тем идеям, которые двумя десятилетиями позже будут высказаны русским графом и сановником С. С. Уваровым в отчёте на высочайшее имя: «...Образование правильное, основательное, необходимо в наше время с глубоким убеждением и с тёплой верой в истинно русские хранительные начала Православия, Самодержавия и Народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества ... Весьма часто случалось мне, прервав лекцию профессора, докончить оную собственным нравоучением, всегда приводя речь к лицу государя, к преданности Трону и Церкви, к необходимости быть русским по духу прежде, нежели стараться быть европейцем по образованию»².

У обоих авторов мы видим то исключительное значение, которое оба придают религии, конкретно христианству, в формировании общества и государства. Однако мы далеки от мысли о прямом эпигонстве Уварова общественно-политических идей де Местра. При внимательном изучении текстов в них можно отыскать массу расхождений и дискуссионных противоположных точек зрения. В частности, едва ли русский министр и граф принимал взгляды де Местра на православие как на трагический отрыв от истинной в его представлении веры – католицизма. Напротив, Уваров вменял молодёжи в нравственную обязанность быть русским по духу прежде, нежели европейцем по образованию. А «русскость по духу» вне православия им не мыслилась. Но только в неразрывной связи с приверженностью идее самодержавия. Потому правильнее было бы говорить о тех катализирующих влияниях, которые способствовали оживлению дискуссий

¹ Жозеф де Местр. Четыре неизданные главы о России // Жозеф де Местр. Сочинения. СПб.: Владимир Даль. 2007. С. 31, 35.

² Уваров С. С. Отчёт по обозрению Московского университета // Уваров С. С. Государственные основы. М.: Институт Русской цивилизации, 2014. С. 326.

о судьбах России и характере политики правительства в области народного просвещения. Понятие «истока» не тождественно понятию «заимствование».

Заключение

До настоящего момента вопрос о комплексном характере генезиса теории официальной народности не получил должного освещения в российской историографии. Мы наблюдаем либо либеральный редукционизм, либо избыточную политизацию дискурса. В постсоветское время добавилась тенденция апологии общественно-политической концепции Уварова и его приверженцев, но опять же при недостаточности попыток объективного поиска многообразных истоков данной теории [1, с. 53–76]. Другие исследователи, чьи публикации были указаны в начале статьи, придерживаются достаточно объективного подхода, с элементами вполне оправданного уважения к личности С. С. Уварова, усматривая истоки его теории в историческом

контексте эпохи. В частности, в стремлении противопоставить цельное консервативное и патриотическое мировоззрение революционным идеям, ставшим столь популярными со времён Французской революции.

В результате совершается интересный разворот: как и в советской историографии, в теории официальной народности усматривается контрреволюционный характер. Она как бы вновь подчиняется политической прагматике. Но теперь со знаком «плюс». Вопрос же внутренних предпосылок формирования данной доктрины как органического порождения русской интеллектуальной культуры при определённом влиянии внешних идейных течений по-прежнему освещён недостаточно. Таким образом, лакуна в данном случае носит объективный и системный характер в отечественной историографии. По нашему мнению, данный пробел нуждается в заполнении.

Дата поступления в редакцию 01.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М.: Русское слово, 2002. 349 с.
2. Власов В. А. «Радетель российской самобытности граф Сергей Семёнович Уваров» // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2008. № 13. С. 83–88.
3. Гаврилов И. Б. К характеристике философии образования С. С. Уварова // Христианское чтение. 2019. № 5. С. 161–173.
4. Гаврилов И. Б. Сергей Семёнович Уваров. Жизнь. Труды. Мировоззрение // Труды кафедры богословия Петербургской духовной академии. 2019. № 2 (4). С. 131–191.
5. История СССР. Том II. Россия в XIX веке // под ред. М. В. Нечкиной. М.: Госполитиздат, 1954. 848 с.
6. Коллинз Р. Социология философий / пер. с англ. Н. С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
7. Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть. Л.: Госиздат, 1925. 67 с.
8. Папаяни Ф. А. Современное прочтение уваровской триады // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 26–37.
9. Тяпин И. Н. Проблема исторической преемственности в философии С. С. Уварова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Философия. 2018. № 1. С. 40–50.

REFERENCES

1. Bokhanov A. N. *Samoderzhaviye. Ideya tsarskoy vlasti*. [Autocracy. The idea of tsarist power]. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2002. 349 p.
2. Vlasov V. A. [“Guardian of the Russian-self Count Sergei Semyonovich Uvarov”]. In: *Izvestiya Pen-*

- zenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo* [News of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky], 2008, no. 13, pp. 83–88.
3. Gavrilov I. B. [To the characteristic of S.S. Uvarov's philosophy of education]. In: *Khristianskoye chteniye* [Christian reading], 2019, no. 5, pp. 161–173.
 4. Gavrilov I. B. [Sergey Semyonovich Uvarov: Life. Works. Worldview]. In: *Trudy kafedry bogosloviya Peterburgskoy dukhovnoy akademii* [Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy], 2019, no. 2 (4), pp. 131–191.
 5. Nechkina M. V., ed. *Istoriya SSSR. Tom II. Rossiya v XIX veke* [History of the USSR. Volume II. Russia in the 19th century]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. 848 p.
 6. Collins R. *Sociology of philosophies* (Rus ed.: Rozov N. S., transl. *Sotsiologiya filosofiy*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2002. 1280 p.).
 7. Lenin V. I. *Uderzhat li bolsheviki gosudarstvennuyu vlast* [Will the Bolsheviks retain state power]. Leningrad, Gosizdat Publ., 1925. 67 p.
 8. Papayani F. A. [Present-day interpretations of Uvarov triad]. In: *Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Cultural studies], 2018, vol. 4 (70), no. 2, pp. 26–37.
 9. Tyapin I. N. [The problem of historical continuity in the philosophy of S. S. Uvarov]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Filosofiya* [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Philosophy], 2018, no. 1, pp. 40–50.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильин Андрей Алексеевич – старший преподаватель, аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: ilin-a17@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Ilyin – Senior Lecturer, Postgraduate Student, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: ilin-a17@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ильин А. А. Идеиные истоки теории официальной народности: историографический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 113–120.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-113-120

FOR CITATION

Ilyin A. A. Ideological origins of the theory of official nationality: historiographical aspect. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 113–120.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-113-120

УДК 930(470)+327.54

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-121-132

ПОЛИТИКА МАККАРТИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Тетерин П. В., Киселёв М. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ проблемы раскрытия политики маккартизма в США (1950–1954 гг.) в работах российских историков.

Процедура и методы. Рассмотрены вопросы, посвящённые научному анализу взглядов российских постсоветских историков на причины, ход и итоги политики маккартизма, в хронологических рамках с начала 1950-х гг. и до настоящего времени. Изучено влияние сенатора Дж. Маккарти и его сторонников на российско-американские отношения, историю холодной войны.

Результаты. В большинстве рассмотренных работ по истории маккартизма выявлены различия в трактовках, разнообразие взглядов отечественных авторов на причины конфликта.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённая работа может быть использована исследователями по проблематике холодной войны для более полного понимания сути конфликта, представленного отечественной историографией.

Ключевые слова: Джозеф Рэймонд Маккарти, российская историография, холодная война, «охота на ведьм», США и СССР, причины, политика, маккартизм, партия

THE POLICY OF MCCARTHYISM IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

P. Teterin, M. Kiselev

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the problem of revealing the policy of McCarthyism in the United States (1950–1954) in the works of Russian historians.

Methodology. The article deals with issues devoted to the scientific analysis of the views of Russian post-Soviet historians on the causes, course and results of the McCarthyism policy, in chronological terms from the early 50s to the present. The influence of Senator Joseph McCarthy and his supporters on Russian-American relations and the history of the Cold War has been studied.

Results. In most of the reviewed works on the history of McCarthyism, differences in interpretations and a variety of views of domestic authors on the causes of the conflict were revealed.

Research implications. The work carried out can be used by researchers on the problems of the Cold War for a more complete understanding of the essence of the conflict presented by Russian historiography.

Keywords: Joseph Raymond McCarthy, Russian historiography, Cold War, “witch hunt”, USA and USSR, causes, politics, McCarthyism, party

Введение

Период маккартизма¹ и «красной угрозы» в США 1950-х гг. является одним из самых неоднозначных элементов холодной войны как в американской истории, так и во взглядах на него со стороны отечественных историков. До сих пор существуют различные точки зрения о причинах возникновения политики сенатора Маккарти – важнейшей персоны, ответственной за открывшуюся «охоту на ведьм», а также на её итоги. В истории США встречаются травля, фейки, информационные вбросы, которые были подхвачены СМИ и растиражированы как априори «доказанные». «Охота на ведьм» продолжается в США и сегодня в поиске «русского» или «китайского» «следов».

Актуальность темы исследования заключается в сложности и неоднозначности вопроса о политике маккартизма как в советской, так и современной постсоветской историографии. Данную тематику затрагивают в своих работах различные специалисты в области истории американистики и холодной войны. Первым опытом обобщения достижений российской историографии, посвящённой изучаемому периоду, стали работы М. Д. Новикова [10; 11], в которой даётся оценка отечественной исторической школе. Однако отсутствует самостоятельная работа с комплексным и многофакторным анализом российских историков по данному периоду истории США.

Целью настоящего исследования является изучение политики маккартизма в США, её причины, ход и развитие, а

также итоги в оценках современных отечественных исследователей.

Причины политики маккартизма

Вопрос о предпосылках политики сенатора Джозефа Маккарти в отечественной историографии крайне неоднозначен. Выделяется несколько основных причин, среди которых – внутри- и внешнеполитические, экономические, социальные и духовно-психологические.

В работах российских историков описан комплекс политических причин, послуживших основанием «охоты на ведьм» в США. Специалист в данной области И. М. Супоницкая выделяет следующие причины: начавшееся глобальное противостояние; появление у СССР собственного атомного оружия; борьба корейских коммунистических и антикоммунистических сил, вылившаяся в локальную войну в Корее (1950–1953); окончательная победа коммунистов в Китае (1949); борьба двух партий (республиканцев и демократов) за власть в США [16, с. 136]. По версии И. М. Супоницкой, Маккарти лишь использовал антикоммунизм для своей избирательной программы, построив её на поиске шпионов в правительстве [15, с. 82]. Подобная политика русофобии использовалась Демократической партией США в предвыборной программе 2020 г.

Ещё одну политическую причину рассматривает российский исследователь Я. А. Левин, высказывая версию, что Маккарти оказался инструментом в руках первого директора ФБР Дж. Э. Гувера, который был ему необходим для того, чтобы раскрутить маховик антисоветской, антикоммунистической пропаганды, шпиономании и истерии с целью запугать Конгресс и общественность, дабы выбить своему ведомству больше полномочий, снимая лишние процессуальные запреты. Эта кампания нужна была для нажима на Г. Трумэна, который, по мнению главы Федерального бюро, проявлял преступную беспечность в вопросах безопасности [8, с. 90–91].

¹ Данная политика США, которая началась в конце 1940-х годов как антикоммунистическая кампания, вышла на свой пик в первой половине 1950-х, а её лицом стал сенатор от штата Висконсин Джозеф Рэймонд Маккарти (1908–1957). Он провозгласил кампанию по поиску агентов советского (русского) влияния в США, как среди деятелей искусства, так и среди госслужащих. Необходимо отметить, что данная политика началась ещё до него, однако именно этому политику удалось стать не только её самым известным деятелем, но и «козлом отпущения».

Третья причина появления политики «охоты на ведьм» представлена в статье В. Абаринова; в ней Маккарти является тараном против правящей Демократической партии в руках республиканцев, которая не была у власти со времён «Нового курса», и потому одиозный сенатор, хоть и не был симпатичен большей части партии, но являлся важным оружием для возвращения в Белый дом [1, с. 28]. По сути, смело можно перефразировать слова Ф. Рузвельта, сказанные им о диктаторе Сомосе: «Маккарти – сукин сын, но это наш (республиканский) сукин сын». Пока это было первоклассное оружие против администрации действующего президента и истеблишмента демократов в Конгрессе, его «грешки» часто не замечали однопартийцы. Главная критика заключалась в том, что Г. Трумэн, являясь одним из разжигателей политики «холодной войны» и ядерной дипломатии, якобы, не обращает внимания на деятельность «коммунистов» во властных органах США.

Четвёртая политическая причина политики маккартизма отмечается в книге «Системная история международных отношений. 1918–2003: события и документы» под редакцией А. Д. Богатурова. По мнению конгрессменов-республиканцев, 33-й президент США, как наследник Ф. Д. Рузвельта, проводил слишком гибкую и компромиссную политику с Китайской Народной Республикой. Данные отношения раздражали американских военных (где было велико влияние ястребов-республиканцев), например, одиозного генерала Д. Макарура, который имел широкие планы по созданию на о. Тайвань плацдарма против КНР. Д. Макарур, как и Д. Маккарти, обвинял Госдепартамент и президента США в мягкости к коммунизму [14, с. 140].

Так, отечественный историк А. И. Уткин основную вину Г. Трумэна усматривает в том, что он сделал немало для обострения холодной войны, удалив из правительственных кругов, например, бывшего вице-президента Уоллеса, пы-

тавшегося отказаться от конфронтации с СССР, уничтожив оппозицию новому экспансионистскому курсу во внешней политике [20, с. 219–220]. В работе Д. С. Ахалкаци прослеживается влияние маккартизма на политику двух ведущих партий США. Республиканцы обвиняли демократов в попытках подрыва устоев либерально-капиталистического строя и старались торпедировать основные программы «Справедливого курса» президента. Республиканцы использовали как методы борьбы с конкурентами антиэтатизм¹ и антикоммунизм² [2, с. 14]. Подобные механизмы использовались и в современной политике двух партий США, так, например, республиканцы встретили в штывы закон президента-демократа Б. Обамы о реформе системы здравоохранения 2010 г.

По выражению Г. Н. Севостьянова, политика маккартизма стала логическим завершением крена вправо, который осуществили правящие круги США в первые послевоенные годы, и была ответом на рост международного коммунистического и рабочего движения, создание мировой системы социализма и начало масштабной деколонизации. Всё это явилось исходным и важнейшим внешнеполитическим фактором формирования данной политики [12, с. 144].

Экономические причины прослежены в значительном числе работ отечественных исследователей. Так, Г. Н. Севостьянов выделяет конфликт крупного бизнеса с рабочим движением, который после окончания Второй мировой войны резко усилился, особенно в районах с «новыми богачами», открывавшими предприятия на новых территориях, где рабочим ранее не было. Не имевшие опыта и не желавшие сотрудничать с появившимися у них профсоюзами, бизнесмены предпо-

¹ Антиэтатизм – идеология, противодействующая государственному вмешательству в экономику, в общественную и личную сферу жизни человека.

² Антикоммунизм – идеология, противодействующая коммунистическим идеям, партиям, течениям и др.

читали давить их силой и репрессиями, борясь с любым, даже реформистским течением, чего требовали также и от правительства [12, с. 145–146].

Второй экономической причиной политики маккартизма, по мнению авторов книги «Международные отношения после Второй мировой войны», можно считать экономический кризис 1948–1949 гг., сменившийся кризисом 1953–1954 гг., показывая тем самым неустойчивость американской экономики, несмотря на все старания правительства и монополистов, что, в свою очередь, только усугубляло конфликт рабочих и бизнесменов [9, с. 262].

Л. С. Белоусов, В. П. Смирнов, А. И. Строганов пишут, что кризис 1948 г. не мог не ударить по настроениям в обществе, которое ещё помнило Великую депрессию 20-летней давности и боялось её повторения, а система государственного регулирования в их глазах потеряла свою эффективность, что стало ещё одним аргументом против Демократической партии и администрации президента [7, с. 58]. Известные российские историки-американисты Н. В. Сивачёв, Е. Ф. Язьков, справедливо отмечают, что сам кризис также умело использовался различными «знающими» его причину проходимцами и демагогами для агитации среди неустойчивых средних и низких слоёв общества, которым предлагались виновники в лице «коммунистов» и тех, кто якобы им продался из верхов общества [13, с. 202]. Подобная точка зрения про демагогов прослеживается у популярного британского историка Э. Хобсбаума: «Однако не американское правительство начало грязную и безрасчётную антикоммунистическую охоту на ведьм, а пустые демагоги (некоторые из них, как например, печально известный сенатор Дж. Маккарти, даже не являлись ярыми антикоммунистами), обнаружившие политический потенциал, имевшийся в огульном обличении внутреннего врага» [21, с. 256].

У маккартизма также можно обнаружить и *социальные корни*. А. В. Борзов рассматривает деятельность Маккарти не только как антикоммунистический поход, но и как атаку на широкий спектр мнений и взглядов, в т. ч. либеральных и реформистских, а также на тех, кто стремился смягчить накал противостояния с Советским Союзом [3, с. 158]. Однако российский американист Г. Н. Севостьянов отмечает, что данная политика была поддержана и некоторыми либеральными кругами [12, с. 144]. Более того, Н. В. Сивачёв и Е. Ф. Язьков считают, что антикоммунизм скорее был лозунгом, который был нужен для борьбы со всеми прогрессивными силами, включая профсоюзы и интеллигенцию [13, с. 203].

В российской историографии выделена такая категория причин, как *духовно-психологические*. А. А. Борисов и Ю. В. Василенко говорят о росте страха в американском обществе перед советской угрозой [4, с. 40]. Страх как фактор, скорее, является следствием, чем причиной политики «охоты на ведьм». А. В. Борзов пишет, что определённую роль сыграл религиозный фактор, поскольку католическая церковь в США и так негативно относилась к СССР, а после войны, когда тот взял под контроль Восточную Европу, и вовсе возненавидела [3, с. 159]. Похожая точка зрения о роли католической церкви имеется и у отечественного журналиста-американиста М. А. Таратуты: католическая церковь США боролась с коммунистами за влияние на эмигрантов из Европы [18, с. 17–18]. И. М. Супоницкая указывает также на традиционное неприятие американским обществом коммунистической идеологии и определённые опасения перед ней, которые усилились после Второй мировой войны [15, с. 85–86]. В свою очередь, Н. В. Злобин считал, что идеология СССР находила симпатию даже в США, значительно повысив свой авторитет после войны [5, с. 35]. По мнению А. И. Уткина, расцветавшие на

этом фоне реакция и шпиономания всё же смогли привести в оцепенение политических противников, что выступали за тёплые отношения с СССР, поскольку теперь симпатии к Советской России были признаком отсутствия патриотизма [20, с. 217–218]. Поэтому можно сказать, что тезисы И. М. Супоницкой – это следствие, а не причина политики маккартизма.

Подводя итог о причинах появления маккартизма, отмеченных в отечественной историографии, можно выделить такие *внутриполитические предпосылки*, как активизация антикоммунистической деятельности директора ФБР Э. Гувера и членов Республиканской партии против проводимой политики демократов; гибкая и компромиссная позиция президента демократа Г. Трумэна. Экономической причиной политики маккартизма являются послевоенные кризисы 1948–1949 гг. и 1953–1954 гг., которые умело использовались различными «знающими» их причину политиками, критиковавшими «верхи» и социальные «низы».

Среди *социальных причин* можно выделить углубление конфликта между рабочим классом и бизнесом в США. Реставрация бизнес-сообществом реакционной повестки против либеральной и реформистской американской политики. «Справедливый курс» Г. Трумэна был воспринят верхушкой республиканцев в штыки и стал одним из поворотных моментов во внутриполитической борьбе за власть. Внешнеполитическими причинами данной политики стала разворачивающаяся холодная война, рост коммунистического и международного рабочего движения, деколонизация, появление мировой социалистической системы.

Духовно-психологические причины: страх перед советской угрозой; борьба католиков с коммунистами за влияние над эмигрантами из стран Восточной Европы; традиционное неприятие коммунистической идеологии у американских элит.

Ход политики маккартизма

Исторический процесс политики маккартизма описан отечественными историками по-разному, поскольку широко рассматриваются различные её аспекты: зачистки внутри государственного аппарата (чиновники), внутри государственного департамента (МИД), в общественных организациях, в культурно-интеллектуальной жизни. Уделено большое внимание комиссиям Конгресса, названным главным технико-юридическим методом этой политики.

Сам Маккарти стал главой сенатской комиссии по контролю над правительственными операциями и постоянной подкомиссии по расследованию при ней, планируя использовать их как плацдарм для наступления на так называемые «коммунистические элементы» в органах правительства. Его соратники¹ находились в Комиссии Палаты Представителей по расследованию деятельности, направленной против США и подкомиссии Сената по внутренней безопасности. По мнению Н. В. Сивачева и Е. Ф. Язькова, эти комиссии, с точки зрения организации, оказались внутренним стержнем и центром маккартизма [13, с. 205].

Развернувшаяся шпиономания и антикоммунизм, переросшие в массовую репрессивную кампанию, сопровождались нарушениями гражданских прав и Конституции. Как отмечает И. В. Супоницкая, многие законы перестали действовать, зато появлялось новое антидемократическое законодательство. Например, к приказу № 10450 от октября 1953 г. был добавлен пункт об увольне-

¹ Соратники Джозефа Маккарти: 1) *Гарольд Химмель Вельде* (1910–1985) – американский конгрессмен США от штата Иллинойс, он был председателем комитета Палаты представителей по антиамериканской деятельности (1953–1955); 2) *Уильям Эзра Дженнер* (1908–1985) – американский сенатор от штата Индиана (1934–1942, 1944–1945, 1947–1959). Он был ярким сторонником политики маккартизма; 3) *Рой Маркус Кон* (1927–1986) – политик и юрист США, был ярким сторонником политики маккартизма в антикоммунистической истерии в 1950-х гг.

нии госслужащих, которые отказывались давать показания, ссылаясь на Пятую Поправку Конституции, что трактовалось как неояльность к Соединённым Штатам [15, с. 86].

М. В. Шабалина в рассмотрении политики маккартизма идёт ещё дальше, утверждая, что все эти разнообразные расследования, травля, обвинения в сочувствии и шпионаже и даже антиуолл-стритская демагогия преследовали цель захвата власти в стране, и вся эта кампания была направлена на дискредитацию правящей администрации США с целью доказать, что она неспособна обеспечить безопасность [22, с. 10–11].

Одним из первых дел в кампании «маккартизма», по мнению Я. А. Левина, стало возрождение провального ранее для ФБР дела «Амеразии», нападки на востоковедов и сотрудников Госдепартамента США, в котором были «обнаружены» коммунисты, в особенности высокопоставленный чиновник Дж. Сервис, который в прошлый раз избежал преследования и сохранил работу в ведомстве [8, с. 93]. В феврале 1950 г. под маккартистскую критику попали президент Г. Трумэн и госсекретарь Д. Г. Ачесон, поскольку те, по мнению Маккарти, были виновны в потере Китая и попустительстве в отношении «коммунистов» в правительстве.

Среди важных аспектов политики маккартизма выделяется зачистка общественных организаций. Г. Н. Севостьянов подробно рассматривает принятый ранее в 1950 г. закон Маккарэна-Вуда о внутренней безопасности, направленный против коммунистических и реформистских движений и групп, под которые попали сотни организаций, включая выступавших против гонки вооружений и за гражданские права. Учреждается Управление по контролю над подрывной деятельностью, которое начинает поиск коммунистов, что, естественно, приводит в эту организацию доносчиков и осведомителей. Были подготовлены 6 концлаге-

рей, а ФБР составило список из 12 тысяч коммунистов и 18 тысяч «неблагонадёжных», которые должны были быть в них заключены в случае чрезвычайной ситуации. Всего «проверкам на лояльность» подверглись около 10 млн человек, но, по признанию официальных лиц, ни одного советского шпиона за это время найти не удалось [12, с. 148–149].

Зачистки в культурно-интеллектуальной сфере – важнейший аспект в данной политике. Так, например, И. В. Супоницкая отмечала, что многие штаты отказывались брать коммунистов на работу в образовательные учреждения, а в 1950 г. правый журнал «Conterattack» опубликовал буклет «Красные каналы» – список деятелей культуры – «красных фашистов и им симпатизирующих» [16, с. 140–141]. И сегодня можно наблюдать, что в либеральных СМИ и в законодательстве есть попытки оболгать левое движение, сравнивая его с фашизмом¹. Дошло также до поиска врагов в сфере культуры и зачистки киноиндустрии. По мнению маккартистов, фильмы могли использоваться для коммунистической пропаганды, в связи с чем их создателей обязали указывать свои взгляды в нарушении Первой поправки. Об этом детально говорится в работах М. С. Трофименкова [19] и М. Д. Новикова [11]. По мнению публициста М. С. Трофименкова, до 50-х гг. XX в. в киноиндустрии проходили антикоммунистические процессы, связанные с главой ФБР Гувером, названные «гуверизмом»². В отечественной истори-

¹ См.: Прохоров К. В. Реликты маккартизма: антикоммунистическое законодательство в США // Universum: Экономика и юриспруденция: электронный научный журн. 2018. № 3 (48). URL: http://7universum.com/ru/economy/arc_hive/item/5553 (дата обращения: 04.02.2022); Мархив М. С. Тоталитарные режимы: сходства и различия // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. № 8. С. 120–123; Полканов В. Д. Фашизм: истоки образования и перерождения // Омский научный вестник. 2010. № 2 (86). С. 64–67.

² «Гуверизм» – мощное антикоммунистическое движение главы ФБР Эдгара Гувера в 1930–1950 гг. внутри США.

ографии данные процессы объединяются под названием «маккартизм», хотя маккартизм является эпизодом антикоммунистической борьбы. Трофименков обозначает «красную истерию» в Голливуде в 1947–1962 гг. [19].

Э. А. Иванян считает, что пик политики маккартизма 1953–1954 гг. – период безудержного политического и правового разгула, поскольку власть оказалась в руках Республиканской партии, а президентом стал Д. Эйзенхауэр, который порой активно, в открытую, а иногда молчаливо, скрытно, поддерживал деятельность одиозного сенатора, общую антикоммунистическую кампанию [6, с. 247].

Подводя итог вышесказанному, можно выделить такие аспекты политики маккартизма, рассматриваемые российскими авторами: антикоммунизм, шпиономания, массовые проверки и увольнения госслужащих, списки с врагами государства (римский аналог проскрипций), «расследование» и травля сочувствующей СССР интеллигенции, начало массовой слежки и доноительства.

Данная кампания показала возможности репрессивного аппарата США и его мощь в «закручивании гаек» в американском обществе.

Итоги политики маккартизма

Маккартизм – довольно краткий и спорный период истории США. Российская историография по-разному видит не только причины окончания, но и результаты политики Дж. Маккарти.

Причину спада «охоты на ведьм» А. А. Борисов, Ю. В. Василенко связывают с деятельностью нового президента, представителя республиканцев, Д. Эйзенхауэра. Он не слишком активно поддерживал сенатора, из-за чего Маккарти обрушил критику на 34-го президента США. Политика маккартизма создала негативный имидж Вашингтону в мире и вызвала недовольство лояльных президенту членов Демократической партии, что привело её к скорому завершению.

Несмотря на крах Дж. Маккарти, его идеи остались жить в США и перенимались некоторыми сторонниками, например, Р. Никсоном [4, с. 40]. Н. В. Сивачев и Е. Ф. Язьков подмечали, что Маккарти пал в результате конфликта с собственной Республиканской партией, что его политика саморазложилась, когда его однопартийцы поняли всю угрозу, выходящего из-под контроля, порождённого ими же чудовища [13, с. 214]. Я. А. Левин видел причины падения политики маккартизма в отходе от неё шефа ФБР Э. Гувера, который, хоть и сотрудничал с одиозным сенатором, но довольно быстро пришёл к выводу, что он приносит куда больше ущерба, чем пользы, потому директор начал готовить компромат на него, попутно разрабатывая операцию COINTELPRO¹, которая учитывала прошлые ошибки и избегала столь прямолинейных действий и пещерного антикоммунизма [8, с. 96]. Э. А. Иванян выделяет причину падения Дж. Маккарти, где спусковым крючком стало подозрение на фашизацию Америки через его политику, об этом, например, отмечали в Великобритании, поэтому его бывшие союзники ждали лишь повода от него избавиться. После того как Маккарти обрушился с критикой уже на Пентагон и министра обороны, на него самого напало сначала телевидение, а затем коллеги-сенаторы, в 1954 г. организовавшие против него расследование и уличив в финансовых махинациях и превышении полномочий, после чего его карьера закончилась [6, с. 247]. И. М. Супоницкая в своей работе «Общество против Джозефа Маккарти» делает вывод, что против сенатора выступило всё американское общество в лице известных издателей, бизнесменов, политиков, журналистов и даже президентов [17, с. 143].

¹ Реакционная программа ФБР (1956–1976 гг.) по прослушке телефонных разговоров, незаконных арестов; проведение провокаций и дезинформации населения США при помощи распространения клеветы и фальшивок. Проводилась против оппозиционных партий и движений.

Среди результатов политики маккартизма можно выделить политические, духовно-психологические и социальные итоги. В российской историографии утвердилась позиция, что внешне- и внутриполитические итоги маккартизма стали самыми значимыми для американской жизни. Среди российских авторов, утверждающих о наличии таких итогов, можно назвать М. В. Шабалину, И. М. Супоницкую, Н. В. Злобина, Л. С. Белоусова, В. П. Смирнова, А. И. Строганова, А. И. Уткина и др.

У М. В. Шабалиной оценка итогов маккартизма рассматривается не просто как провал политической персоны, а как поражение всех крайне правых сил Америки, которые фашистскими методами хотели добиться власти, и, пусть они проиграли, но влияние их идей сохранилось в США [21, с. 18]. Н. В. Злобин в своих оценках считает, что урон также понесла и консервативная часть общества, оказавшись дискредитированной из-за массы безосновательных обвинений [5, с. 35]. Между тем именно консервативная, реакционная часть американского истеблишмента получила основные выгоды от увеличения истерии и нагнетания страха в американском обществе. И. М. Супоницкая отмечает, что американскому обществу был нанесён удар. В подтверждение своих слов автор цитирует Шрекера: «Маккартизм нанёс больше вреда Конституции, чем любая коммунистическая партия» [15, с. 86]. Л. С. Белоусов, В. П. Смирнов, А. И. Строганов считали, что был нанесён удар по престижу США в мире и в глазах общества, федеральное правительство было дискредитировано, причём основные социальные силы так и не смогли оказать адекватного сопротивления маккартизму [7, с. 60]. Данная точка зрения противоречила советским авторам многотомного труда «Международные отношения после Второй мировой войны», где говорилось об активной классовой борьбе, в которую активно включились как интеллиген-

ция, так и американские рабочие, видя в правой реакции проявление фашизма [9, с. 264]. Справедливо отмечены в работе А. И. Уткина итоги политики маккартизма, которая создала в Соединённых Штатах атмосферу холодной войны, обвиняя СССР во всех смертных грехах. Благодаря Маккарти идеология ответственности за весь мир и повсеместного распространения американских интересов завладела сознанием правящего класса США [20, с. 297].

Другим итогом, определившим историю США, стало скатывание к гипертрофированному страху перед так называемой красной угрозой. По мнению И. М. Супоницкой, политика сенатора породила атмосферу страха, что долго не забудется [15, с. 86].

В отечественной историографии прослеживаются социальные итоги маккартизма. Г. Н. Севостьянов писал, что «после 1952 г. развернулся настоящий поход против профсоюзного движения под лозунгом защиты «индивидуальных свобод» <...> «Эта кампания в середине 50-х годов приняла характер общенационального натиска» [12, с. 179]. Как подмечает М. А. Таратута, «охота на ведьм» привела не только к разгрому либерального фланга и коммунистов, но и к дискредитации многих реформ, начатых ещё Рузвельтом, как, например, создание системы медицинского страхования [18, с. 19].

Среди российских историков, изучавших итоги политики Дж. Маккарти, встречаются авторы, которые отрицают очевидные факты, признанные историческим сообществом. Так, по версии российского публициста В. Абарина, «многие подозрения Маккарти были справедливыми ... Он не мог доказать свои инвективы, но такими доказательствами располагало правительство ... именно по этой причине большинство советских агентов в США остались безнаказанными» [1, с. 29]. В. Абарин пытается пересмотреть негативный характер деятельности одиозного сенатора и его сторонников и

не приводит реальных фактов по своей позиции, часто сам себе противоречит.

В работах российских авторов выделяются жертвы данной политики. И. М. Супоницкая подводит неутешительные итоги «охоты на ведьм», число жертв которой до сих пор остаётся предметом дискуссии: около 200 человек попало в тюрьмы, 10 покончили с собой из-за невозможности устроиться на работу, пострадали сотни тысяч человек, причём зачастую попутчики и люди либерально настроенные [16, с. 145]. В работах В. Абарина и И. М. Супоницкой делается акцент на персонификации жертв маккартизма, в основном интеллигенции, среди них композитор А. Колленд и поэт Л. Хьюз [1, с. 29], братья Герхард и Ханс Эйслеры – немецкие политэмигранты, которых из-за симпатий к «сталинскому СССР» сдала их сестра, сторонница взглядов Троцкого, Р. Фишер [16, с. 142]. Э. А. Иванян отмечал вину 34-го президента США Д. Эйзенхауэра, который решил всё же казнить обвинённых в шпионаже супругов Розенбергов [6, с. 247]. Л. С. Белоусов, В. П. Смирнов, А. И. Строганов подводят печальный итог данной политики, которая достигла своего пика в 1953–1954 гг.: чистка в госаппарате, в ходе которой были уволены несколько тысяч чиновников, многие из которых оказались в тюрьме по подозрению в «нелояльности»; принятие закона Конгрессом США, лишившего Коммунистическую партию всех прав, гарантий и привилегий, имевшихся у других политических организаций [7, с. 60].

Таким образом, просматривается широкий спектр взглядов российских историков на итоги маккартизма и его влияния на различные сферы жизни американского общества. Среди них можно отметить политические факторы, которые способствовали окончанию политики маккартизма: приход новой администрации в Белый дом; обострение противоречий между Демократической и Республиканской партиями в Конгрессе,

что привело к отмежеванию от политики маккартизма вторых; отход от политики маккартизма Э. Гувера, руководителя ФБР; активная борьба интеллигенции и американского рабочего класса против правой политической реакции.

Среди духовно-психологических итогов маккартизма можно выделить атмосферу страха и антикоммунистической истерии, охватившей американское общество.

Политическими итогами стали: во-первых, разгром либерального фланга и реформистов; во-вторых, удар по престижу США в мире и дискредитация в глазах общественности федерального правительства; в-третьих, создание правящим классом США в стране климата «холодной войны» и конфронтации с СССР с целью распространения американских интересов во всём мире.

Заключение

Кампания поиска «врагов» и «охоты на ведьм» прошла практически по всем сферам общественной жизни США, начиная от университетов и профсоюзов, заканчивая армией и госдепартаментом. Политика продлилась практически 4 года, с 1950 г. по 1954 г., и закончилась так же быстро, как и началась, покончив заодно с политической карьерой одиозного сенатора. В чём же причины столь быстрого взлёта, успеха и падения с забвением? На этот вопрос отвечает отечественная историография.

Период деятельности сенатора Маккарти до сих пор имеет неоднозначные оценки. В работах советских авторов показано, что в происхождении политики маккартизма большую роль сыграла классовая борьба в американском обществе, эхо «холодной войны», влияние ВПК США и её элиты. В российской историографии большой спектр мнений о его деятельности колеблется от крайне негативных до поддерживающих. Очень важно понять причины появления такой политики, понять, что она не возникла внезапно и не

исчезла навсегда, она продолжает тлеть внутри стен вашингтонских властных кабинетов, и некоторые современные американские политики достают из «нафталинового шкафа» старые как мир догмы и доктрины, как «старое и верное оружие», проверенное временем. Совокупность мнений отечественных историков позволила выявить причины, основные этапы и результаты политики, преследуемые Дж. Маккарти и правящими кругами.

Итак, мы рассмотрели вклад правящих и политических кругов американского общества, принявших наибольшее участие в политике маккартизма, а также основные позиции российских историков по экономическим, политическим,

внешнеполитическим и духовно-психологическим причинам данной политики. Были проанализированы не только объективные, но и субъективные факторы: персоналии, американская элита, государственные чиновники, политические партии, движения, классы и др.

Противоречия также вызывают вопрос. Закончился ли маккартизм с поражением одиозного сенатора в 1954 г., исчезла ли эта политика из Америки навсегда или же осталась, пустив глубокие корни? Вопрос этот остаётся открытым и требует дополнительного рассмотрения, дальнейшего глубокого исследования.

Дата поступления в редакцию 06.02.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаринов В. Шулер с засученными рукавами // Дилетант. 2012. № 7. С. 24–29.
2. Ахалкаци Д. С. Идеино-политическая эволюция Демократической партии США в годы маккартизма, 1950–1954 годы: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1989. 280 с.
3. Борзов А. В. Американские церкви и маккартизм // Американский ежегодник. 2018. № 2017. С. 157–176.
4. Борисов А. А., Василенко Ю. В. Эволюция консервативных идеологических парадигм во внешней политике США в годы «холодной войны» // Вестник Пермского университета. 2007. № 3 (8). С. 39–47.
5. Злобин Н. В. Фабрика коммунистических грёз // Дилетант. 2012. № 7. С. 32–35.
6. Иванян Э. А. История США: хрестоматия. М.: Дрофа, 2005. 399 с.
7. Белоусов Л. С., Григорьева И. В., Орлова М. И. и др. История новейшего времени стран Европы и Америки: 1945–2000 гг.: учебник. М.: Простор, 2003. 478 с.
8. Левин Я. А. «Дело “Амеразии”» – на пороге маккартизма // Обозреватель. 2016. № 10 (321). С. 87–96.
9. Международные отношения после второй мировой войны / под ред. Н. Н. Иноземцева. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1963. 759 с.
10. Новиков М. Д. Интерпретация политики маккартизма в советской и российской исторической науке. СПб., 2017. 114 с.
11. Новиков М. Д. Маккартизм и советская периодическая печать: опыт восприятия и влияние на отечественную историографию // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 72–78.
12. Севостьянов Г. Н. История США. Т. 4. М.: Наука, 1987. 744 с.
13. Сивачев Н. В. Новейшая история США. 1917–1972 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 334 с.
14. Системная история международных отношений, 1918–2000 / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 3. М.: Московский рабочий, 2003. 720 с.
15. Супоницкая И. М. Маккартизм: новый взгляд? // Вопросы истории. 2015. № 8. С. 74–89.
16. Супоницкая И. М. Предатели и жертвы в эпоху маккартизма // Вопросы истории. 2017. № 5. С. 135–146.
17. Супоницкая И. М. Общество против Джозефа Маккарти // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 135–147.
18. Таратута М. А. Время большого позора // Дилетант. 2012. № 7. С. 14–19.
19. Трофименков М. С. Красная книга. Голливуд при маккартизме: надзиратели, жертвы, попутчики [Электронный ресурс]. URL: [https://seance.ru/articles/krasnaya-kniga-gollivud-pri-makkartizme-nadzirately-zhertvy-poputchiki/](https://seance.ru/articles/krasnaya-kniga-gollivud-pri-makkartizme-nadzirатели-zhertvy-poputchiki/) (дата обращения: 12.01.2022).

20. Уткин А. И. Мировая холодная война. М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. 732 с.
21. Хобсбаум Э. Д. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век, 1914–1991 / пер. с англ. Нарышкиной Е. М., Никольской А. В. М.: Независимая газета, 2004. 630 с.
22. Шабалина М. В. Маккартизм, как проявление кризиса буржуазной демократии в США: автореф. дис. ... канд. ист.наук. М., 1967. 20 с.

REFERENCES

1. Abarinov V. [Scammer with rolled up sleeves]. In: *Diletant* [Amateur], 2012, no. 7, pp. 24–29.
2. Akhalkatsi D. S. *Ideyno-politicheskaya evolyutsiya Demokraticheskoy partii SSHA v gody makkartizma, 1950–1954 gody: diss. ... kand. ist. nauk* [Ideological and political evolution of the US Democratic Party during the years of McCarthyism, 1950–1954: Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, 1989. 280 p.
3. Borzov A. V. [American Churches and McCarthyism]. In: *Amerikanskiy yezhegodnik* [American Yearbook], 2018, no. 2017, pp. 157–176.
4. Borisoff A. A., Vasilenko Yu. V. [The evolution of the conservative ideological paradigms in foreign policy of the USA during the “Cold War”]. In: *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University], 2007, no. 3 (8), pp. 39–47.
5. Zlobin N. V. [Factory of communist dreams]. In: *Diletant* [Amateur], 2012, no. 7, pp. 32–35.
6. Ivanyan E. A. *Istoriya SSHA* [History of the USA]. Moscow, Drofa Publ., 2005. 399 p.
7. Belousov L. S., Grigorieva I. V., Orlova M. I., et al. *Istoriya noveyshego vremeni stran Yevropy i Ameriki: 1945–2000 gg.* [Modern history of European and American countries: 1945–2000]. Moscow, Prostor, 2003. 478 p.
8. Levin Ya. A. [«Amerasia case» – at the threshold of McCarthyism]. In: *Obozrevatel* [Observer], 2016, no. 10 (321), pp. 87–96.
9. Inozemtsev N. N., ed. *Mezhdunarodnyye otnosheniya posle vtoroy mirovoy voyny. T. 2* [International relations after the Second World War. Vol. 2]. Moscow, Gospolitizdat, Publ., 1963. 759 p.
10. Novikov M. D. *Interpretatsiya politiki makkartizma v sovetskoj i rossijskoj istoricheskoj nauke* [Interpretation of the policy of McCarthyism in Soviet and Russian historical science]. St. Petersburg, 2017. 114 p.
11. Novikov M. D. [McCarthyism in the USA and Soviet press: perception practices and their influence on the Soviet and Russian historiography]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky], 2018, no. 4, pp. 72–78.
12. Sevostyanov G. N. *Istoriya SSHA. T. 4* [History of the USA. Vol. 4]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 744 p.
13. Sivachev N. V. *Noveyshaya istoriya SSHA* [Recent USA History. 1917–1972]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta Publ., 1972. 334 p.
14. Bogaturova A. D., ed. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy, 1918–2000. T. 3* [Systemic history of international relations, 1918–2000. V. 3]. Moscow, Moskovsky Rabochiy Publ., 2003. 720 p.
15. Suponitskaya I. M. [McCarthyism: a new view?] In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 2015, no. 8, pp. 74–89.
16. Suponitskaya I. M. [Traitors and victims in the era of McCarthyism]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 2017, no. 5, pp. 135–146.
17. Suponitskaya I. M. [The society against Joseph McCarthy]. In: *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 2021, no. 2, pp. 135–147.
18. Taratuta M. A. [Time of great shame]. In: *Diletant* [Amateur], 2012, no. 7, pp. 14–19.
19. Trofimenkov M. S. *Krasnaya kniga. Gollivud pri makkartizme: nadzirately, zhertvy, poputchiki* [Red Book. Hollywood under McCarthyism: guards, victims, fellow travelers]. Available at: <https://seance.ru/articles/krasnaya-kniga-gollivud-pri-makkartizme-nadzirately-zhertvy-poputchiki/> (accessed: 01.12.2022).
20. Utkin A. I. *Mirovaya kholodnaya voyna* [World Cold War]. Moscow, Eksmo Publ., Algorithm Publ., 2005. 732 p.
21. Hobsbawm E. J. The Age of extremes (Rus. ed.: Naryshkina E. M., Nikolskaya A. V., transl. *Epokha kraynostey: korotkiy dvadtsatyy vek, 1914–1991*. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 2004. 630 p.
22. Shabalina M. V. *Makkartizm, kak proyavleniye krizisa burzhuaznoy demokratii v SSHA: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [McCarthyism as a manifestation of the crisis of bourgeois democracy in the USA: abstract of Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, 1967. 20 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тетерин Павел Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Московского государственного областного университета;

e-mail: teterinpost@yandex.ru

Киселёв Максим Андреевич – магистрант кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Московского государственного областного университета;

e-mail: maksim.kiselev.1972@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pavel V. Teterin – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science, Moscow Region State University;

e-mail: teterinpost@yandex.ru

Maxim A. Kiselev – Postgraduate Student, Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science, Moscow Region State University;

e-mail: maksim.kiselev.1972@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тетерин П. В., Киселев М. А. Политика маккартизма в российской историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 121–132.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-121-132

FOR CITATION

Teterin P. V., Kiselev M. A. The policy of McCarthyism in Russian historiography. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 121–132.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-121-132

УДК 314.8

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-133-139

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА (2017–2021 ГГ.)

Шагун Г. Е.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Представить список современных исследований (2017–2021 гг.) о положении русскоязычного населения в постсоветских странах на примере Прибалтики, Кавказа и Республики Беларусь, а также обозначить основные изменения, выявленные в них.

Процедура и методы. В работе использовались системный подход, метод классификации для организации информации и метод контент-анализа.

Результаты. Представлены основные труды по обозначенной проблеме и указаны демографические, социальные и экономические изменения, произошедшие в исследуемых регионах.

Теоретическая и/или практическая значимость. Названные в работе источники могут послужить основой для полного списка работ, посвящённых положению русского и русскоязычного населения в постсоветских странах, а выявленные изменения – стать отправной точкой для дальнейших исследований.

Ключевые слова: русскоязычное население, постсоветские страны, Прибалтика, Кавказ, Республика Беларусь

SITUATION OF THE RUSSIAN AND RUSSIAN-SPEAKING POPULATION IN THE POST-SOVIET COUNTRIES: MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE (2017–2021)

G. Shagun*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To provide a list of current studies (2017–2021) on the situation of the Russian-speaking population in the post-Soviet countries using the example of the Baltic States, the Caucasus and the Republic of Belarus and name the main changes identified in them.

Methodology. The work used a systematic approach, a classification method for organizing information and a content analysis method.

Results. The main works on the designated problem were identified and the demographic, social and economic changes that occurred in these regions were indicated.

Research implications. The sources identified in the work can serve as the basis for a complete list of works on the situation of the Russian and Russian-speaking population in the post-Soviet countries, and the identified changes can become a starting point for further research.

Keywords: Russian-speaking population, post-Soviet countries, the Baltic States, the Caucasus, the Republic of Belarus

Введение

В настоящее время положение русско-го и русскоязычного населения является одной из важнейших проблем внутренней и внешней политики государств – бывших союзных республик СССР и значимым аспектом их взаимоотношений с Российской Федерацией. В связи с этим данная проблема уже на протяжении довольно длительного времени привлекает к себе повышенное внимание исследователей (в первую очередь, историков и политологов) из России. В представленной статье мы рассмотрим, как вопрос о положении русского и русскоязычного населения в постсоветский период освещён в современной российской научной литературе за последние пять лет (2017–2021 гг.) на примере следующих стран: Прибалтики, Кавказа и Республики Беларусь.

Большое количество современных исследований, связанных с указанными странами, представляют ситуацию фрагментарно. Исключение составляет монография С. Я. Суцего «Русские ближнего зарубежья: история, современность, перспективы (геодемографический аспект)» [18], в которой показывается специфика изменений, происходивших в национальных регионах, составлявших в советский период комплекс союзных республик. Рассмотрим уже выявленные особенности и труды, посвящённые проблеме, и представим подборку новых источников.

Страны Прибалтики

Вопросам изменений, происходящих в Латвии, Литве и Эстонии, посвящён ряд новых работ, среди которых статьи В. А. Козлова (2018) [7], С. Я. Суцего (2018, 2021) [17; 19], А. Н. Ильина (2019) [6]; монографии А. А. Носовича (2017) [14], Н. Г. Осиповой, С. О. Елишева (2019) [15], В. В. Фролова (2019) [20], сборник под редакцией А. А. Комарова (2019) [3], статические и аналитические доклады А. Г. Манакова, А. Г. Чученковой (2017) [10], Н. М. Межевича, Н. М. Се-

ника (2021) [12] и др. Стоит отметить, что исследования активно пополняются благодаря Российской ассоциации прибалтийских исследований, появившейся в 2015 году. В данных источниках отражены следующие изменения.

1. Демографические изменения:

– сокращение русского населения почти в 2 раза (с 1,72 млн до 0,96 млн человек) [17, с. 105] вследствие миграций в страны Евросоюза и ассимиляции [18, с. 179];

– постепенное старение населения [17, с. 105];

– повышенный уровень естественной смертности [17, с. 105];

– логически обусловленное предыдущими нарастающее убывание доли русских в общей численности населения [7, с. 53].

С. Я. Суций заключает, что «естественная убыль русских и миграция в Россию будут по-прежнему играть второстепенную роль в сравнении с оттоком в другие страны Евросоюза и ассимиляцией русско-титульных биэтнофоров в Латвии и Литве» [18, с. 179]. Таким образом, изменения в количестве связаны с умышленным уходом населения из стран Прибалтики, что обусловлено, в свою очередь, рядом социальных изменений.

2. Социальные изменения:

– насильственная ассимиляция национальных меньшинств Эстонии и Латвии [10, с. 87];

– стимулирование оттока русскоязычного населения трудоспособного возраста, принявшего гражданство Эстонии и Латвии в страны Европейского союза [10, с. 88];

– нарастающая русофобия [6];

– «парадокс низкой продолжительности жизни» русского населения в странах Прибалтики [7, с. 58], который исследователи связывают с разными социальными факторами и который наблюдается среди русскоязычного населения при сравнении его продолжительности жизни с другими группами населения.

Таким образом, именно социальные изменения провоцируют демографические. Их них вытекает и одно из упомянутых авторами статей экономическое изменение.

3. *Экономическое изменение*: уничтожение оппозиции – организованного рабочего, как правило, русскоязычного движения на крупных предприятиях [12, с. 21].

С. Я. Суций даёт такую характеристику русскоязычному населению, подводя итог своему анализу: «В настоящее время основная масса русских балтийского региона – это люди, так или иначе – экономически, социокультурно, ментально – адаптированные к жизни в своих странах, высоко оценивающие возможности, открываемые европейским статусом Балтии. Подавляющее большинство тех, для кого возвращение на историческую родину являлось сколько-нибудь значимой жизненной целью, вернулись в Россию ещё в 1990-е годы» [18, с. 179]. В. В. Фролов, в свою очередь, заключает: «в странах Балтии на протяжении уже почти 30 лет со стороны местных властей в отношении русскоязычного населения реализуется политика, носящая дискриминационный характер и не соответствующая нормам международного права. Наиболее острыми являются проблемы массового безгражданства, правовой и политической дискриминации русского населения, а также вопрос о статусе русского языка в Латвии и Эстонии» [20]. Мы можем заключить, что комплекс новых исследований русского населения обширен и в них представлен разнообразный спектр происходящих изменений.

Кавказ

Особое внимание русскому населению Кавказа уделено в монографии В. А. Матвеева «Русская осёдлость на Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – начале XX вв.» (2018) [11], где раскрывается специфика демографических и геополитических

процессов, а также статьи Б. Б. Булатова, Р. И. Сефербекова (2018) [4], Н. З. Мосаки (2018) [13], Н. Скворцовой, Д. Абазова (2020) [16] и др. Исследований указанной проблематики крайне мало, а в указанной монографии представлен обширный материал, лишь отчасти затрагивающий состояние положения русских на Кавказе в XX–XXI вв. В указанных работах отражены следующие трансформации.

1. Демографические изменения:

– максимальное сокращение русского населения в постсоветский период (население сократилось с 785 тыс. до 110–130 тыс. человек) [17, с. 106], русское население Закавказья сокращалось повсеместно, и общая его численность к концу нулевых составила порядка 190–196 тыс. чел. [18, с. 208];

– нисходящий этнодемографический тренд [18, с. 208];

– темпы сжатия заметно сократились, процесс перешёл из «стремительной» фазы в «плавную» [18, с. 208].

Последнее указанное изменение целесообразно связать с происходящими социальными явлениями.

2. Социальные изменения:

– сохранение преимущественно потомков старообрядцев имперского периода [17, с. 106];

– русские не перестали выполнять консолидирующую роль для всего сформировавшегося ещё в имперский период согражданства [11, с. 40];

– принятие правительством Дагестана долгосрочной программы поддержки русского населения, которая в какой-то мере приостановила его неконтролируемый отток [4, с. 104].

3. Среди экономических изменений

Н. Скворцова, Д. Абазов выделяют упадок и в связи с ним потребность России «возобновить влияние в регионе, чтобы иметь возможность контролировать транзит энергоресурсов» [16, с. 185].

Особенное внимание авторы отдают вхождению стран Южного Кавказа в НАТО [8; 16]. Так, Н. Скворцова, Д. Аба-

зов замечают: «Ещё одним нежелательным фактором для России является расширение военно-политического блока НАТО за счёт Закавказских республик. Как заявляет Москва, расположение баз НАТО у границ РФ создаёт угрозу её безопасности и вызывает беспокойство» [16, с. 185]. Тем не менее прогнозирование последствий подобного вступления для русского населения не выявляется.

Республика Беларусь

Новых исследований, посвящённых русскоязычному населению в Республике Беларусь, относительно немного. С. Я. Суцких так поясняет такое положение дел: «внимание исследователей русского ближнего зарубежья в последние 20–30 лет было сфокусировано на изучении русских общин в других постсоветских государствах» [18, с. 112]. Проблемы этнического самосознания в Беларуси детально освещаются в работе О. Буховца, А. Буева (2018) [5] и в статьях Н. Л. Балич (2017, 2018) [1; 2]. Экономические связи Беларуси с Россией подробно представлены в научном докладе И. Ю. Лизана, В. А. Шамахова, Н. М. Межевича (2019) [9]. Представим выявленные авторами трансформации.

1. Демографические:

– сдвиги в этнической идентификации представителей данной группы, ставшие центральной причиной масштабной депопуляции русских [18, с. 106];

– сокращение русского населения республики за 1989–2009 гг. более чем на 40% (с 1,34 до 0,78 млн чел.) [17, с. 111].

Можно заключить, что убывание показателей численности населения связано именно с этническим самосознанием. Проблема заключалась в социальных трансформациях.

2. Для *социальных изменений* была характерна особая ассимиляция, что замечает С. Я. Суцких: «проблема ассимиляции была чувствительной и для русских Беларуси; несмотря на относительно комфортные условия развития, русская

община страны в 2000-е гг. была одним из лидеров БЗ по темпам депопуляции (-31,3%)» [18, с. 107]; «системная близость русских и белорусов, существенно облегчающая процесс этнической ассимиляции меньшинства титульным большинством, в перспективе ряда десятилетий представляется куда более сильным фактором, чем культурно-языковая общность двух народов» [17, с. 118] и Н. Л. Балич, И. Н. Харитонов: «следует учитывать фактор долговременного совместного проживания белорусов, русских, украинцев, поляков на территории Беларуси (во втором, третьем поколениях), что способствовало отождествлению себя с белорусским народом, его традициями и обычаями и, соответственно, размыванию идентификационных границ в связи с общностью языка и культуры» [2, с. 149]. Следовательно, составить демографическую статистику, согласно авторам, проблематично, так как ассимиляция внутренних этнических групп способствовала сильному размыванию границ.

3. *Экономические:* И. Ю. Лизан в научном докладе приходит к выводу, что «импортозамещение в любом случае продолжится, а Минск будет от него страдать до тех пор, пока на политическом уровне не будут достигнуты договорённости о принятии мер, которые бы учитывали интересы белорусского бизнеса на российском рынке» [9, с. 55]. Указан ряд экономических проблем взаимодействия России и Беларуси, которые, несомненно, влияют на положение населения.

О. Буховец и А. Буев в своём обширном исследовании заключают следующее: «Значительное абсолютное и относительное сокращение в Белоруссии численности русских логичнее всего объяснить сменой идентичности, «переходом в белорусы» тех, кто в ходе предыдущей переписи позиционировали себя русскими» [5, с. 76]. Таким образом, рассмотренная авторами особая ассимиляция народов привела к осложнению этнографических исследований в Республике Беларусь.

Заключение

В заключение стоит отметить, что из трёх выбранных регионов наибольшее количество новых исследований получила Прибалтика. И для неё, и для Кавказа, и для Беларуси характерен отток русскоязычного населения, однако именно для последней подобное уменьшение количества остаётся спорным ввиду особой ассимиляции культуры. Данный процесс в

Прибалтике носит негативный характер и способствует уменьшению доли русскоязычного населения. И для Кавказа, и для Беларуси требуется разрешение указанных проблем в экономических отношениях для установления положительных отношений как между регионами и Россией, так и, как следствие, между народами.

Дата поступления в редакцию 20.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Балич Н. Л. Социальная дифференциация и миграционные намерения сельского населения Беларуси // Розвиток основних напрямів соціогуманітарних наук: проблеми та перспективи: зб. ст. та тез доповідей за мат. V Всеукраїнської наук.-практ. конф. Кам'янське, 18–19 квітня 2018 року / відп. К. Ю. Богомаз. Кам'янське: ДДТУ, 2018. С. 76–78.
2. Балич Н. Л., Харитонов И. Н. Этническое самосознание и практики национальных общностей Беларуси // Социологический альманах. 2018. № 9. С. 132–149.
3. Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX–XXI вв.: сборник / отв. ред. А. А. Комаров. М.: URSS, 2019. 296 с.
4. Булатов Б. Б., Сефербеков Р. И. Русское население городов Дагестана: динамика численности и причины оттока в постсоветский период // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2018. № 4 (41). С. 104–111.
5. Буховец О., Буев А. Государственный билингвизм. Положение русских и русскоязычие в Республике Беларусь // Современная Европа. 2018. № 3. С. 71–82.
6. Ильин А. Н. Русофобия в Прибалтике // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 13–46.
7. Козлов В. А. Демографическое поведение русской диаспоры в странах Прибалтики и Центральной Азии // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 3. С. 50–60.
8. Курылев К. П., Мачавариани Г. Г. Внешняя политика Грузии на Южном Кавказе: 1991–2016 гг. М.: URSS, 2019. 144 с.
9. Лизан И. Ю., Шамахов В. А., Межевич Н. М. Внешнеэкономические связи и согласованная промышленная политика в Союзном государстве: почему нас разделяет то, что должно объединять? Спб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 62 с.
10. Манаков А. Г., Чученкова О. А. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 г. по 2016 г. Псков: Русская книга, 2017. 96 с.
11. Матвеев В. А. Русская осёдлость на Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – начале XX вв. Ростов н/Д; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. 240 с.
12. Межевич Н. М., Сенник Н. М. Вверх по лестнице, которой не было. Тридцать лет постсоветской Прибалтики. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2021. 40 с.
13. Мосаки Н. З. Этническая картина Грузии по результатам переписи 2014 г. // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 104–120.
14. Носович А. А. Почему Беларусь не Прибалтика. М.: Алгоритм, 2017. 280 с.
15. Осипова Н. Г., Елишев С. О. Историческая Россия: территория и перспективы. М.: Канон+, 2021. 352 с.
16. Скворцова Н., Абазов Д. Конфликт интересов на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 2. С. 181–188.
17. Суций С. Я. Русские ближнего зарубежья в постсоветский период: геодемографические, этносоциальные, социокультурные аспекты // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 1. С. 103–116.
18. Суций С. Я. Русские ближнего зарубежья: история, современность, перспективы (геодемографический аспект). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2019. 342 с.
19. Суций С. Я. Русские в Прибалтике – геодемографические тренды постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 3. С. 21–36.

20. Фролов В. В. Положение русского и русскоязычного населения в странах Балтии в постсоветский период: современная историография вопроса // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2019. № 1. URL: <https://e-koncept.ru/> (дата обращения: 18.02.2022).

REFERENCES

1. Balich N. L. [Social differentiation and migration intentions of the population of Belarus]. In: Bogomaz K. Yu., ed. *Rozvytok osnovnykh napryamiv sotsiohumanitarnykh nauk: problemy ta perspektyvy: zb. st. ta tez dopovidey za mat. V Vseukrayinskoyi nauk.-prakt. Konf. Kamenskoe, 18–19 kvitnya 2018 roku* [Development of the main directions of socio-humanitarian sciences: difficulties and prospects: collection of articles and abstracts of the 5th All-Ukrainian scientific and practical conference. Kamenskoe, April 18–19, 2018]. Kamensk, DSTU Publ., 2018, pp. 76–78.
2. Balich N. L., Haritonov I. N. [Ethnic self-consciousness and practices of national communities of Belarus]. In: *Sotsiologicheskyy almanakh* [Sociological almanac], 2018, no. 9, pp. 132–149.
3. Komarov A. A. [Baltic Neighbourhood. Russia, Sweden and the Baltic States amid the Ages and Events of 19th–21st centuries]. Moscow, URSS Publ., 2019. 296 p.
4. Bulatov B. B., Seferbekov R. I. [Russian population of the cities of Dagestan: population dynamics and reasons for the outflow in the post-Soviet period]. In: *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic], 2018, no. 4 (41), pp. 104–111.
5. Bukhovets O., Buyeu A. [State bilingualism. Conditions of Russians and Russian-speaking in the Republic of Belarus]. In: *Sovremennaya Yevropa* [Modern Europe], 2018, no. 3, pp. 71–82.
6. Ilyin A. N. [Russophobia in the Baltics]. In: *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* [Horizons of humanitarian knowledge], 2019, no. 5, pp. 13–46.
7. Kozlov V. A. [Demographic behavior of the Russian diaspora in the Baltic countries and in Central Asia]. In: *Vestnik Instituta ekonomiki RAN* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2018, no. 3, pp. 50–60.
8. Kurylev K. P., Machavariani G. G. *Vneshnyaya politika Gruzii na Yuzhnom Kavkaze: 1991–2016 gg.* [Foreign policy of Georgia in the South Caucasus: 1991–2016]. Moscow, URSS Publ., 2019. 144 p.
9. Lizan I. Yu., Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. *Vneshneekonomicheskiye svyazi i soglasovannaya promyshlennaya politika v Soyuznom gosudarstve: pochemu nas razdelyayet to, chto dolzhno obyedinyat?* [Foreign economic relations and a coordinated industrial policy in the Union State: why we are separated by what should unite?]. St.Petersburg, IPTs SZIU RANEPa Publ., 2019. 62 p.
10. Manakov A. G., Chuchenkova O. A. *Dinamika etnicheskogo sostava naseleniya Estonii i Latvii s 1881 g. po 2016 g.* [Dynamics of the ethnic composition of the population of Estonia and Latvia from 1881 to 2016]. Pskov, Russkaya kniga Publ., 2017. 96 p.
11. Matveev V. A. *Russkaya osodlost' na Kavkaze: osobennosti formirovaniya vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX vv.* [Russian settlement in the Caucasus: features of formation in the second half of the 18th – early 20th centuries]. Rostov-on-Don; Taganrog, Izdatelstvo Yuzhnogo federalnogo universiteta Publ., 2018. 240 p.
12. Mezhevich N. M., Senik N. M. *Vverkh po lestnitse, kotoroy ne bylo. Tridtsat let postsovetsoy Pribaltiki* [Up the stairs that were not. Thirty years of the post-Soviet Baltic]. St. Petersburg: IPTs SZIU RANEPa Publ., 2021. 40 p.
13. Mossaki N. Z. [Georgia's Ethnic Landscape according to the 2014 census]. In: *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2018, no. 1, pp. 104–120.
14. Nosovich A. A. *Pochemu Belarus ne Pribaltika* [Why Belarus is not the Baltic]. Moscow, Algorithm Publ., 2017. 280 p.
15. Osipova N. G., Elishev S. O. *Istoricheskaya Rossiya: territoriya i perspektivy* [Historical Russia: territory and prospects]. Moscow, Kanon+ Publ., 2021. 352 p.
16. Skvortsova N., Abazov D. [Conflict of interest in the South Caucasus]. In: *Postsovetkiye issledovaniya* [Post-Soviet studies], 2020, vol. 3, no. 2, pp. 181–188.
17. Sushchy S. Ya. [Russians of the neighboring countries in the post-Soviet period: geodemographic, ethno-social, sociocultural aspects]. In: *Narodonaseleniye* [Population], 2021, vol. 24, no. 1, pp. 103–116.
18. Sushchy S. Ya. *Russkiye blizhnego zarubezhya: istoriya, sovremennost, perspektivy (geodemo-graficheskyy aspekt)* [Russians of the near abroad: history, modernity, prospects (geodemographic aspect)]. Rostov-on-Don, YuNTs RAS Publ., 2019. 342 p.

19. Sushchy S. Ya. [Russians in the Baltic states – geo-demographic trends of the post-Soviet period and prospects for the first half of the 21st century]. In: *Narodonaseleniye* [Population], 2018, vol. 21, no. 3, pp. 21–36.
20. Frolov V. V. [Position of the Russian and Russian-speaking population in the Baltic countries in the post-Soviet period: modern historiography of the issue]. In: *Kontsept: nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal* [Concept: scientific and methodological electronic journal], 2019, no. 1. Available at: <https://e-koncept.ru/> (accessed: 18.02.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шагун Глеб Евгеньевич – первый проректор Московского государственного областного университета;

e-mail: ge.shagun@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gleb E. Shagun – First Vice-Rector, Moscow Region State University;

e-mail: ge.shagun@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шагун Г. Е. Положение русского и русскоязычного населения в постсоветских странах: современная историография вопроса (2017–2021 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 133–139.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-133-139

FOR CITATION

Shagun G. E. Situation of the Russian and Russian-speaking population in the post-soviet countries: modern historiography of the issue (2017–2021). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 133–139.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-133-139

УДК 34.05

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-140-147

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ГОСУДАРСТВАХ ЗАКАВКАЗЬЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Абдулазизов К. М.

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучить динамику развития института парламентаризма в странах Закавказья, их постепенный переход к западным политико-правовым моделям.

Процедура и методы. В работе определены ключевые проблемы становления и развития парламентаризма, имеющие место в странах Закавказья. С помощью политологической компаративистики сопоставлены парламенты Армении, Азербайджана и Грузии. При проведении исследования также использовались методы научного исследования: формализации, исторический и социологический подходы.

Результаты. Сделан вывод, что в рассматриваемых странах Закавказья стоит выделить 2 тенденции развития института парламентаризма: либо реципирование западных аналогов с учётом национальных особенностей этих стран, либо придание им роли пропрезидентских структур.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автором сопоставлена динамика развития института парламентаризма в Армении, Азербайджане и Грузии, проведён политико-правовой экскурс в историю их становления и функционирования в постсоветский период.

Ключевые слова: парламентаризм, парламент, система сдержек и противовесов, Армения, Грузия, Азербайджан

FEATURES OF MODERN PARLIAMENTARISM IN THE TRANSCAUCASIAN STATES: COMPARATIVE ANALYSIS

K. Abdulazizov

*Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of this article is to identify the development of parliamentarianism in the countries of Transcaucasia as well as their gradual transition to Western political and legal models.

Methodology. In this article some problems of formation and development of parliamentarism which take place in the countries of Transcaucasia are considered. The parliaments of such countries as Armenia, Azerbaijan and Georgia were analyzed by means of comparative analysis of their politics. The

research was based on the following methods: formalization, historical and sociological approaches.

Results. A conclusion is drawn that in the countries of Transcaucasia under research two trends of parliamentarism should be distinguished: either reception of Western models within the local peculiarities of these countries or giving them the role of pro-presidential structures.

Research implications. The author compared the dynamics of parliamentarism development in Armenia, Azerbaijan and Georgia, and conducted a political and legal research into the history of their formation and functioning in the post-Soviet period.

Keywords: parliamentarism, parliament, system of checks and balances, Armenia, Georgia, Azerbaijan

Введение

Отношение к термину «парламентаризм» изменялось вместе с развитием общественных отношений, политической конъюнктурой, правовой системой и иными факторами. Дореволюционная научная литература акцентировала внимание на взаимоотношениях законодательной и исполнительной ветвей власти (между парламентом и правительством). Со временем происходила постепенная передача некоторых функций (которые традиционно относились к исполнительной власти) в ведение законодательной власти. Это осуществлялось в целях повышения числа реальных рычагов давления парламента на правительство.

В литературе отмечается, что смыслом такого влияния выступает возрастающая зависимость правительства от доверия, которое ему оказывает парламент [1, с. 17]. Так, А. А. Керимов отмечает, что для современного парламентаризма характерны не только достоинства, но и существенные недостатки, среди которых стоит выделить учащающиеся факты коррупции во властных структурах, фактический разрыв прямой связи с избирателями [3, с. 33]. Последний факт обосновывается тем, что парламентарии подчиняются жёсткой партийной дисциплине, которая нередко не позволяет представлять интересы электората напрямую.

Цель исследования – выявление общих и отличительных черт института парламентаризма в странах Закавказья. Актуальность обусловлена развитием демократии и парламентаризма в странах Закавказья, постепенным переходом к

западным политико-правовым моделям. Исследование рассматриваемой проблемы наглядно демонстрирует её многоаспектность, акцентирует внимание на сложности данного процесса. Несмотря на пристальное внимание учёных к проблемам парламентаризма, среди которых стоит выделить таких авторов, как Н. А. Борисов, А. М. Кахриманов, В. В. Степанян, Ю. Л. Шульженко, вопросы, касающиеся особенностей парламентаризма в странах Закавказья, практически не находят освещения в научной литературе.

Экскурс в историю развития института парламентаризма в постсоветских странах Закавказья

Под парламентаризмом мы будем понимать идею, в соответствии с которой исполнительная власть производна от законодательной и подотчётна (т. е. контролируется) ей, т. е. путём вынесения вотума недоверия правительству парламент может инициировать его отставку.

Концепция парламентаризма строится на том, что законодательная власть формируется посредством выборов, осуществляемых народом, который выступает единственным источником власти в государстве. Как следствие, законодательная власть напрямую определяется и избирается народом, что даёт ей преимущество над исполнительной властью, которая должна контролироваться законодательной. Таким образом, опосредованно через законодательную власть народ страны осуществляет контроль над исполнительной властью.

В советскую эпоху идеи парламентаризма отрицались, как и многие другие политико-правовые концепты, относимые к «буржуазным» моделям государственного управления. В соответствии с социалистическими представлениями о концепции разделения власти данная концепция является «ширмой», которая скрывает реальное бесправие масс. Как следствие, от разделения власти (и идеи парламентаризма) необходимо отказаться.

Страны Закавказья, входящие в состав СССР, также испытали на себе данное влияние: советская политическая система была несовместима с разделением власти. После распада СССР и получения независимости страны Закавказья – Армения, Азербайджан, Грузия – начали строить новые системы государственного правления, ориентируясь в основном на западные политические системы, идеи демократии, разделения власти и правового государства.

Анализ политических систем стран Закавказья показал, что в Армении и Грузии преобладает парламент, а в Азербайджане – исполнительная власть. За 30 лет после распада СССР политические системы стран Закавказья претерпели серьёзные изменения, например, в Армении в 2016 г. президентская республика сменилась парламентской; в Азербайджане, наоборот, – после внесения изменений в Конституцию в 2016 г. была укреплена президентская модель власти; в 2017 г. Грузия объявила себя парламентской республикой.

В Грузии и Армении основной политической фигурой является премьер-министр, т. е. глава партии, получившей большинство голосов на парламентских выборах. В Азербайджане президент сотрудничает с парламентом, но последний не имеет реальных рычагов сдерживания и противодействия в отношении президента страны. Отметим, что конституции всех стран Закавказья составлены в соответствии с западными представлениями о политической системе общества.

Однако фактически в каждой из них своё распределение государственной власти между её ветвями.

Исследователи констатируют, что демократия в странах Закавказья до сих пор находится на стадии становления [5]. К идеям классического парламентаризма более всего близки Армения и Грузия. При этом, несмотря на то, что данные страны можно назвать парламентскими республиками, политические системы в них несколько неустойчивы. Премьер-министры, лидеры победивших партий, представляют лишь часть общества¹.

Особенности парламентаризма в странах Закавказья

Армения – демократическая страна, традиции которой были заложены ещё в дореволюционную эпоху. После получения независимости в 1991 г. начался процесс формирования собственных государственных институтов. На основе постсоветских законов был избран парламент, но до сих пор в стране идёт процесс конституционных преобразований.

Законодательным органом Армении является национальное собрание (НС), которое осуществляет контроль над деятельностью правительства, в т. ч. в части утверждения и исполнения госбюджета. Премьер-министр правительства назначается исключительно в случае его одобрения парламентским большинством. Парламент Армении также участвует в назначении на основные государственные должности: членов правления Центрального банка, 5 судей Конституционного суда, членов Контрольной палаты и т. п.

Отрешение от должности президента Армении, согласно ст. 57 Конституции, возможно по решению НС, принятого большинством в 2/3 депутатов на основании заключения Конституционного суда Армении.

¹ Тарасов С. Как парламентаризм оседлал Грузию и Армению // Regnum: [сайт]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2535351.html> (дата обращения: 17.11.2021).

В качестве негативной черты, мешающей развитию парламентаризма в Армении, является сохранение в руках президента права на роспуск НС. Согласно ст. 74.1 Конституции, нацсобрание может быть распущено президентом в следующих случаях:

1. если оно в течение 2 месяцев дважды подряд не одобряет программу правительства;

2. по предложению председателя НС или премьер-министра за бездействие нацсобрания более 3 месяцев.

Однако наличие у президента такого права совсем не гарантирует его реализацию без неблагоприятных последствий [4, с. 109]. В Армении развивается преобладание парламента над всеми другими государственными институтами. Это обусловлено тем, что законодательная власть избирается напрямую народом.

Несмотря на это, Армения всё глубже принимает идеи парламентаризма, роль законодательной власти в стране постоянно увеличивается.

Грузия является единственной страной Закавказья, которая подписала Соглашение об ассоциации с ЕС. Это означает, что политическая система страны в дальнейшем будет испытывать большое влияние западных идей разделения власти.

Парламентаризм в Грузии имеет давнюю историю. Первый законодательный орган страны был избран в 1918 г. В дальнейшем Грузия была включена в советскую политическую систему. В 1990-е гг. начался процесс восстановления парламентских традиций. В этот период парламентскую систему Грузии, ставшей суверенным государством, можно было признать многопартийной. Затем законодатель начал принимать меры к постепенному увеличению избирательного барьера для партий, претендующих на попадание в парламент, что делалось для снижения конкуренции между партиями, упрощения влияния исполнительной власти (президента) на законодательную (парламент).

Однако в 2010-е гг. наметилась тенденция к постепенному возвращению к многопартийной системе. В 2020 г. состоялись последние выборы по пропорционально-мажоритарной системе. Данный формат стал результатом компромисса, достигнутого между правящей партией и оппозицией. Вместе с тем, несмотря на большие изменения в избирательной системе в стране, Грузия остаётся парламентской республикой, и влияние в ней парламента на правительство остаётся достаточно высоким.

Парламент Грузии наделён полномочием по одобрению состава правительства, предложенного новым премьер-министром. Также только парламент Грузии вправе инициировать процедуру недоверия правительству.

К полномочиям парламента Грузии отнесено назначение 3 судей Конституционного суда из 9, 1 члена Высшего совета юстиции из 3, а также генерального прокурора Грузии. Парламент полностью формирует Верховный суд, Службу государственного аудита и совет Национального банка.

Президент Грузии обладает правом суспензивного вето в отношении парламента. Согласно ст. 46 Конституции, президент вправе не подписывать принятый парламентом закон, если направит в 2-недельный срок мотивированные замечания. Президентское вето может быть преодолено большинством (2/3 голосов) парламента.

Импичмент президента Грузии проводится парламентом на основании заключения Конституционного суда. Президент Грузии считается отрешённым от должности в порядке импичмента, если указанное решение поддержат не менее 2/3 полного состава парламента (п. 3 ст. 48 Конституции Грузии).

Роспуск парламента возможен при условии совместного решения президента и премьер-министра (ст. 53 Конституции Грузии). Поскольку премьер-министр предлагается парламентской фракцией,

набравшей наибольшее количество голосов, роспуск парламента затруднителен и маловероятен.

Азербайджан является республикой (Азербайджанская Демократическая Республика). Отметим, что после выхода из состава СССР, новое правительство взяло курс на демократизацию политических процессов. Однако к середине 90-х гг. XX в. курс на демократизацию свернули. На выборах в законодательный орган были установлены жёсткие технические препоны, в результате чего оппозиция получила лишь 5% мест.

Ряд исследователей отмечают, что современный Азербайджан – это авторитарная республика. Ввиду того, что парламентаризм строится на идее полной зависимости парламента от исполнительной ветви власти, «перспективы демократизации в Азербайджане откладываются на неопределённое будущее» [2, с. 66].

Законодательную власть в Азербайджане осуществляет Милли Меджлис (национальное собрание). Законодательная власть не имеет существенных рычагов влияния на президента страны, который обладает правом неприкосновенности и такими полномочиями, как: назначение и освобождение от должности вице-президентов, определение сроков выборов в национальное собрание Азербайджанской Республики, представление государственного бюджета на утверждение в национальное собрание и т. д.

Премьер-министр Азербайджана назначается президентом с согласия Милли Меджлиса (ст. 118 Конституции). При этом в дальнейшем у Милли Меджлиса есть только возможность выразить недоверие кабинету министров вместе с премьер-министром, которое не влечёт юридических последствий для соответствующих должностных лиц. Также к ведению Милли Меджлиса по формированию государственных органов отнесены следующие полномочия (ст. 95 Конституции):

– назначение судей Конституционного суда, Верховного суда и апелляцион-

ных судов по представлению президента;

– дача согласия на назначение на должность и освобождение от должности генерального прокурора согласно представлению президента;

– отрешение от должности в порядке импичмента президента по представлению Конституционного суда;

– отрешение от должности судей по представлению президента;

– решение вопроса о доверии кабинету министров;

– назначение на должность и освобождение от должности членов правления Центрального банка по представлению президента;

В соответствии со ст. 98.1 Конституции Азербайджана, если один и тот же созыв Милли Меджлиса дважды в течение года выразит недоверие кабинету министров или не назначит в установленный законом срок после двукратного представления президентом необходимое число кандидатов для коллегиальной деятельности Конституционного суда, Верховного суда и правления Центрального банка, президент распускает Милли Меджлис.

Отрешение от должности президента Азербайджана возможно по инициативе Конституционного суда. Милли Меджлис принимает решение об отрешении от должности президента, заручившись заключением Верховного суда на основании 95 голосов из 125 депутатов.

Из приведённого выше перечня полномочий можно сделать вывод, что исполнительная власть в стране является превалирующей. Что касается парламентаризма в Азербайджане, он может получить развитие при изменении социально-экономической обстановки и расстановки сил в верхних эшелонах государственной власти. Ягизаров Ш. Н. отмечает высокую роль СМИ в развитии демократии и политического плюрализма в республике [6, с. 158], что позволяет надеяться, что институт парламентской власти упрочит своё положение в системе органов государственного управления.

Сравнительная характеристика

Ключевые параметры организации парламентаризма в государствах Закавказья можно представить в виде таблицы 1.

Видны существенные сходства моделей парламентаризма в Грузии и Армении. В обеих странах законодательные органы могут прекращать по своей инициативе полномочия президента и правительства. В Азербайджане такие возможности у парламентариев отсутствуют.

Вместе с тем в Армении и Азербайджане президент наделён правом распустить законодательный орган лишь в силу несогласия его с правительством. В Грузии для подобного решения необходимо согласие премьер-министра, который в силу особенностей избирательного

процесса ангажирован с наибольшей по численности парламентской фракцией.

Заключение

Итак, среди стран Закавказья в отношении идеи парламентаризма наблюдается 2 тенденции:

1. расширение полномочий и веса законодательной власти (парламента) в политической жизни страны;

2. укрепление исполнительной власти при снижении рычагов давления законодательной власти на неё.

Отметим, что внедрения в законодательство на декларативном уровне таких понятий, как демократия, свобода слова и парламентаризм, недостаточно для реального появления и эффективного

Таблица 1 / Table 1

Параметры организации парламентаризма в государствах Закавказья / Parameters of the organization of parliamentarism in the states of Transcaucasia

Параметр	Грузия	Армения	Азербайджан
Формирование Правительства	Только Парламент, по представлению Премьер-министра	Утверждает только Премьер-министра	Утверждает только Премьер-министра
Роспуск Правительства	Только по инициативе Парламента	По инициативе Национального Собрания либо Президента	Полномочия Парламента отсутствуют
Формирование судебных органов	Конституционный Суд – Парламент совместно с другими органами государственной власти, Верховный Суд – полностью Парламент	Только пять судей Конституционного Суда	Полностью Парламент
Формирование финансовых органов	Полностью Парламент	Полностью Парламент	Полностью Парламент
Роспуск Парламента	Крайне затруднителен, поскольку необходима виза Премьер-министра	Возможен по усмотрению Президента при отсутствии согласия Национального Собрания и Правительства	Возможен по усмотрению Президента при отсутствии согласия Милли Меджлиса и Кабинета министров
Отрешение от должности Президента	По инициативе и по решению Парламента	По инициативе и по решению НС	По инициативе Конституционного Суда по решению Милли Меджлиса

функционирования в стране данных институтов. Реальное состояние парламентаризма в стране определяется во многом не нормами законодательства, а распределением полномочий в верхних эшелонах власти.

Иными словами, в условиях высокого влияния исполнительной власти в стране законодательная власть не сможет противостоять ей даже при благоприятной

нормативно-правовой базе. В этой связи необходимо осуществлять работу по постепенному уравниванию законодательной и исполнительной властей в части полномочий и влияния. Только таким образом можно достичь развития идеи парламентаризма, в т. ч. и в странах Закавказья [1, с. 100].

Дата поступления в редакцию 07.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов Н. А. Парламентизация форм правления в постсоветских государствах: причины и следствия // Вестник РГГУ. Серия: политология. История. Международные отношения. 2018. № 3 (13). С. 93–110.
2. Кахриманов А. М. Двойственная природа политического режима Азербайджанской Республики // Высшее образование сегодня. 2016. № 7. С. 62–68.
3. Керимов А. А. Современный парламентаризм: особенности и проблемы развития // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. № 11. С. 30–36.
4. Степанян В. В. Национальное собрание в модели парламентского правления Республики Армения // Северо-кавказский юридический вестник. 2017. № 2. С. 108–111.
5. Шульженко Ю. Л. Понятие «парламентаризм» в современной отечественной науке // Труды института государства и права Российской академии наук. 2017. № 5. С. 14–36.
6. Ягизаров Ш. Н. Роль СМИ в становлении и развитии политического плюрализма в Азербайджанской Республике // Вестник экспертного совета. 2017. № 2 (9). С. 156–160.

REFERENCES

1. Borisov N. A. [Parliamentization of government management forms in the post-Soviet states. The causes and consequences]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: political science. History. International relationships], 2018, no. 3 (13), pp. 93–110.
2. Kakhrimanov A. M. [Dual nature of the Azerbaijan Republic's politics]. In: *Vyssheye obrazovaniye segodnya* [Higher education today], 2016, no. 7, pp. 62–68.
3. Kerimov A. A. [Modern parliamentarism: specific factors and problems of development]. In: *Izvestiya Irkutskogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies], 2015, no. 11, pp. 30–36.
4. Stepanyan V. V. [The National Assembly in the Model of Parliamentary Government of the Republic of Armenia]. In: *Severo-kavkazskiy yuridicheskiy vestnik* [North Caucasian Legal Bulletin], 2017, no. 2, pp. 108–111.
5. Shul'zhenko Yu. L. [The concept of «parliamentarism» in the modern Russian science]. In: *Trudy instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2017, no. 5, pp. 14–36.
6. Yagizarov S. N. [Mass media role in formation and development of political pluralism in the Azerbaijan Republic]. In: *Vestnik ekspertnogo soveta* [Bulletin of the Expert Council], 2017, no. 2 (9), pp. 156–160.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абдулазизов Камиль Магомедович – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: kamilakm94@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kamil M. Abdulazizov – Postgraduate Student, Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: kamilakm94@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Абдулазизов К. М. Особенности современного парламентаризма в государствах Закавказья: сравнительный анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 140–147.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-140-147

FOR CITATION

Abdulazizov K. M. Features of Modern Parliamentarism in the Transcaucasian States: comparative analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 140–147.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-140-147

УДК 94(100): 1991-2022

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-148-157

ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Гришина Т. М.

Международный юридический институт

127427, Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление исторических тенденций образования, функционирования и развития надгосударственных союзов на территории Евразии.

Процедуры и методы. Исследование основано на применении сравнительного исторического метода перспективного развития ЕАЭС как современной формы Евразийской интеграции. Использован метод актуализации практического опыта функционирования Союза в геополитическом пространстве Евразии.

Результаты. Сделан вывод о наличии суммарного потенциала ЕАЭС достаточного для становления объединения в роли серьезной региональной группировки на Евразийском пространстве. Удалось выявить характерные особенности прохождения интеграционных процессов, обновить проблематику развития ЕАЭС.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложены авторские позиции, способствующие реализации позитивного сценария становления Союза в историческом процессе на общем цивилизационном пространстве.

Ключевые слова: этап, интеграция, ЕАЭС, соглашение, потенциал, союз

THE EVOLUTION OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: FEATURES AND DEVELOPMENT TRENDS

T. Grishina

International Law Institute

ul. Kashenkin Lug 4, Moscow 127427, Russian Federation

Abstract

Aim. Identification of historical trends in the formation, functioning and development of supranational unions on the territory of Eurasia.

Methodology. The study is based on the application of the comparative historical method of the prospective development of the EEU as a modern form of Eurasian integration. The author applies the method of updating the practical experience of the functioning of the Union in the geopolitical space of Eurasia.

Results. Based on the results of the study, the author concluded that the total potential of the EEU is sufficient for the formation of the association as a serious regional grouping in the Eurasian space. The author managed to identify the characteristic features of the passage of integration processes as well as to update the problems of the EEU development.

Research implications. The author's positions that contribute to the implementation of a positive scenario of the formation of the Union in the historical process in the common civilizational space are proposed.

Keywords: stage, integration, EEU, agreement, potential, union

Введение

Новейшее историческое пространство Евразии, формирующееся с начала 1990-х гг., демонстрирует различные модели межгосударственных отношений. Наибольший общественный и научный дискурс вызывает объединение постсоветского пространства и проходящие на нём более трёх десятилетий процессы геополитического интегрирования, углубления социально-экономических связей, а в целом, демонстрации становления оптимальной модели Евразийской интеграции. Постсоветские республики, имеющие общие исторические корни и многовековой опыт проживания в едином государстве, обладают характерными особенностями, поэтому к научному дискурсу предлагается периодизация Евразийской интеграции.

Формирование институциональной основы экономической интеграции на постсоветском пространстве (1991–1999 гг.)

Преференциальный этап. Его можно дифференцировать по годам активизации и стагнации развития. Начало было положено в 1991–1994 гг. – время, когда национальные элиты постсоветских республик по большей части занимались вопросами укрепления своего международного и внутривнутриполитического статуса, ориентируясь больше на торгово-экономический периметр дальнего зарубежья. Первым интеграционным объединением, возникшим на территории упразднённого СССР, стало Содружество независимых государств (СНГ), главной целью создания которого было больше сопротивление центробежным силам, чем реинтеграция постсоветских республик.

В 1992–1993 гг. на развитие Евразийской интеграции существенно влияли принципиальные различия в экономическом потенциале стран и содержании реформ, проводимых на постсоветском пространстве. Следует отметить, что наиболее тесные связи сразу возникли

между Беларусью и Россией, поскольку лидеры стран быстро осознали необходимость тесного экономического и иного взаимодействия.

В данный период активно формировалась договорная база в виде многосторонних преференциальных соглашений, реализация которых продвигала партнёров по СНГ к формированию зоны свободной торговли (ЗСТ), таможенного союза (ТС) и общего экономического пространства (ЕЭП). Однако подписанные соглашения не были реализованы, т. к. реинтеграция в экономический союз вступала в противоречие с политическими тенденциями, доминирующими в постсоветских республиках.

Позитивный результат указанного периода был выражен в выявлении готовности постсоветских республик к экономической интеграции, а январь 1995 г. был ознаменован подписанием Соглашения «О Таможенном союзе», что значительно сузило круг действительно настроенных на развитие объединения страны и ощутимо сблизило Россию, Беларусь и Казахстан. В марте 1996 г. к Соглашению присоединилась Киргизия, а в феврале 1999 г. – Таджикистан.

1995–1997 гг. стали годами динамичного созидания, позитивные результаты которого выразились в сближении стратегических векторов социально-экономической политики и проводимых рыночных реформ. В 1997 г. большинству участников Содружества удалось обуздать инфляцию и провести глубокие институциональные преобразования, реорганизацию производственной и промышленной базы, модернизацию рыночной инфраструктуры и расширение экспортного потенциала [8, с. 59]. Однако в 1998 г. в условиях мирового финансового кризиса активное развитие интеграции на пространстве Евразии замедлилось в силу объективных причин; была приостановлена унификация нормативно-правовой базы, отложено принятие общего таможенного тарифа и т. д.

Несмотря на возникшие трудности, уже 26 февраля 1999 г. был подписан договор о «Таможенном союзе и едином, поэтапно формируемом, экономическом пространстве» (ТС/УЭП)¹, который представлял собой интегративное соглашение, ориентированное на широкое экономическое партнёрство и сближение хозяйственных комплексов сторон, что подтвердило их желание перейти к новому этапу.

Таким образом, окончание XX в. было ознаменовано формированием правовой основы для дальнейшей позитивной трансформации, выразившейся в подписании договора об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в октябре 2000 г.² Создание и начало деятельности ЕврАзЭС можно считать отправной точкой этапа создания экономического союза, поскольку именно это объединение послужило для формирования на его базе современной формы – Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Построение новых форматов партнёрского взаимодействия в процессе эволюции евразийской экономической интеграции: уроки и успехи

Геополитическое и геоэкономическое стратегическое сотрудничество постсоветских республик в границах ЕврАзЭС было нацелено на моделирование оптимального взаимодействия в рамках Таможенного союза с учётом их национальных интересов на новой межгосударственной площадке в процессе созидания Единого экономического пространства [4]. Планы государств – членов ЕврАзЭС были амбициозными, но вполне осуществимыми. Среди задач, поставленных перед партнёрами можно выделить: установление

общих правил торговли товарами и услугами и их доступа на внутренний рынок; выработка согласованных позиций государств-членов во взаимоотношениях с ВТО; всестороннее сближение и гармонизация национальных законодательств. Эти пункты не отличались новизной, однако были актуальны, а многие из них хотя и были ранее закреплены в предыдущих соглашениях, но на тот момент обрели глубокий, практический смысл и «второе дыхание», что свидетельствовало об углублении интеграционных процессов и их выводе на более качественный уровень взаимодействия.

Не всё запланированное удалось реализовать, однако были достигнуты определённые успехи, и в 2007 г. лидерами 3 основных государств ЕврАзЭС были подписаны важнейшие документы по ключевым вопросам организационной структуры Таможенного союза. В рамках достигнутых договорённостей были установлены конкретные сроки реализации намеченных мероприятий – до 2010 г., а также разработан механизм вступления в Таможенный союз новых участников.

В 2008 г. мир потряс финансово-экономический кризис, который, в отличие от кризиса 1998 г., только придал импульс Евразийской интеграции, поскольку уже стала очевидной невозможность борьбы государства в одиночку с угрозами и вызовами современного мира.

1 июля 2011 г. начал функционировать Таможенный союз, и Евразийская интеграция вышла за рамки территорий между основными членами Евразийского объединения; общая таможенная территория приобрела максимально открытый характер, формировалась общая правовая база, регулирующая статус единого таможенного пространства, нормативные основы в сфере технического регулирования, санитарных требований, порядка взимания налогов и др. Основным органом Союза, созданным для эффективного решения запланированных задач, явилась Комиссия таможенного со-

¹ Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12118938/> (дата обращения: 03.02.2022).

² Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3402> (дата обращения: 03.02.2022).

юза (КТС)¹, правопреемницей которой в 2012 г. стала Евразийская экономическая комиссия.

С 9 декабря 2010 г.² по 1 января 2012 г. проводилась работа по формированию ЕЭП. Правовой базой для его формирования стал пакет документов по важнейшим вопросам сотрудничества: противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих стран; правовом статусе мигрантов и членов их семей; обеспечении доступа к услугам естественных монополий в сфере электроэнергетики; согласованных действий в макроэкономической и принципах валютной политики; создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала; единых принципов и правил конкуренции, а также регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности и др.

Попытки создания зоны свободной торговли осуществлялись в масштабе СНГ с 1994 г. однако Договор³ был подписан в 2011 г. и вступил в силу 20 сентября 2012 г. Таким образом, временем перехода на новый уровень Евразийской интеграции можно назвать 2011 г. – создание правовой базы, регулирующей зону свободной торговли в полномасштабном формате.

1 января 2012 г. можно отметить как начало нового этапа – окончательного формирования ЕЭП, открывшего новые перспективы и ставшего основой для дальнейшей трансформации евразийского пространства и перехода ЕвразЭС в новую, более совершенную форму Евраз-

ийского экономического союза – ЕАЭС, который появился на международной арене как геополитический субъект 1 января 2015 г. в качестве организации региональной экономической интеграции. Правовой основой для его формирования явился «Договор о Евразийском экономическом союзе»⁴. Основной принцип его деятельности – обеспечение благоприятных торгово-экономических условий на межгосударственном уровне для членов Союза. К поставленным перед ним целям можно отнести:

- создание условий для стабильного развития экономик участников объединения;
- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов;
- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

В декабре 2018 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) была принята Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов⁵, что существенно активизировало интеграционные процессы в ЕАЭС. Главы государств – членов Союза заявили о готовности углублять экономическое сотрудничество на основах: максимальной эффективности единого рынка ЕАЭС и реализации его возможностей для бизнеса и потребителей; формирования «территории инноваций» и стимулирования научно-технических прорывов; раскрытия потенциала интеграции для людей, повышения их благосостояния и качества жизни; формирования Союза как одного из значимых центров разви-

¹ Договор о Комиссии таможенного союза // Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93363/ (дата обращения: 03.02.2022).

² Декларация о формировании Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL <https://docs.cntd.ru/document/902321306> (дата обращения: 03.02.2022).

³ Договор о зоне свободной торговли // Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121497/ (дата обращения: 03.02.2022).

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе // Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 03.02.2022).

⁵ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. 22.10.19. [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/2019102201> (дата обращения: 03.02.2022).

тия современного мира, открытого для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с третьими странами и выстраивания новых форматов взаимодействия¹.

Дальнейшее сотрудничество в рамках ЕАЭС предполагает значительное расширение сфер взаимодействия между партнёрами. Несомненно, будучи экономическим Союзом, ЕАЭС должен, прежде всего, показывать успехи именно в этой сфере, однако границы между экономической и политикой, геоэкономикой и геостратегией с каждым годом всё больше стираются, поэтому сегодня необходимо также создавать единую евразийскую стратегию по вопросам безопасности, цифровой суверенности, национальной идентичности, коммуникационно-информационной политики на новом, усовершенствованном уровне, способном адекватно ответить на современные угрозы и вызовы [6, с. 138–150].

Особенно актуальным в этом контексте представляется потенциально возможный переход к новому этапу Евразийской интеграции – единому валютному пространству. Этот этап в исторической перспективе в рамках Евразийской интеграции ещё не наступил, хотя возможность реализации такого сценария обсуждалась между Россией и Беларусью с 1993 г. Однако необходимость введения единой валютной системы на территории государств – членов ЕАЭС как минимум, на пространстве большой Евразии в идеале, всё чаще звучит на самых высоких уровнях публичной власти государств – членов ЕАЭС и руководством межнациональных органов. Научным сообществом также выдвигаются теории возможного развития по данному пути. Например, президент России В. В. Путин ещё в 2015 г. актуализировал повестку,

поручив Центральному банку и Правительству РФ (вместе с ЦБ государств – членов ЕАЭС) оценить перспективные возможности введения на территориях партнёров ЕАЭС единой валютной и финансовой систем, а также проработать целесообразность и возможность создания валютного союза, однако за прошедшие годы реальных шагов в этом направлении сделано не было. В январе 2021 г. президент Беларуси А. Г. Лукашенко сообщил: «Никакой глубокой проработки валютного союза не было. Мы изначально с президентом России определились, что валютный союз, единая валюта и т. д. – это венец. Мы к этому должны прийти»². И это подчёркивает нацеленность государств на серьёзное интеграционное углубление, несмотря на неготовность государств перехода к нему в настоящий исторический момент.

Научной мыслью выделяется этап создания политического союза, в рамках которого интегрирующиеся государства передают большую часть своих функций создаваемым надгосударственным органам. Однако в мировой практике не существует позитивного опыта подобного объединения, поскольку политическая интеграция может привести только к полной утрате суверенитета. Между тем ЕАЭС прежде всего – экономическое объединение, поэтому, не отрицая взаимосвязи со сферой политических отношений, должно уверенно продвигаться по заданному вектору – повышению экономического уровня партнёров во внутреннем периметре и на международной арене.

Анализируя шаги, сделанные на пути Евразийской интеграции, можно отметить наличие глубокого потенциала и реальных возможностей для повышения благосостояния людей и качества их жизни, в т. ч., предоставление возможности

¹ Евразийская экономическая интеграция [Электронный ресурс] URL: https://eabr.org/upload/iblock/c69/EDB_Centre_Report_52_Eurasian_Economic_Integration_2019_rus.pdf (дата обращения: 15.05.2022).

² Лукашенко назвал валютный союз с РФ венцом, к которому нужно прийти // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/world/744485> (дата обращения: 02.02.2022).

работы, учёбы, путешествий и получения различных услуг в государственных границах партнёров, а также увеличение взаимодействия во многих смежных областях (образования, здравоохранения, спорта, науки, культуры, социальной политики и др.) с учётом согласования основных принципов деятельности ЕАЭС.

Большое Евразийское партнёрство, к которому стремится ЕАЭС, как современный межрегиональный проект может на практике представлять собой систему соглашений преференциального и непреференциального, отраслевого, стратегического и гуманитарного характера, нацеленных на развитие различных видов сотрудничества в регионе. Многообразие соглашений и их прозрачность способны обеспечить гибкость интеграционных процессов, подключение к которым по экономическому направлению не обязывает к полной либерализации торговли и инвестиций, но способствует формированию устойчивых и диверсифицированных производственных цепочек, а также новых точек роста в регионе¹.

Основные этапы евразийской интеграции: периоды и особенности развития

Подводя итог вышесказанному, автор предлагает собственную периодизацию этапов интеграционного Евразийского развития на период с 1991 по 2021 гг.:

1. заключение преференциальных соглашений в рамках СНГ (1991 г.);
2. создание экономического союза от ЕврАзЭС до ЕАЭС как усовершенствованной формы интеграции постсоветских республик (2000 г.);
3. Таможенный союз (2010 г.);
4. зона свободной торговли (2011 г.);
5. единое экономическое пространство (2012 г. – по н. в.);

¹ Вызовы и перспективы евразийской интеграции: доклад Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ и Института развития интеграционных процессов ВАВТ / под ред. А. Клепача. М., 2020. С. 44.

6. единое валютное пространство (перспектива).

Можно отметить характерные особенности в прохождении указанных интеграционных уровней в процессе углубления Евразийской интеграции.

Например, следует обратить внимание на своеобразие подготовки площадки для экономической интеграции на территории упразднённого Советского союза. Среди характерных черт обращают на себя внимания следующие: создание СНГ как инструмента мягкого выхода из общего пространства и фактора укрепления независимости постсоветских республик; выбор «дивергентной» модели [5, с. 4–18], разрушающей, с одной стороны, и одновременно формирующей новые экономические пространства и интеграционные связи между постсоветскими республиками; нежелание лидеров независимых государств глубокой интеграции, аморфность в выполнении поставленных задач, декларативность подписываемых правовых актов; существенно отличающийся уровень экономик интегрируемых государств; различное содержание проводимых в постсоветских республиках экономических реформ; финансово-экономический кризис 1998 г., охвативший практически все государства мира, объективно притормозивший, но по некоторым вопросам повернувший вспять Евразийскую интеграцию.

Следует отметить аморфность и частичную дееспособность правовой базы, сформированной в рамках сохранения межнационального и межгосударственного взаимодействия бывших субъектов СССР. Партнёры использовали то, что сроки для ратификации договоров не устанавливались, а уже ратифицированные зачастую не выполнялись или выполнялись не должным образом. В итоге к 2000 г. сложилась ситуация, при которой половина постсоветских республик присоединились лишь к 40–70% подписанных в рамках СНГ документов [3]. На самом деле переговорный процесс о

формировании преференциального режима чрезвычайно сложен и длителен, поскольку неизбежно приводит к серьёзным изменениям в статусах партнёров.

Создание ЕврАзЭС в качестве межгосударственного регионального проекта существенно стимулировало стагнирующие Евразийские интеграционные процессы и продвинуло их на принципиально качественный уровень. Предпосылками для такой динамики послужили следующие факторы: выработка к началу XXI в. действующей правовой базы; урегулирование многих противоречий; выход государств-участников Союза на международную арену в форме состоявшегося, перспективного объединения; выявление интереса к Евразийскому сотрудничеству; переход от деклараций к осуществлению реальных шагов к запуску проектов ТС, ЗСТ, ЕЭП. Экономический фундамент интеграционного союза на Евразийском пространстве создавался в т. ч. за счёт ресурса, накопленного государствами-членами СНГ.

Реализация основных целей и задач ЕврАзЭС, регламентированных в Договоре об учреждении Евразийского экономического сообщества¹, среди которых, в числе важнейших, – эффективное продвижение процесса формирования ТС и ЕЭП, привела к осуществлению намеченного. Начало деятельности Таможенного союза на Евразийском пространстве явилось результатом многолетней работы стран-членов (России, Беларуси, Казахстана), ставших «ядром» Евразийской интеграции. В таком формате партнёры устранили экономические барьеры, что способствовало развитию торговли на общем пространстве, снижению государственных расходов на таможенный контроль, повышению эффективности деятельности хозяйствующих субъектов, а также привлечению к выгодному про-

екту новых участников, оценивших потенциальные выгоды вступления в Союз и готовых к глубокой интеграции.

Среди характерных черт формирующейся сегодня сети ЗСТ ЕАЭС можно выделить следующие: географические очертания интеграционной сети Союза охватывают большую часть восточного полушария; высокий потенциал развития экономик партнёров по ЗСТ (Вьетнам, Сингапур, Индия, Иран), что неизбежно повлечёт нарастание экономических выгод для государств – членов ЕАЭС. Следует также отметить, что настоящие и потенциальные партнёры ЕАЭС по ЗСТ обладают, как правило, активно развивающимися экономическими системами и имеют серьёзный потенциал, а также возможности стать связующим звеном между ЕАЭС и такими интеграционными объединениями, как ЕС, АСЕАН или Африканская континентальная зона свободной торговли [7].

Правовой основой становления единого экономического пространства послужил базовый пакет из 17 соглашений, условно поделенных на 5 сфер, подписанных в ноябре–декабре 2010 г. главами Беларуси, Казахстана и России². Заинтересованность в реализации проекта была настолько высока, что уже с 1 января 2012 г. правовые акты вступили в силу.

Более ранние попытки запуска ЕЭП не увенчались успехом. Например, в 2003–2005 гг. Россия инициировала ЕЭП между 3 членами ЕврАзЭС (Россия, Казахстан, Беларусь) и Украиной, которая, однако, была готова только к сотрудничеству по отдельным вопросам. После цветной революции в Украине вопрос о совместном ЕЭП был снят с повестки дня [1, с. 22], несмотря на его очевидную экономическую

¹ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3402> (дата обращения: 02.02.2022).

² Решение Высшего Евразийского экономического Совета от 19 декабря 2011 г. № 9 «О вступлении в силу международных договоров, формирующих Единое экономическое пространство Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» // Альта Софт: [сайт]. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/11sm0009/> (дата обращения: 03.02.2022).

привлекательность для всех потенциальных участников.

Среди позитивных последствий работы ЕЭП можно отметить рост таможенных поступлений и взаимной торговли, увеличение количества инвестиций и совместных проектов. Формирование беспрепятственного пространства помогло партнёрам реализовывать продукцию и услуги на гораздо большем количестве рынков сопредельных государств, имея при этом низкий уровень затрат. Создание ЕЭП в периметре ТС, открывшего новые перспективы для углубления интеграции на Евразийском пространстве и совпавшем во времени с трансформацией ЕврАзЭС в новую, более совершенную форму – ЕАЭС, стало возможным после всех пройденных интеграционных уровней и свидетельствовало о более высоком уровне экономической интеграции на постсоветском пространстве.

По результатам проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

Во-первых, площадкой для многоуровневой, разноскоростной Евразийской интеграции на постсоветском пространстве послужило СНГ, явившееся на указанном историческом этапе, скорее, щадящим инструментом по «цивилизованному разводу» постсоветских республик, чем реинтеграционным центром вокруг обновлённого ядра. Дивергентная модель экономической дезинтеграции, сопряжённая с формированием новых объединённых пространств с изменившейся структурой взаимосвязей на месте старых, оказалась наиболее предпочтительной для объединения постсоветских республик для текущего исторического момента. Децентрализация постсоветского пространства, таким образом, перестраивала имеющееся и предлагала иные варианты объединений, не разрушая их окончательно.

Во-вторых, создание ЕврАзЭС как межгосударственного регионального проекта дало мощный толчок к запуску стремительного течения интеграционно-

го процесса. В процессе реализации целей и задач, поставленных перед Союзом, выявилась прочная структура Евразийской интеграции в лице России, Беларуси и Казахстана, причём «ядром» этой тройки является союзное государство Россия–Беларусь¹. Огромная правотворческая и правоприменительная работа национальных, а также наднациональных органов привела к созданию ЕАЭС, ТС, ЗСТ и ЕЭП.

В-третьих, рассмотренные выше тенденции эволюционного развития Евразийской интеграции свидетельствуют о реальном становлении ЕАЭС как особой модели международных отношений на постсоветском пространстве. Совокупный потенциал нового интеграционного объединения уникален (масштаб, природные ресурсы, географическое положение, человеческий капитал и др.), что вызывает интерес государств ближнего и дальнего зарубежья к углублению интеграции. Перспективное функционирование ЕАЭС не может представлять собой инерционное движение по заданному третьими странами маршруту, но представляется в виде формирования единой инфраструктуры, инвестиционных и инновационных инициатив, развития общего экономического, финансового, транспортного, культурного, образовательного и правового пространства, а также продолжения результативной институционализации Евразийского экономического пространства.

Заключение

Для реализации позитивного сценария перспективного развития ЕАЭС в историческом процессе, несмотря на внешние вызовы конкурентов и противников Евразийской интеграции и вопреки им, представляется необходимым выполнение ряда задач:

¹ О создании Союзного государства // Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/ (дата обращения: 02.02.2022).

– уход от ущербной политики «многовекторности», зачастую наносящей значительный урон во взаимодействии с партнёрами и сосредоточение на их взаимных интересах;

– совершенствование нормативно-правовой базы Союза, выраженной не только в гармонизации, но и в унификации правовых норм права Союза, в т. ч. путём модельного законоотворчества;

– наделение ЕЭК гораздо более широкими полномочиями, укрепляющими его статус в качестве реального органа наднационального, а не межгосударственного значения;

– повышение роли суда ЕАЭС функцией международного арбитража, введя отсылку на его решения в практику заключения контрактов [2, с. 29];

– усиление исполнительской, правоприменительной дисциплин и неукоснительное исполнение взятых на себя обязательств национальными государствами – участниками Союза;

– поиск взаимоприемлемых решений и компромиссов для представления на международной арене в качестве единого блока, что повысит роль и значение каждого партнёра по ЕАЭС во внешнеэкономической деятельности;

– привлечение заинтересованных в расширении сотрудничества страны к интеграционным процессам, повышая их статус (от наблюдателя до участника) и вводя в единое пространство (информационное, экономическое, правовое и др.).

Задачи амбициозные, но вполне выполнимые, а их реализация неизбежно приведёт к усилению роли Евразийского объединения в мире. Настоящий исторический момент – переустройство мировой экономической системы представляется очень удобной платформой для серьёзного рывка с целью становления объединения в роли серьёзной региональной группировки.

Лидером же ЕАЭС традиционно представляется Россия, имеющая богатый политический, хозяйственный и социокультурный багаж, а также опыт совместного проживания народов Евразии на исторически сложившейся единой территории. Российская цивилизация стала вектором межкультурного и межгосударственного взаимодействия, а Евразийская интеграция – это новый исторический опыт на основе общего цивилизационного пространства.

Дата поступления в редакцию 16.02.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскакова И. А. Сотрудничество Российской Федерации и Республики Казахстан в процессе евразийской интеграции: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018. 30 с.
2. Глазьев С. Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС // Экономика, право, политика: международный научно-аналитический журнал. 2020. № 1 (31). С. 11-30.
3. Кавешников Н. Ю. Развитие институциональной структуры Евразийского экономического сообщества // Евразийская экономическая интеграция. 2011. № 2 (11). С. 19–35.
4. Лаптев Р. А. Анализ перспектив развития евразийской экономической интеграции // Вестник евразийской науки. 2018. № 4. С. 1–12.
5. Либман А. М., Хейфец Б. А. Модели экономической дезинтеграции. Интеграция и дезинтеграция // Евразийская экономическая интеграция. 2011. № 2 (11). С. 4–18.
6. Михайленко А. Н., Ильина М. Ю. Актуальные вопросы развития Евразийского экономического союза // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 5. С. 138–150.
7. Особенности стратегии ЕАЭС по формированию сети ЗСТ / В. Н. Зуев, Е. Я. Островская, В. Ю. Скрябина, Г. М. Калачигин // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 25. № 1. С. 42–64.
8. Пьянов С. А. Региональная экономическая интеграция в современных условиях: перспективы развития ЕАЭС: дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2017. 220 с.

REFERENCES

1. Baskakova I. A. *Sotrudnichestvo Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Kazakhstan v protsesse yevraziyskoy otsenki: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Cooperation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in the process of Eurasian integration: abstract of Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Moscow, 2018. 30 p.
2. Glazyev S. Yu. [On the strategic directions of the EEU development]. In: *Ekonomika, pravo, politika: mezhdunarodnyy nauchno-analiticheskiy zhurnal* [Economics, Law, Politics: International Scientific and Analytical Journal], 2020, no. 1 (31), pp. 11–30.
3. Kaveshnikov N. Yu. [Development of the institutional structure of the Eurasian Economic Community]. In: *Yevraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya* [Eurasian Economic Integration], 2011, no. 2 (11), pp. 19–35.
4. Laptev R. A. [Analysis of the prospects for the development of Eurasian economic integration]. In: *Vestnik yevraziyskoy nauki* [The Eurasian Scientific Journal], 2018, no. 4, pp. 1–12.
5. Libman A. M., Heifets B. A. Models of economic disintegration. Integration and disintegration. In: *Yevraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya* [Eurasian Economic Integration], 2011, no. 2 (11), pp. 4–18.
6. Mikhaylenko A. N., Ilyina M. Yu. [Topical issues of the development of the Eurasian Economic Union]. In: *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2020, no. 5, pp. 138–150.
7. Zuev V. N., Ostrovskaya E. Ya., Skryabina V. Yu., Kalachyhin H. M. [Features of the EAEU strategy for the formation of an FTA network]. In: *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Economic Journal of the Higher School of Economics], 2021, vol. 25, no. 1, pp. 42–64.
8. Pyanov S. A. *Regionalnaya ekonomicheskaya integratsiya v sovremennykh usloviyakh: perspektivy razvitiya YEAEs: diss. ... kand. ekonom nauk* [Regional economic integration in modern conditions: prospects for the development of the EAEU: Cand. Sci. thesis in Economic Sciences]. Moscow, 2017. 220 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришина Татьяна Михайловна – старший преподаватель Международного юридического института;
e-mail: pravo_17@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana M. Grishina – Senior Lecturer, International Law Institute;
e-mail: pravo_17@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гришина Т. М. Эволюция Евразийского экономического союза: особенности и тенденции развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 148–157.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-148-157

FOR CITATION

Grishina T. M. The evolution of the Eurasian economic union: features and development trends. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 148–157.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-148-157

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru) и Вестника Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки (<https://www.istpolitmgou.ru/jour/index>), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
2022. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор А. А. Глазунова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101);
e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты:

<https://www.vestnik-mgou.ru>;
<https://www.istpolitmgou.ru/jour/index>

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 12,5, усл. п.л. 10.

Подписано в печать: 23.06.2022. Выход в свет: 24.06.2022. Заказ № 2022/06-08.

Отпечатано в МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А